

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Учредители:

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ПО СРЕДСТВАМ МАССОВОЙ
ИНФОРМАЦИИ

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ КБР»

Главный редактор **ХАСАН ТХАЗЕПЛОВ**

Редакционная коллегия:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Беппаев
Анатолий Бицуев
Адам Гутов
Хачим Кауфов
Виктор Котляров
Магомет Кучинаев (отв. секр.)
Владимир Мамишев (ст. ред.)
Светлана Мотгаева
Анжела Мусукаева
Зейтун Толгуров
Юрий Тхагазитов
Андрей Хакуашев
Мухамед Хафиц

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Мурат Карданов
Алибек Мирзоев
Замир Мисроков
Пшикан Таов
Аминат Уянаева
Руслан Фиров
Башир Хубиев
Хасан Шугушев
Сафарби Шхагапсоев
Тембулат Эркенов

2. 2012 МАРТ–АПРЕЛЬ

Иван Тертычный – автор книг стихотворений «И было утро» (1993), «Рядом» (1997), «Подорожная» (2001), «Когда-нибудь» (2005), «Лунный снег» (2007) и многих публикаций в отечественных и зарубежных литературных журналах и коллективных сборниках.

Из тумана-в туман

Артур Амирули Булатов

2 Иван Тертычный *With movement!* 180 Cm D D⁷ Gm

10 Gm Cm F

19 B⁷ D⁷ *aspressz* Gm G Cm

28 Cm⁷ Gm Cm D⁷ Gm Проигрыш

38 Gm G Cm

46 Gm Cm D D⁷ Gm Сначала

Есть на -

Из тумана – в туман

Эта песня возможна. Она без начала.
Есть короткий привет – и пространственный план,
Где виднеется чёрный корабль у причала.
«Из тумана – в туман, из тумана – в туман...»

Есть намёк в этой песне на юность былую,
На парящий над склоном горы дельтаплан,
И намёк на любимую – милую, злую!..
«Из тумана – в туман, из тумана – в туман...»

А ещё обнаружить в ней можно, что между
Еле слышимых строк – чей-то самообман:
Уходили ночами мечты и надежды.
«Из тумана в туман, из тумана – в туман...»

И, быть может, догадка о тщетности мысли,
Что судьбу можно спрятать, как пряник в карман.
А о прочем – молчанье: о счастье, о смысле...
«Из тумана – в туман, из тумана – в туман...»

Телевидение – моя профессия

Аслан МАМХЕГОВ

***

Прежде чем переступить порог телевизионной студии, я сотрудничал с нашим радио, писал радиоочерки, – а мне это нравилось, – под опекой корифея радиожурналистики Инны Халишховой. Являлся внештатным сотрудником, но это не мешало моим работам изредка попадать на доску почета, что было само по себе признанием профессионализма и таланта. Я не имел чести быть знакомым с Владимиром Зарамуковичем Дудуевым, но много о нем слышал, и что послужило поводом для вызова к нему на ковер, я не знал. Это уже потом, когда я работал на телевидении, мне не раз приходилось выпрыгивать со второго этажа, если он вдруг неожиданно появлялся в коридорах нашего редакционного корпуса. Повинен ты был в нарушении трудового кодекса или нет, какая разница, все равно надо было прыгать, и это всегда было правильным решением.

Секретарь открыла двери в его кабинет.

– А, товарищ Мамхегов, ну заходи, – сам встал из-за стола с протянутой рукой и пошел мне навстречу. Меня это удивило. – Садись. Зачем я тебя вызвал. Слушаю твои очерки. Неплохо получается. Может, станешь радиожурналистом, хотя нет, лучше давай, знаешь что, иди-ка ты на телевидение, снимать кино. Я чувствую, у тебя получится.

С той минуты, а это было в 1973 году, пошел отчет времени. Так Владимир Зарамукович Дудуев стал моим телевизионным крестным отцом. И я думаю, что не подвел его.

Я пришел в киногруппу, которая по тем временам была одной из самых профессиональных и сильнейших телевизионных групп в стране. Буслик, Монин, Шилин, Пшеноков, Губарев, Чегембаев, Безиров... Они стояли у истоков нашего телевидения. Чуть позже появились ВГИКовцы: Миша Хакулов с Яхтониговым, Шогенов Женя с Канкуловым и Нагоевым. Из них только Миша Хакулов имел опыт работы в большом кино. Он отработал кинооператором на свердловской киностудии, где снял несколько художественных фильмов. Ну а когда телевидение перешло на видео, – к тому времени я уже стал главным оператором, – пришли мои ученики: Ханов, Волоконский, Пханеев, Хакулов, Ахметов, Карданов, Хапаев, Хуламанханов, Айтеков и многие другие, которые впоследствии начали работать на всех федеральных каналах. К примеру, Анзор Пханеев на первом канале у Пиманова в программе «Человек и закон», Нагоев десятки лет на НТВ, один из ведущих операторов, Ханов Альберт в Пресс-службе главы КБР.

Сегодня телевидение заметно помолодело. Пришла на смену молодежь, появилась она и в моей группе: Сабанчиев, Хандохов, Хаконов, Шогенова, Евдокимов, Тотруков, Тохов, Вагтаев, а значит, все в моей жизни начинается сначала. Не могу не сказать отдельно о двух телеоператорах – Дерекко и Гречко, за плечами которых множество павильонных работ, спектаклей, концертов, – которые впоследствии перешли в киногруппу. Сегодня они профессионалы высокого класса.

А за окном уже 2012 год. Я пишу эти строки для книги, которую задумала наш руководитель к нашему юбилею. Книга памяти, книга воспоминаний о моих товарищах, живых и ушедших, книга о первопроходцах, которые первыми начинали делать телевизионную картинку.

Так получилось, что по приходе в киногруппу меня официально ни за кем не закрепили, но я оговорюсь – мне повезло, что я сразу попал в группу кинорежиссера Владимира Ворокова. То была единственная киногруппа, которая официально базировалась на студии в Оржоникидзе. К тому времени творческий тандем в лице В. Ворокова и Ю. Буслика был на грани распада. Юрий Александрович перешел на узкую пленку, как бы отошел в сторону, уступив свое место своему более молодому ученику Виктору Губареву, который был ассистентом на всех его последних фильмах. Творческий процесс этот, как говорил потом Вороков, прошел безболезненно. Почему повезло с Вороковым? Он хорошо разбирался в операторском деле, здесь я думаю, сказалась школа Юрия Буслика, у которого он многому научился. Нет, конечно, он доверял оператору, но часто вмешивался в построение кадра. В группе он был рабочей лошадкой, наравне с оператором тащил на себе все его «прибамбасы»: штатив, аккумуляторы, кассету и т.д. Он не признавал во время творческого процесса перерывов на отдых, на обед. Работа и только работа, без отдыха и еды, с восхода до заката. Я помню, как мы ночью в горах возвращались в гостиницу после съемок, не раздеваясь, с Губаревым падали на свои кровати, чтобы потом с рассветом нас будил голос Ворокова: «Подъем, чай Рина приготовила, он в термосе, по дороге выпьем. Нам надо успеть до восхода, пару планов осталось...» И еще, благодаря Ворокову, событие, которое повлияло в дальнейшем на мою творческую жизнь, – он позна-

комил меня с кинооператором Северо-Кавказской студии кинохроники Хазби Кароевым.

Хазби Кароев

Ни кинооператор Губарев, в чьих руках был фотоаппарат, ни я, ни тем более Вороков не могли предположить, что пройдет совсем немного времени, и Хазби Герасимовича не станет среди нас. Ну а пока Хазби Герасимович улыбался, торопил летчиков. Нам еще предстояло лететь в Домбай. Кароеву не хватило нескольких планов об этом прекрасном уголке природы. Но это уже будет последним фильмом Хазби Кароева. Затвор фотоаппарата торопливо продолжал щелкать, словно он один знал о надвигающейся беде.

Со временем многие детали неожиданно, особенно после смерти близкого человека, обретают символический смысл. Это было глубокой осенью 1974 года, с почерневших голых деревьев падала на землю холодная капель. Было холодно. Разочарованные неудачным съемочным днем, мы решили пройтись от студии пешком. Я тогда делал первые шаги в группе Ворокова, а он уже сетовал на свою жизнь, когда взялся за неблагодарное дело – снимать кино. Прогулка не сулила бы ничего хорошего, если бы не такси, которое резко затормозило рядом с нами. Открылась задняя дверь, и из нее вывалилась тучная фигура, в берете на лысовой большой голове и в клетчатом костюме, несмотря на собачий холод.

– Товарищ Вороков!

– Хазби Герасимович!

Так в течение многих лет звучал ритуал приветствия, которым они обменивались при каждой встрече.

– Вот, познакомься. Взял его к себе. Хочу сделать из него оператора. Правда, если ты поможешь.

– Кароев. Если хочешь, называй меня дядя Хазби.

Так состоялось наше знакомство. Я далек от мысли анализировать операторское мастерство Хазби Герасимовича. Надеюсь, об этом еще не раз скажут и напишут более компетентные специалисты. Это особая тема, но коль я взялся за перо, мне хотелось бы несколькими штрихами коснуться его творчества. Тем паче что он был оператором высшей категории, заслуженным деятелем искусств РСФСР, Северной Осетии и Кабардино-Балкарии.

Высокий профессионализм в его деле был особенно важен. Он не имел права на неудачу, о чем часто говорил мне. Следует ли, однако, из этого, что я рагую за некий шаблонный автоматизм в его работах? Нет! Просто хочется лишний раз подчеркнуть, – а я был ассистентом на нескольких его фильмах и твердо убежден в том, что условия съемки бывают разные, – Хазби Герасимович, как профессионал, при самых, кажется, неблагоприятных условиях никогда не опускался ниже определенного «кароевского уровня». Ищущий, пытливый, творчески неутомимый, он всегда говорил мне: «Надо снимать все, интересоваться всем, неустанно работать над собой. Тогда и только тогда ты будешь в состоянии вырвать

из гущи событий тот единственный миг, который впоследствии окажется мигом удачи».

Удачно выбранный материал для кинофильма сам по себе не может еще быть гарантией операторского успеха. Оператор должен профессионально владеть камерой. И в этом отношении Кароев ни на кого не похож. Его ни с кем не спутаешь. Он знал себе цену. Знали это и другие. И знал свое место в не таком уж длинном операторском ряду. Он был «штучным товаром». Мне кажется, его все больше тянуло к работе над портретом, хотя он, как никто другой, любил природу, животный мир, особенно лошадей. Я был свидетелем, как он искал знакомства с людьми, давно занимавшими его воображение. Его знали строители Северной Осетии, кукурузоводы Кабардино-Балкарии, нефтяники Чечено-Ингушской республики, овцеводы Карачаево-Черкесии. В результате этих поездок и была создана им большая галерея кинопортретов. Встречаясь с ними на белом полотне экрана, я всегда ловил себя на мысли, как точно передает он атмосферу, как скрупулезно выстроены кинокадры, как тематически цельны киногерои, как соблюдено единство формы и содержания. Я уже не говорю о сложности и длительности процесса кино съемки. Работы эти, – я имею в виду сотни сюжетов, снятых для киножурналов «Северный Кавказ», «Новости дня», «Советский спорт», десятки фильмов, удостоенных наград на всесоюзных и международных кинофестивалях, отличающихся громадным психологическим содержанием, – заключают в себе целый мир страстей и противоречий и требуют самого внимательного, профессионального и вдумчивого исследования.

Я был у него на «побегушках», таскал за ним камеру, штатив, чистил оптику, заряжал кассеты, шел несколько километров за водой, а если попадали на хорошее угощение, старался незаметно положить ему все лучшее, что было на столе. Он воспринимал эту «конвенцию» между нами как должное. Зато взамен щедро расплачивался со мной своей душевной добротой да отцовской лаской.

Юрий Буслик

1981 год, Оржоникидзе. Мы только что похоронили моего учителя, кинооператора Хазби Кароева и возвращались домой в Нальчик. Незачем, думаю, как принято в таких случаях, перечислять все его многочисленные регалии и награды, а скажу одно – он был на московской Олимпиаде, где под его началом работало 40 лучших зарубежных операторов. По дороге домой кто-то предложил остановиться у Святого Георгия и помянуть моего учителя. Буслик говорил первым: «Пусть земля ему будет пухом», больше ничего он не сказал. Слезы душили его. Я стоял рядом. Накрапывал щемящий душу дождь. Он смотрел в одну точку, одинокий, с непокрытой головой, никто не пытался заговорить с ним. Не лез с воспоминаниями в его душу, да и зачем, он только что похоронил близкого человека. О чем он думал, может, о верности друзьям своей молодости или о том, как смерть безжалостно и глупо косит под корень товарищей. О чем он думал, о смерти, о войне, но война пощадила его. А может, вспомнил

тот тихий с легкой дымкой рассвет, когда он возвращался с командного пункта к своим ребятам на передовой и вдруг оказался единственной живой точкой на огромном пространстве земли. Тогда ему показалось, что небо упало на землю. Земля рвалась под ногами в клочья. Он греб ее под себя. Она раскручивалась, она казалась разукрашенным глобусом, от которого пахло свежими красками и гарью.

1982 год. Тихий вечер. Юрий Александрович подошел к окну. Огромные хлопья снега мягко ложились на землю в свете фонаря. Одиноким прохожий. Тут же мгла сомкнулась за ним. Вот уже несколько дней, как он еще в необжитом кардиологическом центре: белые стены, запах извести и краски, свежий запах лекарств. Все это – вместо заграничной поездки, куда он собирался.

Едем навестить Буслика. Вороков жалуется: «Опять целый день было плохо с сердцем». Осунулся, выглядит уставшим от всего, и от кино тоже, но это сегодня. А завтра с утра, в который раз, он впрягается в упряжку режиссерской телеги. Он будет тащить ее из последних сил, как на последнем фильме. Через удачи и неудачи, через падения и взлеты. И телега будет ехать по ухабистой неблагодарной режиссерской дороге, которой, кажется, не будет конца. Ему давно уже не снятся цветные сны, он действительно устал.

Они были молоды. Их объединяла адская трудоспособность. Они были талантливы каждый по-своему, влюбленные в жизнь, в кино, в крупные планы своих героев. Много лет они были в одной упряжке, тянули ее честно, как настоящие мужики, порой безжалостны друг к другу, ради общего дела, ради последнего кадра. Первый фильм. Первое близкое знакомство, которое со временем вылилось в долгую, прочную мужскую дружбу. Первый фильм «Кабардино-Балкария сегодня» выделялся крупными планами, где активно использовались выразительные детали. В нем еще не было ни острых ракурсов, ни эффектного освещения, ни нервного монтажа, но уже в этой первой совместной работе сложилось операторское мировоззрение Буслика. Наметился тот ряд художественных приемов, которые и стали впоследствии отличительными чертами его операторского творчества.

Мы зашли, и в палате стало тесно. От нас пахло мокрым снегом и печалью. Он лежал на больничной койке растерянный, покорный, напоминал подростка. Увидел нас, едва заметная улыбка тронула его губы. Говорили обо всем: о слякоти, о гречневой каше, которая изрядно ему надоела, говорили о сердце и о фильмах. Это все было после...

А тогда... весть о войне застала Юрия Александровича на реке Малке, на рыбалке. С того берега отрывисто доносилось: «Вой-на-а, немцы напали, война!» – парень громко кричал, размахивая руками. А перед этим был теплый ветер июня, который нес еще по мирному темнеющему небу легкие облака. Они были похожи на полевые цветы. На них, казалось, осталось легкое прикосновение ушедшего заката. Собирались звезды, он вылезал из шалаша в родниковую прохладу ночи и смотрел в небо. Он спускался к реке. От воды пахло покоем. А с рассветом с того берега донеслось: «Вой-на-а!».

В 17 лет он показал матери повестку. А в 18 уже командовал минометным взводом. В 1943 году вернулся домой с боевыми наградами, вернулся инвалидом. Без ноги. А до победы еще оставалось два долгих года. Областная партийная школа. Работа в горкоме комсомола. Руководитель фотокружка в Доме пионеров. Первый фотокорреспондент в «Советской молодежи». Старший инструктор в альплагере. Было даже, что ему предложили поехать на курсы закройщиков. В 1955 году он впервые берет камеру в руки. Это случилось при восхождении на Эльбрус. Через 2 года он вновь побывает на вершине.

1957 год, официальное открытие телевидения в КБР. Юрию Александровичу предлагают место телеоператора. Спустя 2 года, не без его помощи, создается киногруппа. В 1960-м он поступает во ВГИК на операторское отделение (заочно), и через 7 лет, фильмом «Чабанский хлеб», о котором и поныне у него самые теплые воспоминания, блестяще защищает дипломную работу. К этому времени он имел за плечами несколько документальных фильмов. Сидим в операторской, молодежь организовала хороший чай с конфетами, только так он его и пил. И вот он мне говорит: «Ты спрашиваешь, с чего начинал? Да с примитива. Не помню, как у нас появилась любительская 16-миллиметровая кинокамера «Киев-16 С», кассеты по 15 метров, а это чуть больше одной минуты, камера постоянно барахлила, но я быстро приспособился к ней, и мы уже что-то снимали и выдавали в эфир. Уже потом появились профессиональные камеры, узкоплеченная немецкая «АК-16» и широкоплеченный «Конвас». Не было проявочной машины, и пленку проявляли вручную». – «Юрий Александрович, помните свой первый выход в эфир», – спросил я. «Да как его забудешь. Это был черно-белый документальный фильм о нашем хоре Гостелерадио. Спроси еще, какой камерой снимали. Камера «Дебри» 1925 года, подаренная нам Бакинской киностудией. В чем была уникальность ее: она весила 250 кг, и чтобы поменять точку съемки, мы всем хором, дружно толкали ее. Помню свой первый диплом с кинорежиссером Васей Соколовым, мы сняли короткометражку под названием «Нальчик – Черное море». Уже точно и не вспомнить, но, по-моему, в 1959 году проходил первый фестиваль телевизионных фильмов, где мы и получили свой первый диплом, а так в моем активе более 30 фильмов. Это те, которые приняты в тираж. Моя лучшая операторская работа была на фильме «Чабанский хлеб». И, как всегда говорил Владимир Вороков, – «Это настольная книга операторского мастерства». Сидим в операторской и продолжаем пить чай. И вдруг на мой банальный вопрос, выбрал бы он профессию оператора, если начать с начала, Юрий Александрович коротко бросил: «Нет». Откровенно говоря, я такого не ожидал, услышать такое от человека, который посвятил этой профессии чуть ли не всю свою жизнь. «Понимаешь, Аслан. Это неблагоприятная профессия. Не потому, что в итоге все лавры достаются режиссеру. Ему и слава, и почет. О нем шумит пресса. Не знаю, поймешь ли ты меня. Для этого надо выйти на финишную прямую. Высокое владение операторским мастерством для меня было лишь одной из возможностей выразить на экране, с помощью света, цвета, композиции то, что накопилось в душе. Умение видеть и

слышать все то, что окружало меня, и все это пропустить через свое «я», чтобы потом с помощью камеры, через белое полотно экрана вернуть все это зрителям, но уже в новом, неповторимом качестве. Я как бы являлся последней инстанцией между замыслом и его воплощением, то есть уже моими глазами зритель увидит готовый фильм. Для меня это было праздником, а сейчас нет. Наверное, устал. Думаю, что я заслужил право на усталость. Сколько можно, поди вся жизнь». Хитрит, думаю, старик. Может, элементарная зависть. Сергей Израилян – кинооператор, лауреат Государственной премии. Леван Намгалашвили – кинооператор, лауреат Государственной премии, это однокашники по ВГИКу. Гасан Тутунов – кинооператор, лауреат Государственной премии, это его ученик, фотокружковец. «Конечно, я мечтал о большом кино. Я был готов к нему. Но судьба злая ведьма». – «Но быть мастером документального кино тоже не так просто», – перебиваю я. «А ты знаешь, я бы, наверно, отдал бы все свои маленькие фильмы за один большой, который так и не снял».

2011 год. Осень роняет последние листья, отрываются последние пожелтевшие листья календаря. Уже выпал первый снег в горах. На пороге зима со слякотью и туманом, сижу один в кабинете, и вдруг звонок. На том конце – голос Юрия Александровича: «Асланчик, здравствуй, дорогой. Это Буслик. Я почему тебе звоню. Мне не к кому больше обратиться. У меня начала гноиться культя, и меня срочно надо отвести в больницу к моему хирургу, он ждет меня. Ты сможешь помочь?». Через 20 минут новая телевизионная газель стояла у подъезда. Квартира не изменилась, старая мебель, старые вещи. Все, как и прежде, на своих местах, только вот пленкой уже не пахнет, как раньше. Сидит на диване с целлофановым пакетом в руках, а там перевязочные бинты, да разные мази, все с собой. Взял на руки. «Юрий Александрович, помните, как тогда в горах, когда протез до крови натер Вам ногу и мне пришлось тащить Вас на спине, да еще камеру со штативом, а теперь вот несу Вас в больницу». Совсем легкий. Обнял меня за шею, как ребенок. «То было в молодости, а теперь куда меня нести, или в больницу, или на кладбище, другого просто не дано», – пошутил он. На четвертом этаже, куда я его принес, хирург успокоил нас: «Ничего страшного, сменим повязку, культя Ваша в норме». Несу его на руках по длинному больничному коридору: «Асланчик, смотри, нас осталось только трое, ты, я и Юра Пшеноков. Как он?». – «Нормально, копается во дворе. Его внук у меня в группе. Хороший будет оператор», – отвечаю я. «Вот видишь, не все так плохо, как я думал, уже есть преемственность. Это хорошо. Правильно мыслит ваш директор. Значит, есть кому продолжать наше дело».

Несу на руках по длинному больничному коридору легенду телевидения и кино.

Виктор Губарев

В чем была уникальность той киногруппы, о которой я вспоминаю: Буслик, Монин, Пшеноков, а позднее Шогенов Женья, – все они пришли из фото. Фотография для каждого из них была на первом месте, а потом,

я думаю, кино. Монин, Чегембаев, Губарев до конца дней своих не расставались с фотоаппаратом. Только из таких людей, которые вышли из фото, могут получиться классные операторы, а сегодня, к сожалению, все с точностью да наоборот. Лишь Аслан Карданов не расстается с ним. И я уже знаю, какой будет результат. Из него вырастет классный оператор. В своей профессии, в недалеком будущем, он будет штучным товаром. Так вот, о Губареве, он как-то рассказал мне, как он попросил разрешения у Юрия Буслика впервые взять в руки кинокамеру и включить ее. «Сколько лет прошло. Я открутил сотни километров пленки, а вот то первое ощущение, когда я прикоснулся к камере, до сих пор живо во мне, как будто все это случилось вчера». Он был тенью Буслика, как губка впитывал в себя все. И все-таки они были разные: строгие, четкие в построении кадра, порой холодные, ничего лишнего. И все практически снимается со штатива. Во всем чувствовалась ВГИКовская школа 60-х годов. Губарев кое-что, конечно, перенял у учителя, но он был другим. Он был более лиричным. Он больше тяготел к манере Монина. Схожесть была и с манерой знаменитого Урусевского. Помню его фильм о Приэльбрусье. Мы, зрители, всегда немножко эгоисты. Нам хочется, чтобы автор шел за нами, а не наоборот. Желание понятное. Здесь же камера Губарева как бы приглашает нас совершить прогулку по осенней реке с тихими берегами, прозрачной синей водой, напоенной цветом и светом. Все его кадры имеют внутренний динамичный и волнующий настрой, располагающий к размышлению. Картина его лишена торопливости, суетливой восторженности. В ней чувствуется взгляд оператора спокойного, внимательного. Смотрю и чувствую продуманность композиции, освещения, точки съемки, выбора природы. И несмотря на все это, в кадре Виктора Губарева всегда есть элемент неожиданности: поэтические мотивы, глубокий психологизм, затаенная грусть. Да, многие его планы откровенно «картинные», особенно в пейзажах осени. Автор не боится этого. В итоге он приходит к образному решению, потому что выстроенность деталей в кадре, общая статичность изображения в основе своей имеют внутренний нерв, отсюда статика становится кажущейся. Оператор как будто только что открыл для себя возможности пленки и камеры и наслаждается этим своим открытием. Чувствуешь неповторимое очарование грусти, когда хочется вновь и вновь возвращаться к его фильму, и открывать для себя что-то свое, сокровенное. Он распахнул перед нами окно в неповторимый мир поэзии света, цвета и музыки. Мир эмоций, рожденный и живущий в нем, он спешил передать нам с вами, с помощью кинокамеры в зрительных образах, он спешил соединить слово и изображение, музыку и свет.

Как-то мы две недели были на Чегете: сидим в хижине высокогорного института. Утром с ранним рассветом снимаем солнце, последний план к нашему фильму. На канатке спустимся вниз, заберем Ворокова в гостинице и вернемся в Нальчик, ну а пока пьем горячий и душистый чай, заваренный Губаревым, и разговариваем: «Ты знаешь, собственные слабости и хворости ничего не стоят перед жизнью, которая рядом, вокруг, которая была, есть и будет всегда». Его слова были обращены ко всему

прекрасному, вечному, ко всему, что называется истинным, звенящим словом жизнь. Он так хотел жить, как живут его фильмы.

Ануар Чегембаев

Когда я впервые увидел его, в нем было что-то от римских гладиаторов, будто сошел со страниц книги «Жизнь 12-ти цезарей» Гая Светония Транквилла. Сократовский лоб, складки у рта, которые придавали лицу суровость, и взгляд, пронизывающий, холодный. Только камера в его руках выдавала в нем ранимую душу. Он знал себе цену, знал свое место в операторской группе. При тусклом свете в тесной кабинке, а в них в основном проживали мы свободную от съемок свою жизнь, сплошь заваленной книгами на полках и коробками, где хранились личные киноархивы, он проводил за чтением все свободное время, в перерывах между съемками. Не знаю, почему, но он много говорил со мной: о литературе, о кино, о своем народе, порой забывая, что я родился в Черекском ущелье и все свое детство и юность жил с этим народом. Предан был Кайсыну Кулиеву, любил очень свою малую родину и гордился тем, что они оба из одного ущелья. Это была его территория, его вотчина, это был его мир, напоенный поэзией, шумом Чегемских водопадов, лицами своих земляков, которых постоянно снимал. Он, как мог, оберегал его и никого туда не пускал.

Каждый раз, как только он возвращался с гор, я шел в просмотрный зал, садился незаметно от него в самом темном углу, чтобы насладиться его картинкой. Я вдыхал запах альпийских лугов, закрывал глаза от сверкающей белизны снежных вершин. Его камера, вместе с бурными потоками Чегема, несла меня вниз по ущелью, по крутым берегам и отвесным скалам. Он снимал так, как Кайсын писал стихи. И все-таки в душе он был учителем. Любил крупные планы своих маленьких героев. Часто говорил мне: «Вернусь на родину Кайсына учить детей, рыжих, светлых, конопатых...» Каждую свободную минуту он стремился использовать не только для чтения, но и для съемок. Всегда искал и ждал. Снимал то, что любил, то, что знал как никто другой, понимал и чувствовал. В любую погоду, в любое время года. Смотришь его работы и чувствуешь неповторимое очарование грусти, открываешь для себя, будто впервые, что-то свое сокровенное. Он так и остался в моей памяти с сигаретой в зубах (а курил он часто и много), с фотоаппаратом на шее, да с камерой в руках, с которой, казалось, не расставался никогда.

Наши операторские кабины находились друг напротив друга. Они были крайними прямо у единственного окна. В них мы хранили все необходимое для съемок. Отснятый материал в черных пакетах, чтобы не засветить, несли в проявочный цех к Надежде Вендиной, инженеру, единственному дипломированному специалисту по установке и проявке черно-белой, а затем и цветной пленки. Часами стояли у заветного окошка проявочной машины. Если она шла плотная – пиши пропало, значит целый день отработал на корзину. Докладывали руководству, и оно, естественно,

принимало меры. Случалось, правда, очень редко. А если и случалось, то это было чрезвычайным происшествием.

Сегодня телевидение совсем другое, особенно в техническом отношении. Сегодня видеокамера практически не позволит вам ошибиться. Если бы кто-нибудь лет 40 назад сказал бы мне, что я буду работать на таких вот камерах, я, естественно, не поверил бы. Сейчас есть возможность прямо на съемочной площадке посмотреть отснятый материал и, если надо, переснять и исправить. Видеотехника позволяет. Думаю, при таком развитии техники в кино и на телевидении, в скором будущем профессия оператора отомрет сама по себе. Все его функции на себя возьмет видеокамера. Но это сугубо личное мнение дилетанта, отдавшего 40 лет жизни нашему телевидению, который, кстати, был верен только одной профессии, профессии оператора.

Если в 1955 году в Нальчике уже работал несколько месяцев любительский телецентр, то в феврале 1957 года он приобретает статус государственного и входит в первую десятку телецентров страны. К руководству студии приходят первые руководители Хамуков Р. Ш., Маки-тов С. Е., ну а руководить производственным отделом, куда и входила наша киногоруппа, пригласили Марию Ханашховну Унежеву. Добрую, заботливую женщину, которая часто приглашала меня к себе в кабинет, чтобы накормить чем-то вкусным. Я не скажу, что она профессионально разбиралась в премудростях нашей профессии, ей в принципе это и не нужно было, а вот организовать на высшем профессиональном уровне бесперебойную работу всего производственного отдела, куда входило все, начиная от автопарка и заканчивая киноплёнкой в проявочной машине, нужен был талант, коим она несомненно обладала.

Организовывались первые творческие группы редакторов, операторов, режиссеров, дикторов, художников. И вот на единственную должность оператора пригласили Юрия Буслика, который со временем и организовал киногоруппу, в которую вошел известный фотохудожник Евгений Монин. Затем появились Э. Эшили-н, Ч. Бизиров, А. Чегембаев, Ю. Пшеноков и В. Губарев. По тем временам, я еще раз повторюсь, это была одна из сильнейших киногорупп в стране. К моему счастью, я застал их и долгие годы работал с ними, ну а за мной потом пришли: М. Хакулов, А. Мохов, Т. Яхтонигов, З. Канкулов. Организовалась параллельно и группа телеоператоров, работающих тогда в единственном павильоне: С. Сергеев, А. Олейников, Д. Гергоков, В. Майборода, А. Дерико, А. Чеченов, Н. Гречко, М. Будаев, С. Урусов, Т. Сушко. А вообще первым творческим работником в студии телевидения был В. Х. Панасьян. Был он на должности главного режиссера, которому поручено было организовать творческие группы на ТВ, что он с успехом и сделал. В книге Ч. Безирова «От фото до видео» он рассказывает: «Главный недостаток заключался в том, что, как уже было отмечено, за неимением студийной телекамеры мы были вынуждены приспособляться к той камере, которая была предназначена для обслуживания кинопроектора и совершенно не приспособлена для студийного вещания. А поскольку камера была одна, мы были вынуждены

наклеивать рисунки (а позже фотографии) на бумажную ленту и протягивать ее через единственный эпидиаскоп. При этом все «смазки» шли, естественно, в эфир. Самое интересное то, что студии-то как таковой не было. Мы с оператором Ю. Бусликом выдавали свою картинку в эфир через описанное выше устройство, находясь в тесном закуточке в Долинске. В это время автор текста П. Файтелевич, находясь с диктором Л. Кушковой в помещении дома Радио по ул. Захарова (за 5 км от нас), озвучивали закадровым голосом наш видеоряд, примерно таким образом: Файтелевич, увидев на экране телевизора (мониторов в то время у нас не было) первый кадр, молча сжимал Кушковой руку 1 раз, это означало, что она должна читать текст (двойное сжатие означало паузу). Потом пошла «смазка» (это Буслик протягивает бумажную ленту с наклеенными на нее рисунками или фотографиями для смены кадра) диктор выдерживает паузу, пока не установится следующий кадр (сек. 2,3), кадр устанавливался – одноразовое пожатие руки и т.д. Все это делалось, естественно, на фоне музыкального сопровождения с магнитной лентой, за этим следили наши звукорежиссеры А. Хапажев или В. Абазов, находясь в другой комнате «Дома Радио»).

Ануар в творчестве своем больше тянулся к Е. Мониному. При каждом удобном случае шел к нему ассистентом, если тот запускался на фильм, и это неспроста. Евгений Тимофеевич был фотохудожником от Бога. Фотограф-профессионал в единственном числе. Он тонко чувствовал природу. Чего в какой то степени не хватало Чегембаеву. В композиционном плане выстраивал кадр так, как никто другой в киногруппе. Он был лирик. Вот все это: чувство кадра, композиции, оправданность панорамы, статичность, все это передавалось впоследствии Ануару, и часто, уже в самостоятельных работах, угадывался почерк учителя. Не любил снимать для «Новостей», как он часто мне признавался. Любил очерковые работы, документальные фильмы. Это единственный случай, где у кинооператора есть возможность показать все, на что он способен. Поначалу его часто можно было видеть в балкарской редакции с режиссерами Т. Шаваемым и Н. Мизиевой. За их плечами множество очерковых работ, профессиональных, которые сегодня отличаются своей самобытностью, лиричностью и неповторимостью.

После работы домой его не тянуло. Часто оставался в операторской, да что оставался, жил в операторской на раскладушке. На столе, как обычно, несколько пачек сигарет, книги, чай и камера, так, на всякий случай, чтоб была под рукой, если что случится. Помню дождливое раннее утро, на базе группа должна была собраться в 6 утра. Дождь лил как из ведра. Ануар стоял у окна и курил. Поздоровались.

– Что, не спится? – спросил я

– Да, всю ночь заснуть не мог, все тело и кости ужасно болят.

– Может, скорую вызвать?

– Да нет, пройдет, не первый раз уже, привык.

Лица я его не видел. Он стоял спиной ко мне. Видел только его отражение в окне.

– Ты знаешь, самое страшное в жизни, это когда ты оставляешь детей.

Смерть сама по себе не страшна. Страшно становится от одной мысли, что будет с твоими детьми, как сложится их жизнь без тебя.

Он думал о двух своих сыновьях.

На базу я вернулся уже вечером, и первое, что мне сказали, – приехала скорая и увезла Ануара в больницу. Его положили в онкологию. Я навещал его почти каждый день. Просил не оставлять его одного. С Юрой Пшеноковым привезли ему телевизор, хотя я был против этого, но Ануар настоял. Смотрел только наши передачи, смотрел со слезами. Он уже знал, чувствовал, что видит все это в последний раз. Пока еще стоял на ногах, буквально перед смертью, мы привезли его на студию. С сигаретой в зубах, на костылях, он переступил порог телевидения в последний раз. Он знал это, и потому пришел прощаться. Помогли подняться в балкарскую редакцию, помогли дойти до проявочной машины, ключи от его кабинки были у меня. Мы все вышли, оставили одного. Что он там делал, я не знаю. Когда возвращались в больницу, сказал мне, что весь архив оставляет мне. Я пытался возразить, но мы оба понимали, что не стоит, что он уже никогда не вернется, что он никогда не возьмет в руки кинокамеру.

Ее ждали. Она вошла домой без стука и забрала его. Потом увозили его в горы. Нам всем было холодно. Ему было тепло. Мы укрыли его теплой буркой. «Похорони меня на родине Кайсына... Похорони меня на родине Кайсына...» – эхом несется вслед за нами по ущелью. Мелькают крупные планы его односельчан. Крупные планы пацанов: рыжих, смуглых, конопатых. Он хотел вернуться к ним и он вернулся. Вернулся навсегда.

Юрий Пшеноков

Пришла пора проводить и его на пенсию. Директор студии Людмила Борисовна Казанчева билась за него до последнего, но комиссия настояла на своем. Зрение его подводило.

– Что будем делать? Вот как я скажу ему? Ведь он наша легенда. Целая эпоха на телевидении – говорила она.

Сказал ему об этом я. И он ушел с телевидения, и вместе с ним, как сказала директор, целая эпоха. Он был нашим тамадой, нашим старшим, и с ним мы чувствовали себя спокойно и уверенно, только сейчас понимаю, как много это значило. Теперь я остался один. Теперь я за тамаду. Чувствует ли себя коллектив со мной спокойно и уверенно, не знаю, не мне решать. Придет время, не сегодня так завтра и я уйду, как Юра, но уйдет ли со мной целая эпоха, вопрос.

Он пришел тогда на телевидение на гребне второй волны, с фотоаппаратом в руках, после Буслика и Монины с Шилином, Чегембаевым, Безириным и др. То был 1962 год. Поработав в начале осветителем, что потом, несомненно, сказалось на его мастерстве, он попал сразу в руки Юрия Буслика, который сыграл в дальнейшем главную роль в профессиональном становлении его как кинооператора. Первая работа – ассистентом на фильме «Здравствуй туристская Мекка» – с Юрием Бусликом. А вот

уже потом, в 1965 году, судьба свела его с Е. Мониным на фильме «Эльбрусские этюды». Иметь в обойме два фильма с такими мастерами, это много значило. После этого, как говорится, он ушел в свободное плавание. Частые командировки в Грузию, Польшу, Украину, где его только не носило, говорили о доверии, которое оказывало ему руководство, которое было уверено в его картинке. Он первый из нас начал работать на центральном телевидении – на программу «Время». А только потом, после него подтянулся и я с Шилиным. Помню, как пошел к Марье Ханашховне, нашему начальнику производственного отдела, и сам попросился выехать с Юрой на раскопки курганов, где работала группа археологов из нашего научно-исследовательского института. Впервые официально я был заявлен как ассистент кинооператора. И первый, кто рискнул и доверил мне свою кинокамеру был Юра Пшеноков. Большую часть материала снял я. Но Юра, как подобает профессионалу, подстраховался. Не забуду, с каким трепетным волнением стоял у проясочной машины, не отрывая взгляда от окошка. А уже потом в просмотровом зале, чувствуя мое волнение, Юра успокаивал меня. Моей работе должен был дать оценку Юрий Буслик. Похвалил. В основном каждый из нас делал повседневную будничную работу, кроме В. Губарева. Он, уже сменив Буслика, работал с Вороковым на широкой пленке. Но часто бывало, что мы выходили на очерковые работы, на театральные постановки, на кинофильмы. Вот на такой кинофильм и вышел Юра в 1997 году в качестве режиссера и оператора в одном лице, о чегемских косарях, и это тоже было впервые. Правда, точно не помню, попытки были у А. Чегембаева выступить в одном лице. Фильм этот удостоился диплома, и сегодня его можно видеть на экранах телевизора. Вот она, школа учителей. Строгая статика и композиционное построение каждого плана. Юра воплотил в этом фильме давнюю свою мечту – показать, и опять, впервые в нашем кино, изнутри тяжкий труд косарей. Пусть он в итоге получился лиричным, но поверьте, там каждый кадр пропитан соленым потом. Знаковым событием на телевидении стали две крупные работы Пшенокова, по произведениям классика Али Шогенцукова «Зимняя ночь» и «Пуд муки». После было еще много работ по произведениям знаменитых авторов, но, поверьте, эти два фильма стоят особняком. Там классика операторского искусства, у них долгая телевизионная жизнь.

По жизни своей он так и остался технарем. Я часто был свидетелем, как он становился у любого токарного станка и играючи вытачивал любую по заказу деталь. В отличие от меня, он любил кинотехнику, порой сам занимался ремонтом. Я тяготел больше к творческому процессу, никакой техники, только снимать, и это было плохо. Я до сих пор до конца не знаю возможностей моей камеры, он знал. Любил возиться с молодежью, только и слышал «Дядь Юр, а как тут по композиции, а по свету, а что, если прижать на пол-диафрагмы?», и он с удовольствием делился своим опытом. За большой павильон я был спокоен, там был Юра. Я, как мог, оберегал его от физических нагрузок, хотя он всегда был готов в любое время дня и ночи взять камеру в руки и дать фору любому из нас. Все по-

чему, да все потому, что он был из когорты той операторской киногруппы, где считали, прежде всего, делом чести снимать кино.

В этом году у него юбилей, ровно 50 лет, как на телевидении. Кто больше? Надо не забыть позвонить, отметить это дело. «Вы как, не против, Юрий Хацукович поднять сто грамм?».

Эдуард Шилин

Мои племянники, когда были еще пацанами, учились в школе-интернате при живых родителях, тогда это было престижно. Так вот, пришли они как-то ко мне домой и говорят, что у них в школе дяденька работает, такой высокий, с большими ушами, как у слона. Фамилии они его не знали, но видели несколько раз в городе, с такой же камерой, как у меня. Ну, конечно, это был Эдуард Васильевич. Его ушами гордилась вся наша киногруппа. Почему я это вспомнил. Позвонил мне как-то знакомый хирург из онкологического отделения и говорит, чтобы я забрал Эдуарда Васильевича, пока он еще живой. А так как Эдик часто говорил мне, что, не взирая на опасности нашей профессии, ему бы очень хотелось умереть в своей постели, скорее всего это и явилось причиной нашего с Юрой Пшеноковым похода в палату на 2-м этаже, где он лежал в последнее время. На всю подушку одни уши, как два лопуха. Принесли стул, посадили его, он обнял меня за шею, прижался ко мне, как ребенок, и я вместе со стулом понес его к выходу. По дороге постоянно спрашивал о Чегембаеве, мы скрывали от него, что Ануара нет уже среди нас. Хорошо сказал о нем Анатолий Бичоев, который много лет работал с ним на телевидении: «Его знала вся республика. Он отличался своей импозантностью, манерой одеваться, походкой». Одно загляденье было смотреть на него, когда держал он камеру в руках. Мне часто приходилось работать с ним в тандеме, так вот, чтобы быть вровень с ним, я поднимал свой штатив до предела, чтобы использовать верхнюю точку. Он снимал без штатива. При его-то росте он сам был, как штатив. На съемочной площадке все было у него по полочкам. От объекта к объекту передвигался не спеша, я бы сказал медленно, никакой спешки, никакой суеты. И даже если мы с ним попадали на какое-то событийное мероприятие, где надо быстро сориентироваться за неимением времени, Эдик не изменял себе, а я уже и не злился, потому что заведомо знал, что он в итоге привезет такие кадры, такую картинку, которую я и не замечал. Я часто стоял рядом, смотрел в окуляр, как он выстраивает кадр чисто в композиционном плане. Давал нам всем фору. Еще бы, он был фотографом, как Буслик, как Монин, как Пшеноков, а это основа основ в нашей профессии. Не скажу, что мы часто увлекались комбинированными съемками, но если была острая необходимость, лучше чем Эдуард Васильевич с этим никто не справлялся. В отличие от нас, он любил этим заниматься. Не могу не вспомнить как он буквально обманул центральное телевидение. Опять-таки из воспоминания А. Бичоева: «Нам нужно было снять лавину, а так как в архиве у нас ее не было, Шилин предложил такой вариант. Давай, говорит, попросим, чтобы

они сделали для нас пару выстрелов, а лавину я сделаю дома. Мы сняли горы и ледники (телевиком), сняли пушки и пушкарей, сняли и выстрелы. А дома мы сделали так: купили пакет пшеничной муки, на восходе солнца установили во дворе студии камеру на штатив и перед объективом в наклонном положении закрепили лист фанеры, но предварительно кадр скомпоновали так, чтобы композиция была многоплановой. На переднем плане сыплющаяся мука, на втором – фрагмент какой-то растительности, а на дальнем – белоснежные горы. Сняли – не получилось. А вот когда вмешался наш бутафор (Фице Урусов) и кое-что подправил, со второй попытки у нас все получилось. Отправили материал в Москву, и вот звонок: «Ребята, ваш сюжет признан лучшим, ждите премию. Как вы могли так рисковать? Лавина шла прямо на вас?» Он и дальше, не зирая на свою импозантную внешность, с помощью кинокамеры продолжал обманывать зрителя. Он, как и Чегембаев любил горы и мог потягаться со своим другом в плане съемок в горах. Не было такого случая, чтобы он не привозил с собой огромные букеты цветов. Его cabina была вся обвешана лекарственными растениями. Он был нашим семейным доктором. В операторской царил запах альпийских лугов. При каждом удобном случае он говорил мне, чтобы я серьезно занимался фотографией, даже помог мне однажды вскладчину купить фотоаппарат. Он знал о моей несбыточной мечте – стать профессиональным фотохудожником. Это сегодня, осознавая острую необходимость иметь в нашей работе цифру, а она необходима как вода, как воздух, Людмила Казанчева впервые приобрела в таком количестве (5 шт.) цифровые фотоаппараты для киногруппы. Пусть хоть теперь у моих ребят сбудется моя мечта. Он много читал, много рисовал. Вообще, у должен заметить, что киногруппа была очень образованна. Все были с высшим или специальным высшим образованием, цитировали на память Пушкина, Блока, Пастернака, Кулиева... Каждый из них, начиная с Юры Пшенокова, мог выступить в любое время в роли режиссера или сценариста, и они это часто практиковали в процессе съемок.

Нас действительно осталось мало, как говорит Юрий Александрович Буслик, из той киношной плеяды, хватит пяти пальцев одной руки. Порой так хочется вернуться в те времена, где все мы были молодыми и телевидение было молодым.

P.S. Идея такой книги вынашивалась давно. Руководство наше, сменяя друг друга, приходило и уходило. И, откровенно говоря, некому было воплотить эту идею в жизнь, пока наконец не пришла Людмила Казанчева. Правда, была первая попытка сделать что-то подобное в лице Чемала Безирова, одного из старейших телевизионщиков, но то была его личная инициатива. Книга вышла под названием «От фото до видео», тиражом 500 экземпляров, в 2003 году. Людмила Борисовна в разговоре со мной, настояла, чтобы книга писалась коллективно, чтобы каждый из нас на страницах этой книги мог поделиться своими воспоминаниями, она от этого только выиграет. Я верю, ей обеспечен успех. Я не сомневаюсь в том, что она будет настольной книгой для тех, кто однажды решил посвятить свою жизнь магическому слову «Те-ле-ви-де-ние».

Саладин ЖИЛТЕЖЕВ

Мой друг Славик

«По одежке встречают, а по уму провожают», – говорят в народе. И это действительно так. Всегда приятно встретить этого красивого мужчину с атлетическим телосложением и уверенной походкой. Телезрители легко узнают его на улицах и часто просят автографы.

Он мечтает рассказать о Нальчике через людей, имена которых увековечены в названиях улиц. Какую роль сыграл каждый из них в судьбе кабардинского и балкарского народов.

У Владислава рассчитано все: с запасом времени прибыть на работу, тщательно подготовиться к выезду, еще раз уточнить вопросы интервью или обдумать сюжет

предстоящего репортажа, съемок. К любому выезду вездесущий журналист относится одинаково серьезно. Потому и интересны все его передачи.

Всесоюзный государственный институт кинематографии очень престижное учебное заведение (и туда поступить было всегда крайне сложно – конкурс доходит до 150–200 человек на одно место). И, естественно, с первой попытки Славик туда не попал. Из-за чего ему пришлось сначала отслужить в армии, потом окончить КБГУ (филологический факультет) и, подготовившись серьезно к специальным и общеобразовательным экзаменам, отправиться в Москву. Творческий конкурс Владислав уже прошел заранее, что являлось одним из требований института. Об этом сообщил ему профессор ВГИК, доктор искусствоведения Илья Вениаминович Вайсфельд, который набирал курс сценаристов и киноведов.

По представленным на конкурс работам профессору не только понравились образы видения и кинематографического открытия, но и показались они интересными и многообещающими. А у начинающего кинематографиста было художественное видение окружающего мира – к тому же ведь он был и выпускником художественной школы...

Студенческая жизнь в вузе его захватила, прямо заворожила – с первых же дней он увлеченно окунается в мир кинематографистов, где и сам пробовал свои силы. Они вдохновлено раскрывались с каждым днем, все интереснее и интереснее. Результаты такой увлеченной деятельности радовали не только его самого, но и его наставника с мировым именем. Работы молодого сценариста Славика Коломийцева стали печататься во ВГИКовском выпуске работ молодых кинодраматургов...

Еще будучи школьником он представлял себя телеведущим, писал сценки для художественной самодеятельности, ставил спектакли как режиссер. Он рано стал изучать творчество известных кинодраматургов и режиссеров. Особенно он восхищался тем, как строили сюжет всемирно популярные сценаристы А. Каплер и Е. Габрилович, насколько остры диалоги их персонажей и т. д. Как они подбирают героев своих произведений, какие ситуации они придумывают, как в этой обстановке живут персонажи, в чем заключается их конфликт, как они находят компромиссы или враждуют...

В то время, когда В. Коломийцев вырабатывал свою индивидуальность, это было время активного хозяйственного и культурного строительства: бурными темпами развивалось сельское хозяйство, вступали в строй промышленные предприятия, создавалась национальная система образования. Советский народ стремительно «приближал» коммунизм. Никита Сергеевич Хрущев обещал завершить строительство коммунизма к 1980 году. Удивительный энтузиазм показывал советский народ. Всех людей объединила всеобщая цель – сознание того, что они делают большое и важное дело. В такое непростое время роль телевидения многократно возрастала. ТВ стало рупором партии и правительства. «Кто делает первый шаг, тот делает и второй шаг», – говорят в народе. В то время на телевидении и на радио было мало профессиональных журналистов и специалистов, а имеющих специальное образование, как В. Коломийцев, вообще практически не было. Среди первопроходцев на ТВ литераторов, газетчиков, яркой звездой выделялись выпускники ВГИКа. А Владислав был, можно сказать, одним из первопроходцев.

После окончания ВГИКа он сразу пришел на телевидение. А тогда оно пользовалось особым авторитетом и уважением. Из всех средств массовой информации к нему было приковано особое всеобщее внимание. На телевидении работать тогда было не только модно и престижно, телевизионщик в те годы смотрел свысока на собратьев по перу.

Партийные органы и государственные учреждения возлагали на телевидение самые высокие надежды в овладении умами и сердцами масс.

Передачи Владислава на ТВ всегда ярко отличались. Его почерк узнаваем. В его получасовые выпуски обычно входят самые яркие эпизоды из жизни нашей республики. Он понимает, что его передачи будут смотреть люди самых разных профессий, и потому они должны быть не только доступны, популярны, но и интересны.

Жители республики всегда с нетерпением ждут встречи с нашим любимым журналистом. Он каждый раз представляет республику и ее людей во всем многообразии, с экранов телевизоров он вступает в каждый дом как желанный гость.

Владислав Коломийцев компанейский парень, он душа компании. Понимает юмор и сам с юмором. Как семейный человек, он обожает свою семью и учит детей жизни в наше непростое время. Для друзей он – друг, его уважают, и его трудолюбие, ответственность и порядочность заставляют считаться с ним коллег по работе.

Фатима КСАНАЕВА

Справка

Коломийцев Владислав Георгиевич – ведущий, редактор телепрограмм русского вещания 49 канала КБР. Член Союза журналистов России. Член Союза кинематографистов Северного Кавказа. Лауреат премии первого православного фестиваля прессы Юга России за телефильм «Путь к храму» (2007). Лауреат премии Московского кинофестиваля горных и приключенческих фильмов «Вертикаль» (2006) в номинации «ТВ передачи».

***

– Многим будет интересно узнать, как Вы пришли на телевидение.

– Увлекался музыкой, побывал в роли художника, в драматургии тоже успел себя попробовать. Это, кстати, повлияло на мой выбор факультета филологии при поступлении в КБГУ. Но любовь к кинематографии в конечном итоге победила. После окончания нашего университета, пройдя через несколько конкурсов и экзаменов, я продолжил обучение во ВГИКе. В дальнейшем – диплом сценариста и кинодраматурга, который и привел меня в журналистику.

– Зрители знают Вас по «картинке», которую видят на своих экранах. А какой Вы в жизни?

– Телевидение – это моя профессия, которая приносит мне удо-

Рабочий момент. Интервью с председателем молодежного парламента ЧР Алиханом Элембаевым. Чеченская Республика, г. Грозный, 2011 год

вольствие. Хорошая, по-настоящему любимая работа, при этом очень обязывающая. По натуре я человек творческий и к тому же трудоголик. Мой самый обычный день всегда строго распланирован. Стараюсь придерживаться определенного режима и делать в течение дня все, что было запланировано.

Когда я учился в институте кинематографии (ВГИК), наши преподаватели говорили: «Если вы потеряете ритм жизни, то вы потеряете ритм творчества», и я всегда стараюсь этого придерживаться, то есть постоянно быть в определенном ритме жизни.

Хэмингуэй говорил, что во всех жизненных ситуациях его выручала самодисциплина. Я полностью с ним согласен и думаю, что для творческого работника дисциплина необходима в первую очередь. Иначе любое творчество рано или поздно сходит на нет. Любой, даже самый талантливый человек растеряет все свои способности, если расслабится и перестанет себя контролировать.

– Вы очень требовательны к себе, а какие качества цените в людях?

– Честность. Это первое и главное качество. Кроме того, это особенно важно в моей работе. Телеэфир очень сильно подчеркивает все недостатки человека. Не достоинства, заметьте, а именно недостатки.

– Какие передачи Вы обычно смотрите?

– Это напрямую связано с работой. Передача у меня общественно-политическая, стало быть, смотрю новости и читаю основные центральные газеты.

– Сейчас у нас в республике действуют несколько ТВ-студий. Соответственно, много молодых журналистов. Как Вам новое поколение телевизионщиков, пытающихся работать в более современной, «западной» манере?

– Думаю, мы у Запада переняли не самое лучшее и не самое позитивное. Я вообще сторонник советского телевидения, оно было интереснее и познавательнее. А западное ТВ (как и кинематограф) создавалось для массового, не самого интеллектуального, зрителя. На что был спрос, на то и выдавалась продукция американского «масскульта».

Наше (советское) информационное поле было намного интереснее, и подход к человеку был мягче, более щадящий. В те времена любая знаменитость запросто могла приехать в сельскую глубинку, пообщаться, дать концерт или представление. Причем делалось это бесплатно или за символический гонорар. На Западе, как мы знаем, такие вещи никогда не практиковались.

Раньше наши республиканские театры раз в месяц выезжали в районы и практически бесплатно давали там свои представления. Сейчас этого нет и в помине. Говорят, что дело в отсутствии денег. А я вот все думаю и не могу понять, почему в те времена денег все-таки хватало. Или, может быть, и тогда все делалось на энтузиазме?

– Раньше до телеэфира допускали не каждого, это надо было заслужить. Сейчас у молодых тележурналистов гораздо больше шансов, чем было у Вашего поколения. Это хорошо или плохо?

– Понимаю вопрос. Но судить своих молодых коллег не имею права, могу лишь высказать свою мысль в общих чертах. На мой взгляд, они просто недопонимают профессию журналиста, и большой процент ребят, идущих в журналистику, не обладают достаточным образованием. Нельзя стать журналистом просто по «своему хотению». И то, что они могут себя показать недоучками, их не смущает. Но, более того, это не смущает и тех, кто берет их на работу. Все же нельзя воспринимать телевидение как продукт. Не думаю, что у зрителя есть потребность в журналистах, посредственно владеющих языком или картавящих. Человек, пришедший в журналистику, должен быть зрелым, обладать аналитическим складом ума, фантазией, умением передавать информацию для своего зрителя. Да и, не побоюсь этого слова, талант должен быть хоть какой-то.

В моем понимании нет телевидения ни центрального, ни периферийного. Есть просто телевидение, и оно должно быть только профессиональное. А профессиональное телевидение уже само за себя говорит. У нас на студии можно делать чудесные передачи, от которых будут в восторге редакции центральных каналов. Но, увы, нет денег для приобретения необходимого оборудования.

– А каким Вы видите будущее нашего Кабардино-Балкарского телевидения?

– Я думаю, что если телевидение в Кабардино-Балкарии будет разбито на множество студий, то никто из них ничего хорошего в профессиональном плане сделать не сможет. У нас маленькая республика и она должна располагать мощным телевидением, хорошей большой студией. Работа, которая будет направлена на освещение всех сфер жизни ее жителей. На такой студии будет спрос на хороших журналистов, операторов, профессионалов, которые посвятили себя телевидению. Молодым же будет у кого учиться и где совершенствоваться. Ну а кто хочет частный канал, пусть себе открывает и показывает музыкальные поздравления хоть с утра до вечера. Особый жанр – документальное кино, но есть ощущение, что мало кто сейчас захочет в него вкладываться.

– А у нас вообще есть кому работать в области документального кино?

– В этой сфере пока мало поводов для оптимизма. Заниматься документалистикой в отдельно взятой республике, конечно, можно. Но для этого, прежде всего, нужна группа единомышленников, готовая пожертвовать многим ради своей цели. Кто-то может рассматривать обычные новостные репортажи как документалистику. Это верно лишь в том плане, что репортаж является визуальной информацией о событиях подлинной жизни. Но реальное документальное кино не имеет «репортажных» или

каких-либо других ограничений. В первую очередь, это отказ от поверхностности, присущей новостным репортажам. Это способ проникновения в жизнь и судьбы людей, в ту социальную среду, которая их окружает. Документальной школы, существовавшей некогда в советские времена на базе Северокавказской студии кинохроники, больше нет. Не осталось ни школы, ни учеников. Этот жанр кинематографии один из самых хлопотных. Он не приносит доходов, но отнимает много сил и времени.

– Какими были документальные фильмы тех лет?

– Фильмы, которые снимались в 60-е годы, неповторимы своей искренностью и индивидуальностью. Это было время, когда телевидение у нас делало первые шаги. Тогда был комитет телевидения и радио при Совете министров КБАССР. И, надо сказать, была настоящая волна молодых людей, желающих делать кино. Документальные фильмы той поры несут колоссальный заряд информации, прежде всего, о людях. О художниках, поэтах, тружениках сельского хозяйства, партийных и научных работниках. Прошло много лет, молодые режиссеры шестидесятых постарели и ушли с телевидения. Их работы остались только в архивах, но обиднее всего, что у них не нашлось последователей.

Документальное кино постепенно превратилось в телевидение. Операторов, умеющих проводить киносъемку, по пальцам можно пересчитать. А сейчас у телевидения основная задача – информационная, от документалистики не осталось ничего.

Есть молодые журналисты, пытающиеся реализовать свои идеи в социальных, этнографических и даже экзотических проектах в жанре документального кино. Уверен, что найдутся ребята, желающие создать творческий союз, способный к выполнению реальных дел. Это был бы идеальный вариант.

– В чем бы Вы хотели попробовать свои силы?

– Я кинодраматург по диплому, но испытать себя в этой сфере довольно сложно, ведь в нашей республике нет игрового кино.

Другой мой интерес – документальное кино. Я уверен, что это нужно не только мне. Было бы здорово, если бы мы смогли возродить в нашей республике кинодокументалистику хоть в какой-то мере! Ведь у нас имеется колоссальный материал. Мне приходилось работать в архивах, а там и военный, и довоенный периоды, и еще много чего интересного и разнообразного. Работы – на сто лет вперед! И уже пора этим заняться. Думаю, что за документальным кино большое будущее. Только бы нашлись ребята активные, способные и грамотные, которые хотели бы этим заниматься.

Фатима ДУДАРОВА

Необычная династия

В газетах часто пишут о династиях врачей, учителей, работников культуры и искусств... О повальном же увлечении журналистикой людей, связанных родственными узами, скорей всего известно мало.

Эльберд Тимборович Мальбахов – сын первого секретаря обкома партии, долгое время бессменно руководившего нашей республикой. Еще в школьные годы учительница русского языка и литературы, преподававшая в классе, где учился Эльберд, заметила его маме Нине Степановне: «Вы знаете, наверное, ваш сын будет писателем или художником». В то время эти пророческие слова на самого Эльберда особого впечатления не произвели. Мальчик увлеченно занимался спортом, хотя, помимо общеобразовательной школы, учился еще и в художественной. Любил писать маслом или пастелью картины, являющиеся, в большинстве своем, гимном природе.

С выбором будущей профессии Эльберд определился лишь в старших классах. После окончания школы он без труда поступил на факультет журналистики Московского государственного университета. Однокурсниками Э. Мальбахова являлись личности, имена которых уже были широко известны или стали таковыми позднее: Даль Орлов, впоследствии избравший специальность киноведа и возглавивший журнал «Искусство кино», талантливый поэт Олег Дмитриев, известный журналист Лев Лебедев, много лет проработавший в газете «Правда» (он освещал спортивную жизнь нашей необъятной страны и зарубежья, был на семи олимпиадах мира), Нина Буденная, дочь знаменитого военачальника Семена Михайловича Буденного (после окончания МГУ она трудилась в Агентстве политических новостей, больше известном как АПН, затем возглавила книжное издательство «Московский рабочий»), Юлия Хрущёва, внучка видного советского политического и государственного деятеля Никиты Хрущёва, Павел Катаев, сын знаменитого писателя Валентина Катаева, известный журналист и писатель Гари Немченко и другие.

Эльберда Мальбахова всегда интересовала культура, поэтому неудивительно, что его курсовые и преддипломная работы были связаны с театральной критикой. К тому же это обстоятельство давало возможность способному парню смотреть все нашумевшие спектакли, на которые, разумеется, сложно было попасть. Часто он ходил на них не один, а со своей девушкой Галиной, с которой они познакомились еще в Нальчике. Галина тоже училась в Москве, но в другом высшем учебном заведении – Тимирязевской сельскохозяйственной академии, после окончания которой она приобрела специальность «гидротехник». С этого времени началось приобщение впечатлительной девушки к творческой жизни. После окончания учебы молодые люди создали семью и вернулись в Нальчик.

Свою трудовую деятельность Мальбахов Эльберд начал в 1961 году

в газете «Кабардино-Балкарская правда» в должности заведующего отделом культуры. О его журналистском даровании говорит следующий факт. В преддверии своего пятидесятилетнего юбилея знаменитый кабардинский поэт и писатель Алим Кешоков статью для «Литературной газеты», подготовленную другим автором, заменил статьей Эльберда. С тех пор Мальбахов находился под личным покровительством Алима Пшемаховича. Он приглашал его на съезды писателей, знакомил с известными советскими писателями и поэтами: Расулом Гамзатовым, Фазилем Искандером, Чингизом Айтматовым, Давидом Кугультиновым... Тимбора Кубатиевич Мальбахов был человеком строгих нравов, и, разумеется, если бы Эльберд не был признан профессионалом высокого класса, он не присутствовал бы на тех же совещаниях и съездах, где находился его отец.

Эльберд Мальбахов с женой Галиной и дочерью Ольгой

После «Кабардино-Балкарской правды», которой Э. Мальбахов посвятил пять лет жизни, он какое-то время трудился на местном телевидении в отделе литературно-драматических программ. Затем, в 1976 году, Эльберда назначили корреспондентом ТАСС по КБАССР, позже – собственным корреспондентом газеты «Известия» по Омской области. И Мальбахов вместе с семьей переезжает в Омск. В этот период жизни Эльберд сильно тосковал по родине и в свободное от журналистской работы время часто рисовал кавказские пейзажи. Через пять лет Мальбахов вернулся в Нальчик, где работал консультантом правления Союза писателей нашей республики, затем в 1991 году он стал первым главным редактором журнала «Литературная Кабардино-Балкария», где трудился до выхода на пенсию. Эльберд Тимборович сумел сделать это периодическое издание популярным в среде многонациональной интеллигенции нашей республики.

Литературной деятельностью Мальбахов (псевдоним М. Эльберд) начал заниматься с 1964 года. Буквально через год вышли в свет его первые рассказы, повести, переводы произведений писателей нашей республики. Позже, одна за другой, были изданы книги: «Наш дом – Кабардино-Балкария», «Набирая высоту», «Воспоминания охотничьей собаки», романы «Страшен путь на Ошхамахо», «Ищи, где не прятал». Также книги М. Эльберда выпущены в Москве и других городах бывшего Советского Союза. Первое предисловие к роману «Страшен путь на Олхамахо», вышедшему в 1980 году в книжном издательстве «Эльбрус», написал знаменитый балкарский поэт Кайсын Кулиев. В нем он дал высокую оценку литературному таланту Эльберда Тимборовича.

Заслуженный работник культуры КБР, член Союза журналистов и Союза писателей России Э. Т. Мальбахов посвятил творческой деятельности

почти сорок лет своей жизни. До сих пор журналистское и литературное наследие этого талантливого человека не утратило своей значимости.

Супруга Эльберда, Галина Павловна, после возвращения из Москвы первые два года работала инженером-проектировщиком в проектном институте. По ее проектам созданы гидротехнические сооружения двух многоэтажных домов нашей столицы. Но одно обстоятельство круто изменило ее судьбу. В дом Мальбаховых частенько заходили творческие люди, и Галине нравилось с ними общаться. В какой-то момент молодая женщина стала осознавать, что тяготеет к творчеству. И лед тронулся. Сначала она работала на телевидении в качестве внештатного сотрудника, готовила к выпуску новости, художественные программы. Когда подросла дочь Ольга, вместе с ней Галина Павловна «пошла в школу», преподавала там алгебру и геометрию. Так ей было спокойней за ребенка. Когда же девочка перешла в пятый класс, Г. Мальбахова вернулась на телевидение, в этот раз она была уже зачислена в штат. Галина Павловна готовила музыкальные программы и новости для местного телевидения, также новости и интересные сюжеты для программы «Время» Центрального телевидения, и так – до самого отъезда в Омск. Это замечательное время Г. П. Мальбахова потом часто любила вспоминать.

Ольга Мальбахова, дочь Галины Павловны и Эльберда Тимборовича, закончила филологический факультет Омского педагогического института и по его окончании приобрела специальность «русский язык и литература». Надо заметить, что знания, полученные в данном вузе, отличал высокий уровень, и это не случайно, так как фактически он представлял собой тогда эвакуированный во время Великой Отечественной войны Ленинградский пединститут.

Ольга преподавала в школе-лицее № 2 г. Нальчика, когда ей позвонила главный редактор редакции художественных программ Кабардино-Балкарской телерадиокомпании Суилета Кусова. Она предложила Мальбаховой попробовать себя в «роли» редактора отдела художественных программ на Государственном телевидении КБР. С тех пор Ольга работает в СМИ. Около 10 лет она готовила телевизионные передачи, последние 5 лет является главным редактором отдела вещания радио на русском языке Государственного учреждения «Вещательный телеканал Кабардино-Балкарии». Также она является специальным корреспондентом радиокompании «Голос России» и на российском уровне освещает интересные события общественно-политической и культурной жизни нашей республики.

Супруг Ольги, Евгений Шогенов, тоже из очень интересной семьи. С ним она познакомилась, когда оба какое-то время работали в Фонде культуры КБР: Ольга – референтом в пресс-службе, Евгений – оператором. Дед Е. Шогенова по матери, Таусултан Исакович Шаков, был известным писателем и ученым, работал директором книжного издательства «Эльбрус», в Кабардино-Балкарском институте гуманитарных исследований (ныне учреждение Российской академии наук – институт гуманитарных исследований правительства КБР и Кабардино-Балкарского научного центра РАН), а отец, Тала Хаждалович Шогенов, во время войны служил в СМЕРШе, армейской контрразведке, в мирное время – в органах гос-

Евгений Шогенов
с женой Ольгой
и сыном Азаматом

безопасности. В свободные минуты он вел дневники, «превращался» в поэта и писателя. На его стихи в содружестве с композиторами Хасаном Кардановым, Мухадином Бало-

вым, Артемием Шахгалдяном и гармонистской Курацей Каширговой написано несколько песен, приобретших затем широкую популярность. Пьесы Талы Шогенова ставили в театре, но роман «Политрук Хаждалов», написанный им в 1957 году на основе военных дневников, по определенным причинам не увидел свет.

Когда сын Талы Хаждаловича Шогенова Евгений в начале 70-х годов после службы в армии вернулся в Нальчик, он попал в СМИ, благодаря сестре Жанне. Она была ведущей музыкальных программ местной студии телевидения. (Позже по семейным обстоятельствам Жанна переехала в Москву. И вплоть до пенсии проработала продюсером вещания на зарубежные страны в радиоконпании «Голос России».) Евгению Жанна сказала, что есть вакансия – ассистент кинорежиссера. Он откликнулся на заманчивое предложение без колебаний. Работал и параллельно учился на историческом факультете КБГУ. Таким образом, начала реализовываться его тяга к творчеству. Затем там же Шогенов работал оператором, какое-то время был руководителем народной киностудии на «Телемеханике», фотокорреспондентом газет «Кабардино-Балкарская правда» и «Советская молодежь». В настоящее время Евгений является оператором корпункта (представительства) Межгосударственной телерадиоконпании «Мир».

Как и отчим, стал оператором и сын Ольги Мальбаховой Игорь Мигулин. Работал в «Кабардино-Балкарской гостелерадиоконпании», год назад перешел на «НОТР». Работа ему очень нравится. О том, что Игорь не ошибся в выборе профессии, говорит следующий факт: несколько лет назад за лучшую операторскую работу он был удостоен диплома 1-й степени в номинации «Остановись, мгновенье» за сюжет «Спасательный модуль на высоте 3 500 метров» на проходившем в Нальчике Всероссийском фестивале телевизионных информационных программ. Также Игорь имеет несколько благодарностей от руководства телекомпаний за добросовестную работу.

Итак, сделав несложные подсчеты, можно определить, что в династии, о которой идет речь, 6 журналистов и 3 писателя. Как знать, быть может, десятилетний Азамат, сын Ольги Мальбаховой и Евгения Шогенова, когда вырастет, тоже станет журналистом. Ведь это так интересно – быть в гуще событий!

*Танзиле Зумакуловой
вручили орден Почета в Кремле*

Стало доброй традицией, завершая год, вручать государственные награды в Кремле. 2011-й для Народного поэта КБАССР, лауреата Государственной премии РСФСР им. М. Горького Танзили Зумакуловой стал знаковым: президент России Дмитрий Медведев вручил поэтессе орден Почета за выдающиеся заслуги в области литературы.

Приветствуя награжденных, президент отметил, что примеры достойного служения профессии чрезвычайно важны. Человек труда – вот кто герой нашего времени. Балетмейстер Юрий Григорович, профессор консерватории им. П. И. Чайковского Геннадий Рождественский, режиссер-постановщик Лев Дуров, доярка Нина Киселева из Нижегородской области, тракторист Александр Баникард из Новосибирской области,

студент из Ингушетии Мусса Сасуркиев, предотвративший теракт, – им можно подражать, у них есть чему учиться.

«Я воспринимаю свою награду как награду всей республике, – сказала Танзила Зумакулова в интервью «Горянке». – Кавказ – колыбель уникальной культуры, которая вырастила многих талантливых поэтов, музыкантов и художников. Люди искусства как зеркало отражают душу своего народа. Я воспринимаю многовековую кавказскую, и в ее контексте родную балкарскую культуру, как глубоко гуманистическую, исключительно человеколюбивую, открытую миру. Наши голоса – голоса профессиональных поэтов – неразрывно переплетаются, перекликаются с голосами тех, кто слагал народные песни. Это песни добра. Хочу, чтобы все люди на планете услышали наши песни, переполненные любовью, и прочитали сборники кавказских поэтов, и тогда будут совсем другие ассоциации со словом «Кавказ».

Корр.

Елена КУЯНЦЕВА,
доктор филологических наук, профессор

**«Женская суть»
лирических стихотворений
Т. Зумакуловой**

Танзиля Зумакулова принадлежит к одним из самых ярких явлений национальных литератур XX века. Женщина-горянка, чей голос буквально ворвался в советскую литературу 1960–1970-х годов, она до сих пор являет собой образец высокой культуры, мировидения горской женщины, соединенного с общечеловеческими ценностями. Ее стихотворения имеют явно выраженную гендерную окраску. В статье мы и выделим эту гендерную составляющую. Именно об этом периоде женской поэзии критик В. Дементьев написал: «... Читателю уже порядком поднадоела жеманно-монотонная женская лирика, инкрустированная перепевом собственных же образов и интонаций. Хотелось слова яркого, раздольного, свежего» [1:67]. Далее он продолжает, размышляя о том, что «в наших литературах уже появились поэтессы, для которых характерно именно такое взволнованно-лирическое обращение к святым для сердца темам, яркий метафорический язык, меткость образов» [1:76]. Безусловно, к таким поэтессам можно смело отнести и Т. Зумакулову.

В поиске гармонии своего мироощущения с «поэзвными» времени, в наследовании гражданственной и эстетической системы мышления, уходящей корнями в национальное бытие, в наследовании, которое роднит поэтов многих национальностей, проявился естественно дар Т. Зумакуловой. Она могла сказать о себе словами Т. Ребровой: «Мне хочется выразить то, что называется... женщиной. Причем современной женщиной» [2:155]. В стихах Т. Зумакуловой причудливо переплелись душа женщины из народа и интеллигентность. И одно и другое не противоречат, а составляют два полюса женской души, которые без всякого снобизма или игры в «народность» могут привлекать поэтессу. Более того, впитав в себя обычаи и традиции народа, Т. Зумакулова впервые в балкарской поэзии поднимает свой голос в защиту женщины-горянки.

Героиня ее стихотворения «Сноха входила молча в горский дом...» (1969) социально четко не очерчена, кажется, свободно перемещается из одной эпохи в другую. Поэтесса ориентируется на читателей, знающих свою историю и культуру досконально, из первых рук. Поэтому детали стихотворения («Сноха... спины не разгибала и молчала», «Свекровь кричит – а ты являй терпенье», «Не оттого ли плакали навзрыд / Невесты гор задолго до венчанья») не нуждаются в расшифровке, это то, что близко и понятно каждой горянке. Переводчику удалось удачно передать главное качество снохи, ценимое в доме, через ряд однокоренных слов или

синонимов: «молча», «в безмолвии», «безмолвно», «немее становилась», «промолчи», «молчи, когда бранят», «молчи, не плачь», «ты являй терпенье», «молчанье», «молчанья добивались», «покорность», «немота». Но не только существительные создают атмосферу трагизма в стихотворении. В нем много глаголов, придающих стихотворению динамизм: «входила», «кричит», «плакали», «оплакивали», «в свекровей сами снохи превращались». Стихотворение написано в строгой, сдержанной манере, когда поэтесса – обращается ли она к большой аудитории или остается наедине с собой – сохраняет внутреннее достоинство, осознавая вес каждого слова в стихотворной строке. Показывая круговорот времени через образы снохи и свекрови, поэтесса стремится разорвать этот порочный круг:

*И было выше сил старух седых,
Закон извечный соблюдавших свято,
Увидеть в снохах молодых своих
Себя, глаза проплакавших когда-то [3:140].*

Из определенных черт характера (даже из их отрицания) складывается облик женщины-горянки. Присматриваясь к человеческой сущности, пытаясь найти меру ее достоинства, поэтесса рассказывает о случае, который открыл ей неприглядную сторону человеческой природы (стихотворение «Один ученый человек» (1965). «Ученый человек» нашептывал чуть слышно: «Ты скромна и не честолюбива», «...ведешь себя ... с достоинством, красиво», «Не добиваешься наград, не хвастаешь». Но как изменился он, выйдя на трибуну: «Воспел он в полной мере, / кого, беседа со мной, сам осудил сурово» [3:96–97]. Общечеловеческие мотивы, как видно из этого стихотворения, развиваются современно, в ряде стихотворений (и в анализируемом в том числе) они получают оригинальную поэтическую интерпретацию, привлекают точностью образного мышления. Лирическая героиня отстаивает право жить по нравственным меркам, не «оглядываясь на то, что говорят...», тем более, что «это – не похоже / На меня и на мою судьбу» [3:96]. Поэтесса, а за ней и лирическая героиня, отрешаются от сплетен, досужих домыслов. Анафора в стихотворении усиливает интонацию повествования от строфы к строфе:

*Говорят, во мне – всех бед причина,
... Говорят все лучшие мужчины
Поголовно влюблены в меня ... [3:96].*

Какова реакция лирической героини? Она не опускается до гнева, выяснения отношений, до мелких женских перепалок: «Говорят, болтают... ну и что же / Не отстанут сплетни и в гробу» [3:96]. Т. Зумакулова многое извлекает из любых случаев, легших в основу ее лирических стихотворений, каким-то внутренним женским чутьем угадывает, как развернуть сюжет, повествование, чтобы раскрыть женский характер, женскую суть во всем их многообразии.

«Стихи о Шаганэ» (1961) не воспринимаются как подражательные, скорее, это переосмысление известных фактов из жизни известного по-

эта, пропущенных сквозь призму женской темы. У С. Есенина в послании «Шаганэ ты моя, Шаганэ» доминирует тема рязанского раздолья и разлуки с северной девушкой. Реминисценция очевидна, однако, воспроизводя отдельные есенинские строчки, Т. Зумакулова акцентирует в образе женщины «у подножия наших гор» [3:90] одно из высших женских качеств – верность любимому. Интертекстуальность в данном случае «работает» на достижение замысла автора. Так видится Шаганэ поэтессе второй половины XX века. Женский образ затушеван: «траурные ткани», «жизнь осмыслена краткой встречей». Далее поэтесса обращается к магии нумерологии – число «семь». Всевышний сотворил мир за семь дней, они «навсегда при ней – / Семь ушедших невозвратно, / Семь навек оставшихся дней...», которые принесли счастье, сохраненное на всю жизнь: «Негасимые семь свечей / День и ночь у нее горят» [3:90]. Такие свечи вполне объяснимы с позиций символики: они освещают путь тревожной, мятущейся, ищущей любви и понимания душе. Сквозь семь этих «счастливых», «грустных», «наполненных до отказа» дней жизнь героини «осмыслена краткой встречей». За драмой отношений раскрывается трагический, одинокий образ лирической героини. Драматичен ее путь, печально повествование о пронесенной через всю жизнь вечной любви. Лишь во сне она возвращается к семи дням, лишь во сне бывает самой собой, а значит, счастливой. Сон – это не только прием раскрытия женской сути героини, но и попытка обрести (в ином измерении) безвозвратно потерянное счастье. Философская концепция безропотного принятия испытания как данности, как отражения идеального женского характера – это поиск путей раскрытия многогранного горского женского характера, в который вместились гордость, «чистота горянок – / Орлиц подоблачных земель» [3:72]. Иногда Т. Зумакулова намеренно отходит от черт женщины-горянки, скрупулезно ища и находя гармонию эмоциональную и философскую в общечеловеческих женских чертах. Художественный мир стихотворения «Хрустальная, сверкающая ваза...» (1963) динамичен. Собственно, с первых строк даже непонятно, о чем оно. Рядовой факт (разбилась ваза) становится для Т. Зумакуловой событием вселенского масштаба. Не снижая эмоционального накала, поэтесса вводит в повествование две темы – тему женщины и тему земли через связующий образ вазы. Читая стихи Т. Зумакуловой, можно проследить, как постепенно из слов, фраз, штрихов складывается самобытный определенный женский характер, привлекающий своей расположенностью к людям, внутренним достоинством, благородством. Сравнение женщины с хрустальной вазой понятно лирической героине, потому что традиционно, идет «из старины». Однако беспристрастный взгляд из современности дает оценку такому сравнению: «Они и правы были и не правы» [3:74]. Лирическая героиня искренне сочувствует тем, «Чье сердце хрупко было, как хрусталь», таких ей «бесконечно жаль». Женщина, по мнению поэтессы, это не бессловесное существо, не игрушка в руках мужчины, у нее «Есть зрение, чтобы видеть мир чудесный», «есть руки, чтобы в руки взять себя» [3:74]. Отступая от изображения черт горянки, поэтесса приходит к общечеловеческим канонам. Так, в сознании поэтессы тесно

переплетаются национальные особенности и общие черты женского характера. Характер этот уходит корнями в глубь веков.

Ищет себя поэтесса в раскрытии женской темы и в разных жанрах. Так, появляется «Песня о женщине для мужского голоса» (1968). В этом стихотворении просматриваются черты, характерные вообще для женщины. Чувства даны здесь в прямой направленности на конкретные явления – приход женщины в этот мир: «...едва собралась ты прийти сюда, / Улыбнулась в ночи звезда, / И, почуяв, что близится твой приход, / На вершинах растаял лед», [218:132]. Гиперболизированные природные детали усиливают величие события. Лирический герой уверен: «Пока ты есть... / Разгораться будет рассвет», [218:132]. Усложненная образность в анализируемом стихотворении придает ему изящество, за оригинальностью образов угадывается стиль Т. Зумакуловой, в котором просматривается сложившаяся мягкая манера лирического высказывания. Новым содержанием наполняется женская тема в стихотворении «Женщинам» (1973). Лирическая героиня спорит с поговоркой: «Волос – долгий, да ум короткий» и выдвигает свою систему доказательств: женщина «способна к жизни возвращать больного», ее «нежность, ... любовь и состраданье / Герои помнили на поле брани» [3:211–212]. Следующий ее ответ тем, кто уверен: женщина «из дома рвется вон», кто не видел, «Как сходятся под вечер домочадцы / Вкруг очага, вкруг этого тепла». Поэтесса подмечает все нюансы в облике женщины: «одежд веселое мельканье», «И богачом бедняк себя считал, / когда ты одаряла поцелуем», «Терпению женскому предела нет» [3:212]. Все видит пронизательный взгляд Т. Зумакуловой. Мир мыслится поэтессой в единстве мужского и женского начала, которые делают его гармоничным. Продолжая в этом направлении женскую тему, Т. Зумакулова пишет стихотворение «Ты шепнул сегодня...» (1972). Весь строй стихотворения, его ритм, интонация уже другого свойства, в нем явно появляются нотки интимности, смешанной с иронией: «Счастливы ты? И я тому причиной? / Радуюсь, что ты, мой милый, рад / Но когда б я родилась мужчиной, / Мне жилось бы легче во сто крат» [3:183]. В этом стихотворении, в отличие от других, раскрывающих женскую тему, поэтесса не предлагает читателю что-то додумать, понять то, что не сказано прямо. Здесь все предельно просто и понятно, так могут говорить мужчина и женщина, долго и хорошо знающие друг друга, когда прощены все обиды, пережиты и отброшены какие-то условности, когда бытовая тема («Есть ли ужин? Прибран ли наш дом?») уже не тяготит, но органично входит в совместную жизнь. Автор запечатлел в стихотворении диалог лирической героини с воображаемым собеседником. Она мысленно меняется местами с мужчиной. Что же из этого получилось? «Пела бы, чуть петь пришла охота, / Не тревожься больше ни о ком», «На возню с хозяйством ни минуты ... не теряла б я» [383]. Далее размышления лирической героини прерываются, и она снова становится обычной, у которой «дом», «муж», «семья». Ей привычны каждодневные женские заботы: «Чуть пришла, и – за дело – с порога... / Грею ужин... Ешь, мой дорогой!» [3:183–184]. От частного к общему – таков путь лирической героини. Видимо, для автора важно, чтобы, прочитав ее стихи, женщи-

ны подумали: «Это обо мне. Это про меня». Часто загруженной бытом женщине некогда подумать о себе, о том, что она значит в жизни своей семьи, да, собственно, это и не принято. Поэтому лирическая героиня берет на себя ответственность говорить от имени женщин, определяя их роль в жизни:

*Женщина, она всегда – в ответе
За детей, за мужа, за очаг.
Жить непросто женщине на свете:
Целый мир на узеньких плечах.
Жизнь для женщин, это – не забава...
Мать иль дочь, жена или сестра,
Слабых ты отстаиваешь право,
Ты всегда – на стороне добра [3:184].*

Лирическая героиня даже соглашается с мужчинами, которые «Жен своих презрительно браня, / Говорят: – Благодарю, создатель, / Что не сделал женщиной меня» [3:184]. Но лишь для того, чтобы с гордостью заявить:

*Жребий свой я выбрала б нарочно,
Трудностей пути не убоюсь,
И судьбу благодарю за то, что
Женщиною родилась [3:185].*

Такая определенная человеческая позиция вполне понятна. Она формируется из отдельных бытовых деталей. Эстетическая установка Т. Зумакуловой такова: через детали быта, с которым неразрывно связана женская жизнь, придти к осознанию роли и места женщины в современном мире. Женщина же у Т. Зумакуловой обретает свой поэтический голос. Несмотря на то, что поэтесса опирается на народные обычаи и традиции, в ее лирике раскрывается нравственный мир современницы.

Литература

1. Дементьев В.В. Кавказская тетрадь. М.: Современник, 1989. – 435 с.
2. Губайловский В. Неизбежность поэзии. Очерк поэтического пространства – времени. // Новый мир. – М., 2004, № 2, с. 152 – 163.
3. Зумакулова Т. Избранное: стихотворения, поэмы. М.: Художественная литература, 1983. – 368 с.

Магомет КУЧИНАЕВ

ТРЕТИЙ БАТАЛЬОН

Главы из повести

***

...И в это время случилось что-то невероятное. Гром не гром, молния не молния, но послышался какой-то равномерный треск и гром, и по небу побежали молнии! Да какие-то необычные – похожие на горящие головешки, словно где-то там, за рекой, какой-то сказочный богатырь брал из своего гиганта-костра горящие бревна и кидал, кидал их раз за разом туда, откуда шли на святую Русь враги-фашисты.

Степан так струхнул, что уронил котелок, и весь борщ пролился. Еще никто не успел и слова сказать, осознать, что происходит, а там, где были немцы, уже все горело. Молодые солдаты были поражены случившимся. Что это – сам бог рассердился на фашистов и решил их испепелить?

Но комбат, комиссар и солдаты, которые воевали под Смоленском, сразу догадались: это опять «эрэсы».

– Не бойтесь, товарищи! Это наше новое оружие, «эрэсы!» – крикнул комбат.

Те, кто не знал, что такое «эрэсы», с удивлением смотрели, как огни, словно наперегонки, с шумом летели в сторону немцев. Огневой налет закончился так же, как и начался, – внезапно. Вновь вокруг воцарилась тишина. Все было по-прежнему, как и несколько минут назад, с той лишь разницей, что место, где скапливались немцы, было объято дымом и пламенем, да валялся на земле Степкин котелок.

– Вот это да!..

– А что это за оружие, товарищ комбат?

– Вот бы и нашему батальону одну такую штучку!..

Все, довольные, смотрят, как там, вдали, в дыму и огне мечутся немцы. В общем шуме и гаме еле слышали телефонный звонок. Мисиров кинулся к аппарату.

– «Эльбрус», «Эльбрус»! Ты слышишь меня?

– Слышу, товарищ командир!

– Ну, что там с твоими фрицами?

– Да вот, бегают в огне и дыму! Беда на них свалилась. Спасибо, товарищ командир!

– Ты посмотри хорошенько в бинокль да Расскажи, что увидишь. «Эрэсовцы» просят.

Комбат, несмотря на боль, взял телефонный аппарат в левую руку, правой поднес бинокль к глазам и начал рассказывать:

– Раз, два... пять танков, четыре машины, так, четыре орудия – унич-

тожены. А сколько фашистов уложили – не разобрать... Горит лес поблизости, и там, на дороге, наверное, что-то было.

– Хорошо. А сами как? Потери большие?

– Семнадцать погибли, раненых – двадцать четыре. Их довезли уже?

– Доехали, уже переправили на тот берег. Слышишь меня, комбат?

– Слышу, товарищ командир!

– Я намекнул комдиву о твоём «фронте», и он говорит: «А что? Он прав, твой комбат». Видимо, «там» хочет обсудить. Так что, гляжу, твой «фронт» может и остаться.

– Если будете помогать, как сегодня, у нас и забот-то особых не будет, товарищ командир, – «фронт» будет держать свои позиции!

– Не бойся, пока фашиста не прогоним, мы без забот не останемся. Ну, а сегодня, наверное, вас действительно беспокоить не будут, можете отдыхать. Ну, ладно. Позвоню попозже.

– Хорошо, товарищ командир. Еще раз спасибо!

– «Эрэсовцев» благодарю. Я здесь при чем? Ну, будь! Привет ребятам!

– Передам. Всего хорошего!

Когда комбат вернулся, все уставились на него: ну, что, мол, какие новости?

– Командир передает всем привет.

– Спасибо!

– Дай бог ему здоровья!

– Еще не переправились?

– Кроме нашего полка, уже все переправились.

– А чего тогда мы здесь торчим, если и наш полк начнет переправу?

– Это, товарищи, решает комдив. А может быть, он захочет не отдавать немцу этот участок? Вдруг наши начнут наступать – тогда понимаете, что будет означать наш участок?

– Неужели могут начать?

– Если нам будут помогать, как и сегодня, а что – здесь можно жить и даже на рыбалку ходить, – сказал Степка.

– Котелок сперва научись ловить... – съехидничал кто-то.

– Не везет тебе, Степка, – немцы убить тебя хотят, свои котелок из рук выбивают!

– Это точно! – упавшим голосом согласился Степан, и вновь пошли шутки и смех.

– Давайте скорее пообедаем и, пока не стемнело, соберем автоматы убитых немцев. Немецкие пули, говорят, очень любят своих.

– Это точно, я знаю.

– Ради бога, перестаньте болтать – дайте поесть по-человечески! – взмолился Степан.

– Так ты же остался без борща, что есть-то будешь?

– Мне не обязательно, как тебе, целое ведро борща съесть. Для меня и каши достаточно.

– И то правда. Зачем тебе, князю, борщ. Тебе надо фигуру держать.

– Товарищ комбат! Ради бога, отойдемте в сторонку. При этих болтунах не только кусок, даже ложка каши в горло не идет.

– Терпи, Степан. Что поделаешь – судьба!

– За то, что я нахожусь среди этих болтунов, правду говорю, – мне, как летчикам, шоколад положено выдавать. Нехватка ума у товарища больше вредит здоровью, чем нехватка воздуха. Разве не так?

– Ничего, обойдешься и кашей.

– Бедный Степка, измучился совсем – одни кости да кожа остались!

– О боже! И врагу своему не пожелаю, чтобы он жил среди вас! – воскликнул Степан и принялся за кашу.

– Степка, может борщец тебе подлить, а то как бы несварение желудка не получилось?

Не выдержал Степан, ответил:

– Коль ты, жадюга, на такое решишься, об этом весть аж до Берлина дойдет!

– Не бойся, до Берлина и сами дойдем.

– Если и дойдешь, не думай, что ты со своей грязной мордой обрадуешь немецких дамочек – от одного твоего вида они все поперемрут, как мухи.

– Дай бог! Все пусть поперемрут.

– Жди, умрут, коль ты будешь так воевать, не высовывая головы из окопа!

Покончив с едой, бойцы облизали свои ложки и сунули их, у кого были сапоги, за голенища, а у кого нет – завернули в тряпицы и положили в карманы брюк. Потом по два-три человека из отделения отправились собирать немецкое оружие. Вернулись через полчаса, неся каждый по несколько автоматов.

Оставшись одни в «штабе», комбат и комиссар говорили о том, о сем – о том, что на ночь надо выставить за овраг часовых, после ужина обоим надо, мол, пройтись по окопам, поговорить с бойцами. В это время зазвонил телефон.

– «Эльбрус» слушает! – сказал в трубку Ахмат.

– Как обстановка, чем заняты?

– Все нормально. Мы с комиссаром собираемся пройтись по позиции, поговорить с солдатами.

– Хорошо. А немцы как – не шевелятся?

– По-моему, вы их сильно обидели: все тихо.

– Ну и хорошо, можете отдыхать. Что фашистов «обидели» – это чепуха, да вот, боюсь, как бы и тебя не обидеть.

– Не понял, товарищ командир.

– Боюсь, что твой «балкарский фронт» и ты в качестве командующего недолго продержитесь.

– Надо уходить, что ли?

– Да нет, мы возвращаемся к вам.

– Значит.

– Похоже на то. Короче, приказ таков: полк пока остается на месте. Завтра все прояснится. Ясно?

По голосу чувствуется, что командир в хорошем настроении.

– Вроде бы ясно. Да вот как-то не верится...

– Не верится... Не думал я, что ты так духом пал.

– Да не пал я духом, товарищ командир. Просто не думал, что так скоро.

– Ха! Ничего себе – скоро! Фашист у стен Москвы. А ты – скоро!.. Ну, бывай. Будет новость, позвони.

– Есть, товарищ командир! – и Мисиров положил трубку.

– Какие новости, товарищ капитан? – спросил комиссар.

– Наш полк остается на этой стороне. Кто его знает, может быть, и в наступление пойдем. Вскорости. Так вроде надо понимать. А пока, видимо, решено этот плацдарм сохранить.

– Как это – в наступление? А где силы? Их у нас, навряд ли было.

– Что, у страны кроме нашей дивизии, кроме нашей армии, нет войск, что ли? Взяли, наверное, из других фронтов.

– Не знаю...

Они, прошедшие черед ад под Смоленском, своими глазами видевшие, как жалкие остатки наших войск поспешно отходили за Днепр, не могли поверить тому, что эти же войска завтра-послезавтра могут быть способны на контрнаступление.

Они, младшие фронтовые офицеры, были озабочены только одним – как же отбить, остановить врага, идущего напролом. Конечно, чутьем догадывались и они, что страна что-то делает, мобилизует силы, но никак и предположить не могли, что на Вязме уже сконцентрированы войска, сами способные взять на себя один фронт, что Генеральный штаб уже разработал план наступления с целью освобождения Смоленска, того самого Смоленска, который они не смогли отстоять всего неделю назад, хотя и сражались изо всех сил, отчаянно.

Но обо всем этом там, наверху, конечно, знали. Вот почему, когда вести о все еще удерживаемом клочке земли на правом берегу дошли до штаба армии, оттуда сразу же последовал приказ: «Любой ценой удерживать плацдарм до особого распоряжения». «Зачем, ради чего обрекать на верную смерть целый батальон?» – попытался было возразить комдив, но ему ответили: «Коль боишься, что батальон твой погибнет, – пошлин полк, Владимир Петрович, но чтобы плацдарм оставался в ваших руках. Почему? Чуть позже узнаешь сам. Да разве так уж трудно догадаться, Владимир Петрович, для чего нужен плацдарм на той стороне реки для войск, находящихся на этой стороне?»

Полковник Владимир Петрович Чернышев такие азы военного дела знал еще, когда был курсантом кадетского корпуса до революции. Но сейчас нам плацдарм на той стороне реки был совершенно не нужен. Полковник в этом был уверен. «Дай бог сил не пустить немцев на эту сторону, а о большем сейчас и мечтать нечего. Другое дело – если вздумаем наступать. Тогда, конечно, за клочок земли, за один только бугорок на той стороне чего бы, кажется, не дал. Если вздумаем наступать», – мысли полковника, поблуждав, вновь вернулись к этим словам, и он задумался. Нет, сколько бы он ни думал, не находил никакого оправдания тому, чтобы оставлять батальон Мисирова на той стороне. Конечно, батальон можно было бы, нет – обязательно надо было бы оставить, если бы завтра-послезавтра наши собирались наступать. Но те войска, которые отошли от Смоленска, навряд ли способны сейчас на наступление. Но как бы то ни было, приказ удерживать тот плацдарм за рекой у переправы фактически означал – через два-три дня эта земля нам будет очень нужна. А это гово-

рит только об одном – наши намерены наступать. Полковник понял это. Понял, но не очень-то был рад. Если опять пустозвонное бахвальство: «Как, мол, так – враг нас бьет и в хвост, и в гриву, а мы что – лыком шиты, что ли?» – и больше ничего, то от этого наступления, кроме беды, ничего хорошего не будет. Разве было бы не лучше укрепиться, сдерживать врага, пока не соберем силы? Но ничего не поделаешь, приказ есть приказ, и плацдарм этот надо удерживать. А раз так, то следует ли вообще переправлять полк Половцева?

Вот почему комдив дал распоряжение Половцеву оставаться пока на месте. И сообщил о своих догадках по поводу наступления наших.

А рано утром, еще до того, как зашевелились немцы (а они обычно начинают «рабочий» день после завтрака), Половцев, а вместе с ним комиссар полка Арбатов и начальник штаба Аланидзе прибыли в расположение батальона.

Офицеры и солдаты батальона радушно встретили ранних гостей. Выслушав рапорт комбата, командир полка спросил:

– Ну что, комбат, принимаешь пополнение?

– Да вот, думая, что все равно скоро отходить, даже не построили блиндаж. Прошу в гости к своему окопу, извините, другого места нет.

– Не одних нас, комбат. Полк идет сюда. Надо потесниться. Вижу, вижу – недоволен тем, что расформируется твой «балкарский фронт», а вместе с тем ты и сам теряешь должность командующего. Но, что поделаешь, комбат, приказ есть приказ! Какое место для своего батальона выбираешь?

Хотя командир как бы в товарищеско-шутливом разговоре и сказал о выборе места, но Мисиров прекрасно знал, что по военным порядкам его третий батальон должен занимать на позиции правый фланг, а потому, не задумываясь, ответил:

– Что поделаешь – выбираю свое место.

– Да, чуть было не забыл! С тебя причитается – в полк пополнение прибыло, а они все оказались твоими земляками, и я решил всех отдать тебе.

– И вправду, товарищ майор?

– Из Нальчика же сказали, товарищ комиссар? – повернулся комполка к комиссару, как бы говоря Мисирову: «Ну, спроси, если не веришь».

– Да, сказали – из Нальчика, капитан.

– И много их?

– Тридцать.

– Спасибо, товарищ командир! Вот здорово! Скоро ли они подойдут?

– Скоро, скоро, успеешь. А где тот твой земляк, артиллерист?

– Ранен в ногу, в лазарет отправили. Но он подбил два немецких танка, поджег машину с пехотой и разбил одно орудие.

– Молодец! А к награде его представили?

– Вместе со всеми занесен в список проявивших мужество и отвагу.

Список у комиссара.

– Хорошо. Список передайте комиссару полка. А сейчас, пока немцев не видно, отведи батальон на свои позиции.

– Есть, товарищ майор! Разрешите исполнять?

– Исполняй!

Мисиров сразу же вызвал командиров рот, распорядился отвести батальон на позиции, занимаемые третьей ротой, и начинать рыть траншеи.

Вскоре подошли и два других батальона полка и тоже принялись копать траншею. А на дороге продолжала стоять группа красноармейцев в новеньком с иголочки обмундировании. Командир полка махнул рукой, и молодой сержант, подбежал, отдал честь.

– Товарищ сержант, вы и ваши товарищи поступаете в распоряжение командира третьего батальона капитана Мисирова. Отведите вашу группу с дороги в сторонку, сюда.

– Есть! – молодежато козырнул сержант и бросился исполнять приказ.

Он привел группу, браво отдал команду: «Смирно!» – и вновь подбежал к Половцеву, но командир полка сказал:

– Капитану докладывайте, сержант.

Сержант четко повернулся к Мисирову.

– Товарищ капитан, группа красноармейцев в количестве тридцати человек прибыла в ваше распоряжение. Сержант Карданов!

– Здравствуйтесь, товарищи красноармейцы! – поздоровался капитан с новичками, согласно воинскому уставу.

– Здравия желаем, товарищ капитан! – довольно четко ответила группа.

«Слава Аллаху, кажется кое-чему обучены», – подумал капитан. Начал обходить строй, ища знакомых. И сразу же увидел Хызыра Казакова из селения Сауту, из самой Большой Балкарии. Ахмат, инстинктивно подчиняясь горским обычаям, по которым младший всегда должен первым приветствовать старшего, подошел к Хызыру и, как и положено горцам, встретившимся вдали от родных гор да в такое тяжелое время, они крепко пожали друг другу руки и обнялись. После этого комбат, обращаясь к молодым бойцам, сказал:

– Я Мисиров Ахмат, из Черекского района. Вы уж меня извините, но я так истосковался по своим землякам, что хочется с вами всеми поздороваться по-горски, обнять вас, пожать ваши руки. Стоявшие перед ним молодые горцы, забыв о воинской дисциплине, не дожидаясь команды «вольно», кинулись к комбату. Объятия, крепкие рукопожатия. Большинство были русские и кабардинцы, балкарцев оказалось всего пятеро. Двое из Большой Балкарии и по одному из Жемталы, Бабугента и Кашкатау. Один из них – высокий, красивый, чернобровый парень – вел себя как-то странно. Как другие, не рвался поближе к командиру. Даже русские и кабардинцы старались протиснуться к комбату, пытались расспросить Ахмата, в каких боях ему пришлось участвовать, каковы они, эти фашисты, о том, о сем, а он почему-то все время оказывался на отшибе. Ахмат сперва на это и внимания не обратил. Но когда увидел, что все другие балкарцы сумели-таки оказаться рядом с ним, понял, что тот почему-то сам стремится не быть вблизи комбата, понял и огорчился. Если б на его месте был бы он, Ахмат, он тоже, как и эти ребята-балкарцы, непременно пробился бы к комбату и с удовольствием, разинув рот, слушал бы его рассказ.

– Парень, подойди-ка сюда, – сказал комбат по-балкарски, чтобы расслышал и тот парень.

Может быть, парень не расслышал слов комбата: он так и остался стоять с двумя-тремя товарищами, о чем-то беседуя.

– Кто этот парень, почему он меня сторонится? – спросил Мисиров у Хызыра Казакова.

– Значит, ты не узнал его? – устался Хызыр на комбата.

– Видимо, подрос, когда меня в селе не было, – не могу припомнить. Так кто же он?

– Скажу попозже. Есть у него причина, чтобы с тобой особо не любезничать. Оставь его, не зови.

Ахмат был удивлен этим ответом, но ничего не стал говорить.

Минут через десять комбат приказал сержанту построить новичков и проводить их в расположение батальона, а сам, задержав Хызыра, спросил:

– Ну, скажи теперь: кто он и почему сторонится меня?

– Скажу прямо: у него нет особых надежд на то, чтобы рассчитывать на твое благорасположение.

– Это почему же? – от удивления Ахмат даже остановился.

– Он – сын Хутая, младший сын – Назир, – сказал Хызыр и тоже остановился.

Имя «Хутай» больно отозвалось в сердце Ахмата, но пока весь смысл этого страшного слова дошел до сознания, он машинально спросил:

– Какого Хутая?

– Кадыровых Хутая.

– Да что ты говоришь?! – остолбенел Ахмат.

Самое первое, что пришло ему на ум, – это догнать отпрыска этого подльца Хутая и тут же всадить ему пулю в лоб. Но горячность горского сердца сдержал разум советского офицера.

– Ты, конечно, можешь поступить, как хочешь, но он ведь почти мальчишка, совсем молод. Я прошу тебя, Ахмат, будь мужчиной, не теряй рассудка, не будь таким идиотом, как его отец.

Слова Хызыра доходят до сознания Ахмата, как сквозь сон. Хызыр был постарше Ахмата и хорошо помнил все, что произошло четыре года тому назад и раньше.

IX

– Иди, Хызыр, догоняй товарищей, – сказал Ахмат, не зная, что говорит, что делает.

Хызыр кинулся было вперед, но, отбежав на пять-шесть шагов, остановился, вернулся и с мольбой в голосе попросил:

– Прошу: не натвори каких-либо глупостей сгоряча, Ахмат! – и побежал.

А Ахмат бредет, словно слепой, спотыкаясь, по разрытой снарядами и бомбами земле. Еще несколько минут назад он был счастлив, он нетерпеливо ожидал встречи с земляками, а эта встреча, дав ему всего горсточку радости, принесла и гору горьких воспоминаний, перевернула всю душу, поставила его в такие условия, к которым он совершенно не был готов.

Откуда он мог знать, что здесь, где когда-либо навряд ли ступала нога горца, где идут страшные бои, где льется кровь, где все горит и рушится, он встретит сына своего заклятого врага!

О!.. Как жестока, безжалостна судьба! Как она отыскала его, Ахмата Мисирова, в этих бесконечных закоулках немыслимо огромного ада, что тянется от моря и до моря и называется коротким словом «фронт», почему она притащила его кровного врага именно сюда и вручила из рук в руки – на, мол, поступай, как хочешь! И почему именно в облике красноармейца? И теперь судьба, эта злая ведьма, стоит в сторонке и в предвкушении быть свидетельницей перед Аллахом человеческой низости и жестокости, ухмыляется и беспрестанно шепчет Ахмату на ухо: «Вот он, твой кровный враг, – убей, растопчи, растерзай его, коль ты мужчина! Аль в твоих жилах уже течет не горская кровь, а грязная жижа, разве не чувствуешь зов крови к мести за отца, за деда?»

Это, конечно, правда, что не он сам, этот ублюдок, стубил деда и отца Ахмата, это все сделал его отец Хутай. Но разве это имеет значение? Все равно он кровный враг Ахмата Мисирова, всего рода Мисировых!..

Говорят, очень своеобразным человеком был Алий Мисиров, дед Ахмата Мисирова. Он, первый старшина Балкарского общества – как тогда, в царское время, называлась Большая Балкария – не из князей, а из простых ездней, казалось бы, сам изо всех сил должен был бороться за порядок и законность в обществе, а он вместо этого сам «баламутил» народ. Так, во время Черекского возмущения 1913 года, когда народ разнес ограду у входа в общественный лес, построенную князьями Жанхотовыми с целью присвоения леса, дед был как в стороне. Но на самом деле это недовольство организовал он сам. А чтобы его в этом никто не мог уличить, накануне уехал в Нальчик «по делам службы», как он потом будет говорить на суде. Вернулся лишь в разгар событий, когда до него дошла «печальная» весть о «смутах во вверенном ему обществе». Прибыв на место, он громко ругал людей за самочинные действия при начальстве и князьях, а оставаясь наедине, укорял их же за нерешительность и учил, как дальше себя вести, что делать, что говорить.

Три года длился суд то в Нальчике, в центре округа, то во Владикавказе, в терском областном суде, то в Тифлисе, где находилась резиденция, как говорят балкарцы, наполовину царя, то есть наместника Кавказа. Все так и получилось, как предсказывал Алий Мисиров, – «бунт» был признан стихийным, лес объявлен собственностью общества, а участники лишь оштрафованы за «разбойничьи действия».

Алий Мисиров, как не справившийся со своими обязанностями, был отстранен от должности старшины. Но через год, когда подошел срок следующих выборов, он вновь стал старшиной, и никто не мог этому противодействовать. Да и начальству было не до него – шла война. Так он и «врезался» в революционную эпоху в должности старшины Большой Балкарии. Хотя первый же порыв революционного урагана скинул его с должности старшины как «царского холуя», он по-прежнему пользовался уважением и влиянием в обществе – народ-то прекрасно знал, кто он есть на самом деле. Не зря чуть позже, летом восемнадцатого, когда лучшие революционеры были на фронтах и Совет в Нальчике потихоньку прибрали

к своим рукам «не те» и начали преследовать народных представителей, Большая Балкария послала в столицу округа сотню всадников именно во главе с Алием Мисировым. Всадники осадили Совет, Алий Мисиров вошел в кабинет председателя окружного Совета и, тряся плеткой перед его носом, заявил: «Если по вашей вине упадет хоть волосок с головы уважаемых народных представителей, мы снесем ваши головы!» Тогда он, конечно, безоглядно верил в то, что революция несет народу свободу и процветание. Но когда окончательно установилась Советская власть, прошло некоторое время, Алий Мисиров, вновь, как и раньше, начал проявлять недовольство. Не понравились ему те люди, которые начали действовать по принципу: раньше было время князей, теперь – наше время, теперь мы князья, и начали творить несправедливость. Мисиров опять начал бунтовать. Как «возбудителя спокойствия и всяческих анти-советских слухов» его арестовали и отправили рыть канал в знойной Малой Кабарде. Через год его отпустили, так как безнадежно заболел чахоткой. Его даже не смогли довести живым до Большой Балкарии – он скончался в пути. Спустя год арестовали его сына Исмаила – «новые князья», наверное, боялись, что он будет мстить за отца. И не напрасно – Исмаил слыл храбрым и метким охотником. Но, как потом рассказывала мать, родственники всячески удерживали его от опрометчивого шага. Да и сам он побаивался – нет, не за свою жизнь, а за судьбу своих шестерых детей, за судьбу и жизнь своего первенца Ахмата, который только-только поступил в военное училище. Отомсти он за своего отца – все дети его станут детьми «врага народа», а старшему, конечно, не избежать тюрьмы и смерти. Вот чего он боялся. Но все было напрасно – он все равно был арестован, и его дети стали «вражьими детьми», все имущество семьи было конфисковано и распродано с торгов. Так делалось со всеми врагами народа». Конечно, и ему, Ахмату, не миновать бы лагерей и, возможно, смерти, как сыну врага народа. Но вскорости трагические события захлестнули всю Большую Балкарию и уже было не до того мальчишки из Мисировых, который черт знает где находится.

...Отец этого самого Назира, что сейчас шагает среди новобранцев, Хутай Кадыров был одним из «новых князей», то есть заместителем председателя Верхнебалкарского сельского Совета, а по-народному – заместителем комиссара. А комиссаром был Асланука Калганов. Асланука стал комиссаром, когда окончательно победила Советская власть. А Советская власть – это власть бедняков. Беднее Аслануки Калганова в Верхней Балкарии почти никого не было – и он стал комиссаром. Позднее вернулся с полей гражданской войны прославленным красным конником Хутай Кадыров. По праву ему бы быть комиссаром, но Аслануку снимать не стали, Хутая сделали его заместителем, вторым. Но все равно первым был Хутай: Асланука во всем слушался его. И они стали друзьями, стали вместе «княжить». Еще ни один царь, ни один князь не жил на свете, которому нравилось бы то, что другие умнее его, одевались-ели бы, жили бы лучше, чем он. Не любили этого и Асланука с Хутаем. А так как горцы, как муравьи, народ трудолюбивый, то, конечно, большинство мужчин и парней в их «княжестве», на свою беду, и одевались, и жили лучше их.

Шло время, и многие из них начали исчезать из села навсегда – уходили подводы вниз, увозя то раскулаченных и их семьи, то «врагов народа». Кое-кто из тех, к которым начинали придираться Асланука и Хутай, не желая, словно бараны, дожидаться своей участи, начали убегать в горы. Так начали появляться абреки, которых давно уже в горах не было. Теперь их называли бандитами. Асланука и Хутай по ночам вызывали девушек и молодцов из «бандитских» семей и их родственников на допросы. Девушек, побывавших на ночных допросах, потом никто замуж не брал... Асланука еще с давних-давних времен имел зуб на Ахию-хаджи Джанибекова, но не знал, как к нему придраться, как подступиться, – он боялся Османбиа, зятя хаджи.

Еще в те времена, когда о большевиках, кадетях и прочих и слуху не было, сватался Асланука к дочери Ахии-хаджи, прекрасной Халимат. Но сваты вернулись ни с чем. Джанибековы, один из состоятельных и уважаемых родов Большой Балкарии, не захотели выдать девушку за бедного и в то же время не очень-то этим озабоченного Аслануку из рода Калгановых. Асланука был рослым, красивым парнем, любил танцы, беззаботное времяпрепровождение на разных вечеринках и играх. Ему казалось, что многие девушки готовы пойти за ним хоть на край света, стоит ему только всерьез захотеть. Но когда он решил жениться, ни одна из видных девушек не согласилась стать его женой. Потом он стал засылать сватов к не очень-то красавицам но везде получал вежливый, как положено по горскому обычаю, ответ – девушка еще не может быть хозяйкой в чужом доме, уже есть договоренность с другим родом, девушка вообще не хочет покидать родительский кров, и тому подобное. А все это, если с дипломатического языка перевести на обыденный, означало одно и то же – отказ. В конце концов, Аслануке-красавцу пришлось жениться на толстухе Марзият, которая давным-давно заждалась сватов...

И вот теперь Асланука – непререкаемый правитель третьей части Большой Балкарии – Верхней Балкарии. И никого, кто когда-то обидел, оскорбил его, он и не думает прощать. И в первую очередь – этого чванливого старца Ахию-хаджи Джанибекова! Многих уже он выжил из села (и наверняка из жизни), но к Ахией-хаджи все никак не мог подобраться. Из-за этого Османбиа, будь он проклят!

Ходили слухи, что Османбий, зная черную душу Аслануки, при уединенной встрече как-то сказал ему прямо в лицо: «Смотри, ишак, если ты сотворишь какую-то пакость по отношению к уважаемому хаджи, я достану тебя хоть из-под земли!» Но Асланука не утихомирился, лишь стал искать более изощренные подходы. И вот, в конце концов, когда Османбий по своим делам был в отъезде, в Ростове, говорят, – а он работал председателем сельпо, – Асланука решился. Он арестовал Ахию-хаджи, задал ему только один-единственный вопрос: «Это что ты говорил о Советской власти во время жума-намаза в мечети?» И, не дожидаясь ответа, посадил на подводу и под охраной сельского милиционера отправил в Нальчик. А милиционеру вручил записку, которую тот должен был передать кому положено в НКВД: так, мол, и так – является ярым антисоветчиком, подстрекает народ к бунту, надо судить как врага народа. А Османбий возьми

и попадись им навстречу прямо при выходе из теснины у Голубого озера. «Куда это вы? Что случилось?» – спрашивает. Так и так, рассказывают. Тогда понял Османбий, что дело зашло слишком далеко, и ему с Асланукой теперь на этом свете вместе не жить, и решился. Он связал (по его же просьбе, между прочим: как-никак, односельчане ведь, хорошо знают друг друга!) караульного милиционера, чтобы его не заподозрили в содействии, и тут же, не наведываясь домой, ушел в горы. В ту же ночь, конечно, спустился в село и забрал с собой сына Ахии-хаджи Солтана: оставлять его в селе, в руках Аслануки, было бы равносильно тому, чтобы сознательно обречь его на гибель.

Когда стало известно, что бывший красный партизан Османбий, из отряда легендарного Темирбашау, стал бандитом, Асланука впервые по-настоящему испугался: почти не спал по ночам, не видел, что ест, что пьет, – все думал и думал, что же сделать, что придумать такое, чтобы избавиться от Османбиа. Пока жив Османбий, смерть день и ночь будет витать над ним, над Асланукой. Это было ясней ясного, и надо было что-то делать. И придумал. Придумал такое, на что он и был способен, – неслыханное в горах черное, недостойное мужчины дело. И сделал это – ночью, поставив у входа в дом двух милиционеров-караульных, запретив в отдельной комнате рыдающую и рвущую на себе волосы старуху-мать Османбиа с двумя детьми, изнасиловал Халимат. Уходя, наказал милиционерам стеречь, спрятавшись в укромном месте, день и ночь, пока не появится Османбий, а как появится – убить тут же.

Когда, каким образом – никто вроде бы не знает, но Османбий все-таки проник в дом. И тогда, рыдая, Халимат поведала ему обо всем. И добавила вроде бы: «Коль ты мужчина, то честь свою спасай, а не жизнь!» Османбий ушел, ничего не сказав жене. А через три дня, к полудню, из ущелья привезли труп Аслануки, который утром отправился в Нальчик на какое-то совещание. Рассказывают, что Османбий сам стрелял всего два раза. Первым выстрелом он убил лошадь, запряженную в фэзтон, вторым выстрелом он ранил Аслануку в ногу. Тогда, говорят, Ахия-хаджи сказал: «По шариату, ни мне – отцу, ни тебе – мужу, не следует убивать человека, защищая честь женщины, если у нее есть брат». А Асланука, волоча раненную ногу, спрятался за большой камень у дороги. «Не уйдешь от меня, Асланука, если ты спрячешься не только за камень, а даже туда, откуда вообще на свет появился!» – крикнул Османбий, и они с Солтаном стали по обе стороны камня. Подождали, пока кончились патроны у Аслануки, подошли и стали перед ним. И тогда взмолился Асланука, сказал: «Все равно ты меня в живых не оставишь, Османбий, прошу, не мучай – убей сразу!» – «Нет, Асланука, – ответил Османбий. – По шариату, как сказал хаджи, надо обязательно шесть раз выстрелить в тебя и лишь в седьмой раз так, чтобы убить. Так что, потерпи!» – и с этим передал свой револьвер Солтану. Солтан пять раз (за шестой был засчитан выстрел Османбиа, в результате которого был ранен Асланука) выстрелил в ноги, руки и другие части тела и лишь седьмую по счету пулю пустил в сердце Аслануки. Потом, отослав Солтана к отцу, Османбий отрезал у Аслануки то самое, засунул ему в рот и сказал: «Ты познал на этом свете Халимат один раз, а на том свете бесконечно будешь познавать себя!»

Так за неслыханно подлый доселе поступок Аслануки неслыханно жестоко отомстил Османбий.

Отомстить-то отомстил, да слишком дорогой ценой за это поплатилась Большая Балкария. С почестями, как верного сына трудового народа, павшего от рук бандитов, похоронили Аслануку. И сразу же начались аресты. Была поставлена цель – покончить с бандитизмом, вырвать его с корнем и очистить дорогу к светлому будущему от всех явных и тайных врагов, от кулацкой мрази...

Казалось, и арестовывать-то в ущелье уже некого – все, кто некогда и стоять-то рядом с Хутаем чурались, исчезли или поприжали хвосты, стали шелковыми, но он все не унимался, все не проходила злость, все хотелось мстить и мстить. Еще бы! Когда председатель облисполкома спросил на сходе: «Кого предлагаете выбрать председателем Верхнебалкарского сельского Совета вместо Аслануки Калганова?», то никто не назвал его, Хутая, имени, как будто его, красного конника, героя гражданской войны, вовсе и не было на свете! Все кричали: «Махета! Махета! Он из бедных!» Да, Махет Аманкулов был из бедных и отличался тихим, спокойным нравом. Правда, фактически всеми делами по-прежнему заправляли Хутай, сестра Аслануки Калганова Шамарыу и их дружки, но... но все-таки комиссаром стал этот слюнтяй Махет, а не Хутай! Вот почему не проходила злость Хутая ко всем этим мыжыкам, которые не оценили его. А он еще кровь проливал, Советскую власть устанавливал для них!.. Эта кровавая рана обиды в груди с каждым днем болела все больше и больше, не давала покоя Хутаяу ни днем, ни ночью. И ничего с ней он поделать не мог...

Да и поутешиться, душу отвести по ночам, вызывая на «допросы» кулацких дочек и бандитских молодежи уже стало почти невозможно. Этот кызбай Махет на такое ведь не пойдет, а один Хутай тоже не мог решиться: он боялся, что и его постигнет участь Аслануки. Нет, Хутай не хочет подохнуть, как Асланука. Если и не жить ему, то все равно он умрет, как мужчина. А жить так он больше не хотел.

«Давай, Махет, поедем с тобой к бандитам, поговорим, пусть выходят по-хорошему, – предложил он однажды вечером неожиданно Аманкулову. – У кого особой вины нет – получит прощение, кто-то отсидит, но ведь останется жив, вернется потом домой. А так все равно конец, и семье плохо. Пойдем?» – «Это было бы очень хорошо! Наверное, многие выйдут!» – сразу загорелся этой идеей молодой комиссар, видимо, тяжело переживавший всю эту трагическую круговерть.

Отправились в горы на следующее же утро в сопровождении сельского милиционера Конака, племянника Хутая. А к полудню Конак прискакал в село и сообщил страшную весть: «Бандиты нас обстреляли. Махета убили, Хутай ранен!» Люди кто на чем бросились в сторону гор. Вернулись к вечеру, неся на руках тело бедного Махета. Лицо Хутая было обвязано. Всем было горько и обидно: за что убили Махета, что он, бедный, плохого сделал?

А поздно ночью к Аманкуловым пришел Солтан, сын Ахии-хаджи, и поведал что-то невероятное. «Мы все еще издали заметили их, смотрели в бинокль и узнали. Хутая, собаку, мы, конечно, не упустили бы, но боялись попасть в Махета – далековато они были. А потом, посмотрим, Конак отстал,

остался за поворотом, а Махет с Хутаем едут дальше вдвоем. Потом Хутай вроде бы замешкался что-то, а Махет продолжает так спокойно ехать. И тут, быстро так, Хутай вытащил наган и выстрелил прямо в спину Махета, а потом сунул дуло нагана себе в рот и опять стрельнул. Мы сразу поняли его подлость, и Османбий уже прицелился было, чтобы убить Хутая, но отец остановил его. «Если мы убьем Хутая, – сказал он, – пойдут слухи, что все это сделали бандиты.

Надо сообщить обо всем в село, чтобы люди не думали, что мы мурда-ры».

В ту же ночь, тайно, в Нальчик поскакали трое всадников – один из братьев Махета и еще двое близких родственников. На следующий же день во время похорон Махета прямо на кладбище Хутай был арестован. Вина его была очень просто доказана по следам пороха в его же ране в щеке. Так Хутай Кадыров, загубивший весь цвет Верхней Балкарии, сам теперь стал врагом народа и отправился вслед за своими невинными жертвами разделить их участь...

Припоминая все это: и то, что слышал, и то, что сам знал, Ахмат и не заметил, как дошел до расположения батальона. Он увидел ожидавших его ребят из пополнения, все еще стоящих в строю, и «своих» – «старых», испытанных в боях бойцов, окруживших новичков. Заметив приближение комбата, сержант командовал: «Смирно!» и, как на учении, четко печатая шаг, подошел к нему и отдал рапорт. Комбат приказал сержанту разделить пополнение на три равные группы и подозвал к себе командиров рот.

– Все пополнение, что прибыло в полк, командир передал нашему батальону, – сообщил он. – Каждому по десять солдат. Возьмите, расставьте возле опытных бойцов, обучайте, готовьте к боевым действиям.

Хызыр и Назир оказались в средней группе и попали во вторую роту, в роту Копытова. «Этот собачий сын опять оказался возле меня, – подумал Ахмат, вспомнив, что он, командир батальона, привык всегда находиться в середине батальона, во второй роте. – Вот будет здорово, если и он, как отец, окажется подлецом и во время боя пустит мне пулю в спину». Эта глупая мысль также быстро забылась, как и пришла в голову, но все равно в душе осталась какая-то тревога. Яблоко от яблони недалеко падает: что ни говори, а он ведь сын Хутая, что-то подлое должно быть и в его крови, наверное...

Комбат обходит позиции батальона и торопит солдат, что роют траншею:

– Быстрее, ребята, быстрее, – немцы скоро позавтракают, а потом и на нас пойдут, – говорит он. – Лучше сейчас шевелиться поживее, чем остаться в открытом месте под пулями.

По расчетам комбата, в восемь часов немцы должны начать свой «рабочий день» – в это время они выедут из села, где расположились на ночь. Не позже девяти они уже будут здесь...

Комбат, комиссар и командир роты Копытов, выбрав себе подходящее место, вызвали на помощь трех-четырех солдат и тоже стали готовить себе место – вроде большого окопа, на троих. Почва была желтой, песчаной – легкой для работы, и траншея через час фактически уже была вырыта. Теперь каждый из бойцов готовит себе «боевое место» – нишу

на фронтовой стороне траншеи. И в это время слева, со стороны роты Заветаева, послышалось громкое «Ура!». Все оглянулись в ту сторону и увидели дымящиеся кухни-подводды.

– Не поймешь наших ребят, – сказал Шубин. – В атаку идут – «Ура!», кухню увидят – опять «Ура!».

– И это говорит комиссар! – усмехнулся Копытов. – Что здесь странного? «Ура» во время атаки – это «ура» ненависти к врагу, а «ура», когда видишь кухню, – это «ура» радости.

Минут через десять, обжигаясь, все принялись за горячую кашу, иногда находя в ней и кусочки мяса...

По всем расчетам комбата, немцы уже должны были появиться, но их все не было. А, может быть, они боятся сунуться туда, где вчера получили хорошую зуботычину от наших «эрэсов»?

– Комиссар, пошли посмотрим, как там другие роты устроились, – сказал комбат.

– Идем, – ответил Шубин, вставая. Он знал, что комбат все равно не успокоится, пока перед боем не осмотрит всю позицию батальона, не поговорит с солдатами.

Оба направились в сторону дороги, где расположилась рота Заветаева, но не успели пройти и нескольких шагов, как услышали равномерный нарастающий гул. Такой гул они слышали не впервые, а потому поняли, конечно, что приближаются немецкие бомбардировщики.

– Воздух! Батальон, в траншею! Бить по летящим в бреющем полете фашистским самолетам из винтовок и ручных пулеметов! Не паниковать, действовать умело! – крикнул-приказал комбат.

А там, вдали, спешат, суетятся кухни-подводды, стараясь скорее убраться отсюда, из зоны смерти. «Да не суетитесь вы, успеете! – машинально подумал Мисиров, глянув на них. – А я-то думал, что это они задерживаются? Оказывается, ждали бомбардировщиков». И комбат, и комиссар вернулись к себе.

Солнце сзади, глядеть не мешает, и солдаты следят за немецкими самолетами, которые все приближаются и приближаются.

– Я думал, вчера к вечеру и мы начнем отходить. Если б знал, что не на день, в лесу остановился бы. Там, наверное, было бы лучше.

– Откуда нам было знать? – ответил Шубин, тоже обеспокоенный тем, что немецким летчикам наши позиции, конечно же, будут ясно видны, как на ладони.

Для пехоты самое подлое дело – это вражеская авиация. Что поделает солдат с самолетом? Самое большее, что может сделать солдат – это выматериться от души на фашистского летчика, но и то без пользы: хоть горло разорви, крича, тот все равно не услышит тебя. Конечно, по тем самолетам, которые опускаются низко, можно бить из винтовок, автоматов и ручных пулеметов. Но если ты зол до чертиков и будешь стрелять наобум или «тарыхтеть» им вслед – пользы никакой не будет. Другое дело, если ты уже имеешь кое-какой опыт, если хладнокровен и рассудителен, тогда ты выбираешь самую удобную для себя точку на пути самолета и ждешь, когда тот вплотную приблизится к этой точке. И тогда открываешь огонь и стреляешь до тех пор, пока самолет не пролетит ту точку, куда ты

посылаешь свои пули. Вот тогда, вполне возможно, и попадешь в него, в этого гада. Говорят, что именно так сбито несколько самолетов бойцами дивизии. Что ни говори, но это – тоже польза...

Х

Вот долетели и немецкие самолеты. Но что это? Они вроде бы пролетают. Да и не так уж много их – три «юнкерса» да два «мессершмитта»-охранника. Нет, не пролетают, разворачиваются. Да, теперь на все воля судьбы: кому повезет – останется цел, а кому не повезет – тот...

Опять начался этот ад – вой самолетов, свист летящих бомб, грохот взрывов. Когда вблизи взрывается бомба, содрогается земля и сверху падают комья, они – и Мисиров, и Шубин, и Копытов – немного подождав, слегка похлопывая друг друга, словно сметая пыль, дают знать друг другу, что они живы, что целы. Иногда они поглядывают на часы: когда же, мол, это кончится. Пять минут, шесть минут, семь минут... Эх, знают ли люди, как бесконечно длинна эта минута, когда немецкие самолеты, прямо прицеливаясь в тебя, бросают бомбы? Как много их, этих долгих-долгих минут, прожил за последнее время Ахмат. В первое время было особенно трудно, тогда минуты, казалось, растягивались на целые годы. Сейчас малость попривык, но все равно – длинны они, эти минуты под бомбами!

В такие минуты, хотя он сам вроде бы находился здесь, под бомбами, но душа его была там – дома, в горах...

– Ушли, гады... – слова Копытова слышатся, как во сне.

Немецкие самолеты, завершив свою «работу», уходили на запад. Как и все оставшиеся в живых, Мисиров, Шубин и Копытов стали стряхивать с себя землю и пыль.

Солдаты и санитары оказывали раненым первую помощь, готовили их к отправке в лазарет. Погибших оказалось пятеро – и все пятеро из старого костяка батальона, сражавшиеся еще под Минском: Виталий Казаков, Геннадий Вербин, Александр Ермолаев, Асхат Сабиров, Алик Карагезьянц. Солдаты спешно – скоро могут появиться немцы! – копают могилу, с грустью рассказывают разные эпизоды из жизни своих товарищей, об их мужестве. Принесли еще одного и положили в ряд с погибшими.

– Из новичков. В шею был ранен осколком. Сейчас скончался, – сказал тихо один из солдат, принесших тело погибшего.

Ахмат приподнял шинель, и острая боль пронзила сердце – это был Хызыр. За этот долгий месяц войны Ахмат расстался со многими товарищами и друзьями, видел всякое, но такое безысходное одиночество и тоску он еще не ощущал.

– Эх ты, не по-мужски поступил: еще и бороться-то не начал, а уже упал! – сказал Ахмат, осторожно, словно боясь доставить неприятное ощущение Хызыру, опуская грубую ткань шинели на его лицо, не зная от горя, что и говорить. Вот и готова братская могила.

– Мы, оставшиеся в живых, клянемся вам! – говорит комиссар Шубин. – Мы отомстим за вас врагам! Не беспокойтесь – подлые фашисты

не будут долго разгуливать по нашей земле. Придет время – и потомки украсят вашу могилу мрамором, сложат о вас песни и легенды. А гады, что убили вас, будут закопаны в землю, как падаль, без жалости и сожаления. И ни близкие, ни родственники не смогут найти их могил. Да будет вам пухом наша родная матушка-земля – земля нашей Родины, за которую вы отдали свои жизни!

Троекратным залпом отдал батальон последние почести своим солдатам, павшим в борьбе с врагом. Вместе со всеми молча возвращаясь назад, к траншее, Ахмат заметил и сына Хутая. «И этого собачьего сына ты оставил мне в товарищи, да, Хызыр?» – грустно, с обидой подумал Ахмат.

После бомбежки, как и всегда, ждать немцев пришлось недолго. Не успела отъехать санитарная машина с ранеными, как тут же из лесу начали выползать немецкие танки, а вслед за ними появились и машины с пехотой.

– Готовьтесь к бою! К бою! – порывом ветра прошелся по траншее из конца в конец приказ. Стало тихо-тихо. И словно нет войны, нет смертей, огня – вся поляна наполнилась птичьим гомоном.

Вот немецкие танки, пройдя приличное расстояние по дороге, начали расплзаться по обе обороны, растягиваясь по всей линии фронта. Фашистские автоматчики прыгивают с машин и тут же бегут за танками.

– Подпустить ближе! Не торопиться! – летят над траншеей команды.

Да и бойцы, что молча следят сейчас за немецкими танками, за автоматчиками с закатанными рукавами, сами уже знают, когда надо начинать стрельбу, да как воевать. За этот месяц войны они многое видели-пере-видели, многому научились.

Половцев, наверное, связался с «той» стороной: наша артиллерия открыла огонь. Пусть еще не подбит ни один танк, но снаряды, что часто взрываются среди наступающих, делают свое дело: мало-помалу косят ряды фашистов, вселяют страх в их души. Вот, наконец, задымил и первый танк. Но остальные все ползут, неуклюже переваливаясь. Они уже, кажется, прошли и опасную зону, что находилась под обстрелом нашей артиллерии, и сами уже начали палить из своих пушек, наши бойцы, у кого винтовка, стараются «поклевать» по одному фашистских автоматчиков, а те, у кого противотанковые ружья, взяли на прицел танки и ждут. Теперь наша артиллерия, «пропустив» первую волну атакующих, перенесла весь свой огонь туда, к выходу из леса, сея среди вновь прибывающих немцев смерть и страх, не давая им возможности как следует подготовиться к атаке.

Большинство немецких танков идут вперед по более обширной и сухой половине поля, на наш правый фланг, прямо на батальон Мисирова, но танкисты, видимо, и не ведают о том, что здесь они меньше всего могут иметь успех. Это и хорошо – пусть подойдут к оврагу, и здесь, не зная, что делать, они завертятся – и тогда наши ребята с ними «поговорят»! Если действовать не суется, хладнокровно и умело, можно, как на учении, забросать «растерявшиеся» танки и гранатами, и бутылками, подбить и из противотанкового ружья. Вот почему Мисиров даже рад, что большая часть танков – целых четыре – прется именно на его

батальон: как бы они ни старались, здесь им не пройти, а если совсем близко подойдут, к оврагу, то и вовсе могут остаться здесь навсегда. Командиры рот, взводов не раз говорили бойцам, что здесь танки пройти не могут, если они все же попытаются это сделать и подойдут к оврагу, самое главное – не растеряться, действовать быстро, умело. В батальоне всего три противотанковых ружья, и все они сейчас сосредоточены на позиции роты Копытова, куда и ползут танки.

Когда немцы приблизились метров на пятьсот, траншея повела огонь из всех видов оружия. Огненный дождь лил на ту и на эту сторону. Снаряды от пушек немецких танков вспучивают землю возле траншеи, свистят пули, воздух пропитался дымом и запахом гари. Бой вступал в решающую фазу. Немецкие автоматчики залегли. Они тоже не хотели просто так умирать. Пусть танки прорвутся на позиции русских, проутюжат их как следует, а потом и мы пойдем, перебьем оставшихся – так, наверное, думали они.

Вот головной танк дошел до оврага, и танкисты, видимо, из-за кустов не заметили глубину – сходу нырнул в овраг. Брызги болотной жижи долетели до траншеи. Из нее повыскакивали бойцы и забросали танк гранатами и бутылками. Из оврага поднялся столб черного дыма. Идущие чуть сзади танки не заметили, что ли, того, что головной танк исчез, словно под землю провалился, – они все так же несутся вперед. Но вот задымил и один из них, остановился. Два других танка, обогнав его, устремились было дальше, но, видно, заметили дым впереди, над оврагом, и поняли – им здесь не пройти. Сходу начали разворачиваться. Наши из противотанковых ружей открыли по ним огонь, но, видимо, торопились и не прицеливались, как следует, – оба танка так и ушли целыми. Оставшись без стального прикрытия, немецкие автоматчики тоже стали отходить, отстреливаясь.

Еще несколько минут продолжалась, затухая, перестрелка, а потом и вовсе прекратилась. Атака была отбита. Потом немцы попытались было два раза установить у опушки леса орудия и произвести мощный обстрел позиций полка, но наша артиллерия так и не дала им возможности сосредоточить силы для новой атаки.

А в середине дня, когда с запада начали приближаться немецкие самолеты, вдруг, откуда ни возьмись, появились наши истребители и отогнали их, не подпустив даже близко к позициям полка Половцева. Это было просто удивительно – можно было подумать, что обе стороны только и озабочены тем, чтобы одолеть противника именно здесь, на этом клочке земли.

Нетрудно было понять замысел немцев – они, конечно же, стремились не только занять все правобережье Днепра, но, если представится возможность, то и «перепрыгнуть» на ту сторону вслед за противником. Но понять наших было нелегко – вся армия была на той стороне, зачем же цепляться именно за этот клочок земли на этой стороне? Объяснить все это солдатам, что остались здесь для прикрытия, пока шла переправа основных сил, было трудно – наши ведь давно уже на том берегу. Но на войне бывает немало случаев, когда солдату невдомек, почему делается именно так, а не иначе...

XI

В полночь многие бойцы просыпались от глухого мощного гула, что даже чуть-чуть сотрясал землю, и прислушивались и, поняв, что он идет откуда-то с нашей стороны, вновь засыпали. И вдруг:

– Тревога! Быстро, ребята, быстро! Тревога! – забегали по траншее ротные и взводные, тормоша полусонных бойцов.

Через несколько минут батальон уже стоял в полном боевом порядке в нескольких шагах от траншеи.

– Товарищи красноармейцы! – крикнул комбат, и тотчас же воцарилась тишина. – Сегодня, 24 июля, наша армия начинает контрнаступление. Как сообщил нам командир полка, войска Западного фронта уже несколько дней ведут наступательные бои, гонят немцев на запад, начали очищать землю Родины от фашистской нечисти. Наша задача – освободить город Смоленск, город гордости и славы русского народа! – Комбат посмотрел на часы. – Через пятнадцать минут начнется наша артподготовка. Она будет продолжаться двадцать минут. За это время мы должны сесть на танки и как можно ближе подойти к позиции противника с тем, чтобы, как только прекратится артподготовка, не давая врагу опомниться, броситься на него.

Да здравствует наша Родина! Смерть немецким оккупантам!

Потом выступил комиссар Шубин.

– Товарищи бойцы! – сказал он. – Фашистские изверги жгут наши города и села, убивают наших матерей, отцов, братьев и сестер, не щадят даже детей. Мы все горим желанием отомстить им за все их злодеяния, за все их зверства. Лучше умереть в бою, чем позволить фашистам и дальше измываться над нашим народом, над священной землей наших отцов и дедов.

Через полчаса-час мы все будем в бою. Я знаю, каждый из вас будет драться героически за свободу Родины, за ее честь и славу. Я хочу сказать вам: пусть ярость горит в груди каждого из вас, пока будет жив хоть один фашист! Смерть немецким оккупантам! За нашу победу! – Закончив слово, комиссар отступил на два шага назад.

Комбат шагнул вперед, скомандовал:

– Батальон! Нале-е-во!

Батальон выполнил команду, и комбат, зашпешив вперед, дал знак двигаться.

Когда батальон садился на танки, разрывая ночную тишину, грянул гром артподготовки. Танки двинулись вперед – на запад! Не обращая никакого внимания на то, что при въезде в лес замелькали фигуры ошалелых немецких постовых, танки шли и шли вперед. Когда выехали из леса, сразу стало ясно – впереди горит та самая деревня, где располагались передовые части немцев. Это село полк Половцева оставил всего три дня назад. У околицы батальон высадился, танки ринулись в село. За ними побежали бойцы, стреляя по мелькавшим в зареве пожаров немцам.

Немцы, которые и думать не думали о том, что русские, всего-навсего три дня назад безоглядно драпавшие куда глаза глядят, соберутся с силами и нападут на них, спали в эту ночь спокойно, а потому были совершенно ошеломлены этим ночным адом: некому и некогда было организовать

какой-либо серьезный отпор русским. Каждый заботился о своей шкуре, каждый спасался, как мог...

В тот же день к вечеру полк Половцева дошел до реки Хмость.

Но переправиться, как мечтали, «на спине» противника не удалось – немцы успели взорвать мост. Не решаясь вновь на ночь начинать кровавый бой, Половцев остановился в небольшом селе у берега реки. Надо было дать бойцам возможность как следует выспаться и отдохнуть – ведь они день-деньской были на ногах, не говоря уж о том, что за встречавшиеся на пути деревни приходилось вступать в жаркие схватки с немцами. А на той стороне реки расположилось большое село Кардымово, растянувшись на несколько километров по прибрежным холмам.

– Да, жаль, что не удалось нам сегодня прорваться туда, – сказал Половцев поздно вечером, глядя на ту сторону реки.

– Прорвемся завтра, – уверенно сказал Арбатов.

– Вот именно – завтра! – недовольно кивнул комполка. – А соседи севернее, говорят, проскочили. Это только мы здесь застряли.

– Перед ними, наверное, была пустота, никаких сел, вот они и проскочили, – высказал догадку Скифский, командир второго батальона. – А тут железнодорожная станция! И здесь гарнизон, наверное, был, да и бежавшие, видимо, все сюда сбежались.

– Конечно, конечно! Говорят, Гитлер все свои армии бросил навстречу доблестному батальону Скифского, – поддел Половцев комбата.

– А что здесь странного? Батальон Скифского – это не шутка! – отпарировал комбат.

– А это мы проверим завтра. А сегодня – отдыхать. Начнем с рассветом, когда фриц еще дремлет. В четыре ноль-ноль. Это – приказ комдива. Давайте, спокойной ночи!

С рассветом, после артподготовки, вновь разгорелся бой – за Кардымово. И в самом деле – первым переправился на ту сторону батальон Скифского. Судя по тому, что немцы и не пытались оказывать особого сопротивления, наверное, они были и так в тяжелом положении – ведь реку Хмость еще вчера форсировали части наших войск чуть севернее, и немцы в Кардымово боялись оказаться в окружении.

На третий день, 27 июля, вместе с другими частями 16-й армии, полк Половцева, продвигаясь с боями по железной дороге и шоссе, идущим со стороны Москвы, вошел в город Смоленск. Батальон Мисирова наступал в пространстве между Московским шоссе и Днепром, и на Ленинградской улице встретился с бойцами батальона Скифского. Судя по их рассказам, железнодорожный вокзал уже был в наших руках. Попытались по Ленинградской улице атаковать и захватить мост – не удалось. На той стороне улица спускается к мосту с большого пологого холма, а потому немецкая пушка, установленная прямо на середине улицы, и автоматчики, залегшие на выгодных позициях, казалось, не пропустят на ту сторону не только человека, но и птицу. А мощные краснокирпичные стены древней Смоленской крепости на том, немецком, берегу Днепра с тоской и надеждой смотрят на наших бойцов, что лежат на земле на подступах к мосту, не имея возможности поднять и головы. Они как бы говорят-шутят: «Ну, сынки, дойдите как-нибудь до нас, а здесь и мы вам

будем подмогой!» И русские, татарские, балкарские, черкесские, чеченские, казахские ребята, чьи предки когда-то бились в жарких сечах друг против друга, лежат сейчас здесь вместе, навсегда став братьями в едином Отечестве, и думают об одном и том же: «Неужели в самом деле фашисты надеялись навсегда остаться вот в таких наших городах, где эти старые стены соединили воедино души наших предков и наши сердца?! Нет, не будет этого! Рано или поздно побежите отсюда, да еще как побежите!.. Если сможете». Видимо, к немцам подоспело новое подкрепление – со стороны высоты, где расположен собор, начался яростный артобстрел позиций батальона Мисирова. И вдруг, откуда ни возьмись, запыхавшись, появился адъютант Половцева.

– Мисиров, немедленно выводите свой батальон из города! Направление – железнодорожная насыпь и Московское шоссе. Быстро! Иначе можешь и не выбраться!..

Что стряслось за это короткое время? Что за отступление, когда город почти уже в наших руках?

Искать ответа на эти вопросы времени не было. Батальон начал быстро отходить по железной дороге и по Московскому шоссе. При выходе из города пришлось вступать в короткие, жаркие схватки с немцами, которые нагнали их. К вечеру в пригороде Смоленска – у Колодни – соединились с полком. Здесь все и прояснилось: немцы, предприняв мощное контрнаступление с севера и юга, отрезали части наших войск у Смоленска от остального фронта. Теперь не до Смоленска – надо попытаться выйти из окружения, а то потом, когда немцы подтянут еще резервы, вырваться из тисков практически будет невозможно. Надо, прокладывая дорогу с боями, сдерживая немцев сзади, прорываться к своим. Для солдат и офицеров, которые в течение трех дней гнали фашистов, освобождали деревни и города и прорвались в Смоленск, слышать все это было нелегко...

XII

Шесть дней и ночей идут бои в окружении. Говорят, в кольцо попали целых две армии. Как ни странно, но это многих утешает – где столько войск, столько сил, не может быть такого, чтобы не нашлось способа вырваться из окружения. Да и слухи о том, что там, на Большой земле, генерал Рокоссовский собрал мощный кулак войск и вот-вот ударит по фашистскому кольцу, разорвет его, – тоже, наверное, неспроста.

На седьмой день вечером, когда наступило некоторое затишье, окруженцы с восточной стороны явно услышали отдаленные звуки канонады. «Рокоссовский! Рокоссовский идет нам на помощь! Завтра поднажмем – и будем на свободе!» – вот такая радостная весть вскоре дошла и до окруженцев на западе. И вправду, вскоре командиры батальонов и комиссары провели беседы во всех ротах, где говорили одно и то же – завтра с рассветом начинаем бои с целью прорвать окружение, надо всем, как следует, подготовиться.

– Вместе с нами, ровно в четыре ноль-ноль, пойдут в наступление и войска Рокоссовского, у них тоже одна цель – прорвать окружение. Теперь, товарищи бойцы, все зависит от нас самих, от нашего мужества, от нашей

решительности. Знаем – трудно, мы все устали до смерти, голодны, нет сил, не хватает боеприпасов. Но все равно: чем остаться в окружении, а потом неминуемо попасть в плен, испытать позор и издевательства фашистских палачей, – лучше смерть в бою или свобода! – говорили командиры и комиссары.

Поздно вечером Половцев вызвал к себе командиров батальонов. Комиссар полка и начальник штаба тоже были у него.

– Перейдем сразу к делу, – сказал Половцев. – Что случится завтра, кто погибнет честно в бою, кто будет жив и прорвется к своим, – этого никто не знает. Война, тем более то, что будет завтра, – это не шутка. Чтобы с нами ни случилось, но знамя полка и документы должны быть в сохранности и, так сказать, вырваться на свободу. Не очень важные документы мы сожгли. Вот эти два чемоданчика остались. И документы, и знамя не должны быть в одном месте. Сердце полка – знамя. Нас здесь шестеро и если мы будем знать, где находится знамя, – этого, думаю, достаточно. Встань-ка, Василий Петрович, покажи.

Арбатов встал, снял ремень, приподнял гимнастерку, и все увидели, что комиссар полка опоясан знаменем.

– Значит, мы, остальные пятеро, по мере возможности, должны помнить об этом и стараться держать Василия Петровича в поле зрения. Конечно, с ним будут штабные люди, но все-таки. Да и ты сам, Василий Петрович, зазря в пекло не лезь – помни, что судьба полка с тобой.

У меня все. Кто что хочет сказать? Значит, все понятно. Ну, отдохайте, времени осталось не так уж много.

На рассвете началась схватка не на жизнь, а на смерть, такая долгая и трудная, что, казалось, никогда конца ей не будет. Из боя в бой ведет свой батальон Мисиров, и людей остается все меньше и меньше. К полудню там, на востоке, стали явственно слышны звуки боя. Батальон устремился вперед. Видимо, бой шел не в такой уж дали. Впереди возле леса видна небольшая деревенька. В ней – никого. Бойцы других батальонов полка по нескошенной ниве севернее деревни бегут в лес.

– Быстро в лес! До наших совсем близко! Вперед! – крикнул Мисиров.

Когда до леса оставалось совсем немного, там вмиг, словно подожженная солома, вспыхнула яростная стрельба из автоматов и пулеметов, послышались разрывы гранат. «Фашисты ждали нас в лесу! – догадался Мисиров. – Кто же первым напоролся на засаду? Скифский? Калашников?»

– Вперед! В атаку! – крикнул комбат и бросился в лес, увлекая за собой батальон. Ворвавшись в лес, бойцы сразу же очутились в бою. Где кто – трудно разобраться: повсюду видны и немцы и наши – идет рукопашная. В общем шуме, гаме и треске часто, оглашая лес, раздаются душераздирающие крики несчастных, в кого вонзился штык или нож.

– Со стороны деревни видны машины с автоматчиками! Скорее за овраг, в лес! – это кричит Арбатов, комиссар полка. А схватка у кромки леса все еще не закончена – идет перестрелка, слышны взрывы гранат. Заметив, что Арбатов с небольшой группой скрылся в глубоком овраге, Мисиров крикнул:

– Третий батальон, за мной! – и бросился вслед за Арбатовым. На

бегу оглянувшись назад, увидел всего девять-десять бойцов, следующих за ним. «Кто там твою команду слышит в этом аду! Кто ушел вперед, кто все еще там – в бою, наверное», – подумал комбат. Впереди раздались автоматные очереди, одиночные выстрелы. Ахмат бросился туда. На дне оврага неожиданно оказался по колено в болоте, едва выбрался, вскарабкался наверх и застыл на месте – как-то неудобно схватившись за живот обеими руками, скорчившись, лежал на земле Арбатов. А вокруг него лежали и остальные его спутники.

Ахмат в один миг оказался возле Арбатова, перевернул его на спину, приподнял голову. Комиссар был мертв. Отбросив автомат в сторону, растегнул ремень Арбатова и завернул гимнастерку – на красном кумаче знамени в нескольких местах видны багровые пятна. Комбат не видел, но чувствовал, что сторонкой мимо него пробегают красноармейцы, но не понимал, почему это никто не обращает на него внимания, не подходит. Он лихорадочно ищет булавку, которой, вероятно, закреплен конец полотнища. А там, откуда он только что прибежал, с новой силой разгорается перестрелка. «Немцы, гады, идут», – мелькнула мысль. Наконец, нашел булавки, отстегнул и начал аккуратно, словно комиссар был лишь тяжело ранен, разматывать знамя. И в это время почувствовал, что кто-то, пробегавший мимо, резко остановился возле него. Глянул – перед ним с автоматом в руках, тяжело дыша, стоял Назир, сын Хутая-собаки.

«Сейчас он сделает то, что однажды сделал его отец», – как-то спокойно подумал Ахмат. Делая вид, что не придает присутствию Назира особого значения, он взглядом поискал свой автомат – до него было слишком далеко. Нет, не схватишь его в один миг! «Хлопнет, гад, сейчас никто и не узнает. Раньше, дурак, об этом надо было думать!» – ссорится сам с собой Ахмат, а руки его сами по себе продолжают свое дело.

– Отходи, что стоишь?! – крикнул комбат в надежде на то, что солдат невольно подчинится неожиданному приказу командира. Но нет, Хутаев сын не думал уходить. Видимо, хорошо чувствовал, что здесь он может командовать, а не комбат. Как-то невольно оба огляделись. В отдалении то там, то здесь мелькали фигуры бегущих бойцов. До них далеко, если даже и кликнешь – навряд ли кто и остановится. А пальба с той стороны оврага все приближается и приближается. Вот-вот немцы будут здесь.

– Ну, что стоишь? Уходи! – сказал по-балкарски Ахмат, глянув прямо в глаза сына Хутая.

– Как это «что стоишь»? А ты? – Назир быстро положил автомат на землю, подскочил к Ахмату. – Ранен, что ли?

– Нет. Под гимнастеркой комиссара – знамя полка. Надо взять.

Назир отстранил Ахмата в сторону и быстро снял знамя с тела. Потом, взяв автоматы, и свой и комбата, поторопил: – Быстро, давай быстро!

Все еще не осознавший смысла того, что произошло, Ахмат с трудом растегнул ремень и сунул под гимнастерку знамя. Сын Хутая протянул ему автомат. И вместе побежали туда, куда и все, – на восток, в сторону своих. Назир бежит чуть впереди. Когда от лица отводит ветку или врывается в молодую поросль, то оглядывается назад, убеждается, что ни ветка, которую он отпустил; ни молодое деревцо не хлестнут по лицу Ахмата, и лишь тогда отпускает-отбрасывает их. Добежали до какого-то

пологого спуска – то ли в овраг, то ли в ложбину. Назир, как в детстве, не сдерживаясь, побежал вниз, и тут, прямо перед глазами Ахмата, кувыркнувшись раза два, растянулся на земле. Когда Ахмат добежал до него, тот сидел и, потирая щиколотку правой ноги, ругался и ныл.

– Что случилось? – комбат присел рядом.

– Оступился, что ли... – заныл вновь Назир.

– Вставай, вставай! Некогда нежиться! – сказал комбат и, кинув автомат на плечо, помог ему подняться.

Но едва Назир ступил правой ногой, как тут же вскрикнул от боли и опять опустился на землю. Он побледнел, на лбу выступил пот.

– Иди, Ахмат, на меня не смотри, сказал он упавшим голосом. – Видимо, это я за отца расплачиваюсь. Ты не бойся: я – горец, живым в руки врагу не дамся. Останешься в живых, передай салам нашим горам. Давай уходи!

– Вот слонтяй, а? Только из-за того, что оступился! Тоже мне, комсомолец! Павку Корчагина хотя бы вспомнил!

– Я не комсомолец. Кто это, интересно, стал бы пускать сына врага народа в комсомол? Но – ничего! Иди! Слышишь, как близко уже перестрелка! Скоро немцы будут здесь.

– Много говоришь, парень, давай вставай! Не бойся – в комсомол вступишь. Давай быстро!

Ахмат попытался было поднять Назира, но рана на руке дала о себе знать – сильная боль заставила его оставить эту затею. К тому же Назир был рослым парнем, как пушинку его не понесешь.

– Ничего у тебя не получится, Ахмат. Если хочешь мне чем-то помочь, то дай сюда мой автомат. Больше ты ничего не сделаешь. Нога, наверное, поломана.

Да Ахмат и сам понимал свою беспомощность, но все-таки он, советский офицер, не мог вот так запросто оставить на произвол судьбы, а точнее – кинуть под ноги врагов своего же подчиненного, как-никак все еще живого. Вот если бы он оказался таким же подлецом, как его отец, тогда другое дело. Вот если бы не было с ним хотя бы знамени полка!.. Ну и что?.. Остался бы вместе с сыном Хутая? Но он разве Хутаев сын?.. Нет! Назир – очень даже нормальный, самоотверженный, честный красноармеец! И если он, зная все это, бросит его и убежит, спасая свою шкуру, какой он тогда офицер?.. Подлец, а не офицер!.. А знамя, знамя?.. Знамя – выше нас всех! Знамя – это Родина!

Ахмат так живо представил себе эту картину, что явственно видел: короткая схватка, они гибнут, подходят немцы, начинают шарить, находят знамя и, хохоча, глумятся над ним, топчут.. «Нет! Этого не должно случиться!» – говорит сам себе комбат. Заметив одного красноармейца, пробежавшего в отдалении и постоянно оглядывавшегося назад, дал очередь в воздух. Солдат резко остановился, но, увидев своего, вновь пустился наутек.

– Стой! – крикнул Мисиров. Выдернул знамя из-под гимнастерки. – Стой! Возьми знамя!

Увидев знамя, солдат вновь остановился, но, оглядевшись вокруг и заметив, что поблизости, кроме Ахмата, никого нет, шарахнулся в сторону.

Ахмат машинально поднял автомат, но стрелять в своего же солдата не решился. Так и остался стоять с автоматом в опущенных руках. Вновь спрятав знамя под гимнастерку, он повернулся к Назиру.

– А ну, встань сейчас же! Уже взрослый мужчина, а расхныкался, как ребенок, только из-за того, что оступился! Что теперь – сидеть нам здесь, что ли? – в сердцах крикнул Мисиров.

– Ахмат! Оставь пустые разговоры. Еще пять-шесть минут и не будет ни тебя, ни меня, ни знамени. Не лучше ли и тебе остаться в живых, и знамя спасти? Это ведь так понятно и разумно! А я останусь на милость Аллаха. Не теряй времени – дай сюда мой автомат и скорее уходи!

Он был прав, совершенно прав, этот парень. И кто бы мог подумать, что дело обернется так? Надо было уходить, надо было спасти знамя. Но удивительно – Ахмат не может сдвинуться с места. Разум ясно говорит «уходи!», но сердце не слушается. Ахмат очередью из автомата срезал довольно толстый сук дерева, сломал тонкую ненужную часть, сунул палку в руки Назиру.

– Много не болтай! Вставай сейчас же! – и почти силой поднял его, а сам прихватил оба автомата.

Назир, опираясь на палку, совсем не касаясь больной ногой земли, ковильнул раза два и остановился – он был бледен, пот градом катился с него.

– Оставь, Ахмат, – зря стараешься. Не трать попусту время, – сказал он.

– Много не болтай! Держись за шею! – Ахмат повернулся и подставил спину.

Еле-еле выбрались из ложбины и присели отдохнуть возле поваленного дерева. Но долго здесь отлеживаться, конечно, было нельзя.

– Давай, пошли! – Ахмат встал, но парень не пошевелился.

– Вставай, говорю! – крикнул Ахмат, подставляя спину.

– Посмотри туда, – спокойно сказал Назир, кивнув головой на запад.

Ахмат обернулся – там, на той стороне ложбины, среди деревьев и увидел немцев. Они шли не очень-то спеша, рассыпавшись по всему лесу, зорко поглядывая по сторонам и прислушиваясь. Назир более удобно устроился за деревом.

– Дай сюда автомат! – сказал он.

Ахмат подал ему автомат и вновь ясно осознал: или ему следует остаться вместе с Назиром и провести свой последний бой с фашистами, или немедленно уйти и спасти знамя, если сможет. Других возможностей не было.

– Прошу Аллахом! Коль останешься в живых – Расскажи обо мне дома, в горах! – сказал Назир.

– Да поможет тебе Аллах, Назир! Будь молодцом! Ты прав – надо попытаться спасти знамя. А если останусь в живых – все расскажу. Аллах всемогущ, возможно, и сам расскажешь...

Ахмат не стал более сдерживаться: он обнял его, как брата родного, и, что-то еще пробормотав на прощание, побежал в глубь леса, пригибаясь.

Он не помнил, сколько времени бежал, далеко ли ушел, когда явственно услышал, как там, где остался Назир, раздались автоматные очереди...

***

Всем окруженцам было приказано построиться. Как обычно – по полкам.

Не было видно ни Половцева, ни Аланидзе. Мисиров построил полк. Их было всего двести пять, этих ребят, вырвавшихся из ада. Они не составляли и батальона, не то что полка. А из офицеров, кроме Ахмата, осталось только двое.

– Командиры частей, сохранивших знамена, отдать рапорт! – приказал полковник, ответственный за эту группу окруженцев.

Ахмат и его однополчане стояли на правом фланге строя, и первым отдавать рапорт следовало ему. Он четким шагом подошел к полковнику и отдал рапорт:

– Товарищ полковник! Полк по вашему приказанию построен! В составе полка двести три солдата и два офицера, За командира полка – командир третьего батальона капитан Мисиров!

– Поздравляю вас, товарищ капитан, и ваших товарищей с воссоединением с частями доблестной Красной Армии! За сохранение полкового знамени – символа нашей великой Родины – от имени командования объявляю вам благодарность!

– Служу Советскому Союзу!

– Спасибо, капитан! – и полковник при всех обнял Мисирова и крепко пожал ему руку. – А сейчас выведи свой полк сюда и построь отдельно. Недельки две отдохнете, получите пополнение, оружие, боеприпасы – и вновь на фронт. Ясно, товарищ капитан?

– Так точно, товарищ полковник!

– Исполняйте приказ!

– Есть!

Он не знал, что ждет его впереди, останется ли в живых или нет к концу войны. Единственное, что он знал, во что твердо верил, – это то, что и он сам, и все его товарищи: и те, что полегли на полях сражений, и те, что остались в живых, – честно выполнили свой сыновний долг перед Родиной.

*Нальчик,
1984, январь-май*

Перевод с балкарского автора

К 70-летию Алексея Кушхаунова

Родился 12 апреля 1942 года в сел. Урожайное Терского р-на КБР, – кабардинский писатель. В 1958 г. переехал в г. Нальчик, учился в строительном училище, работал каменщиком на стройках города. В 1961 г. поступил в КБГУ на историко-филологический факультет, на отделение русского языка и литературы. В 1966–1968 гг. работал литсотрудником республиканской газеты «Советская молодежь»; затем – в Кабардино-Балкарском обкоме ВЛКСМ, старшим редактором на Кабардино-Балкарской студии телевидения. В 1972–1976 гг. был редактором газеты «Советская молодежь». В 1976–1978 гг. учился в Академии общественных наук ЦК КПСС. С 1978-го по 1982 г. – инструктор, зам. зав. отделом Кабардино-Балкарского обкома КПСС, в 1982–1987 гг. работал в Кабардино-Балкарской студии телевидения. С 1987-го до 1996 г. – директор Кабардино-Балкарского отделения Литературного фонда РФ. С 1996 г. – руководитель исполкома Кабардино-Балкарской региональной организации Всероссийского общественно-политического движения «Наш дом – Россия». Член Союза писателей СССР и Союза журналистов СССР.

По сценариям Кушхаунова сняты документальные фильмы «Старики» и «Вкус чурека». Он автор очерков, эссе, критических статей, портретов современников, которые опубликованы в периодических изданиях Москвы и Нальчика. В соавторстве с композиторами Б. Барагуновым и З. Жириковым им написано несколько песен.

Алексей Шагирович пишет на русском языке. Первое, наиболее значительное произведение – повесть «Год до весны» (1974); затем появилась повесть «Наводнение» (1979), сборники повестей и рассказов «Звездочет» (1981), «Всадник на белом коне» (1982) и др. В конце 1990 г. в Москве большим тиражом и солидным объемом вышел сборник «Дождь и солнце», включивший в себя две повести и 13 рассказов. Этот сборник позволяет говорить о вкладе Кушхаунова в литературу и о том, какую дальнейшую литературную судьбу можно ему пророчить.

Рассказы из разных сборников писателя не равноценны, но все отмечены печатью своеобразия, особого авторского мировосприятия.

Для его повестей характерна сюжетная линия – начало биографии, выход на жизненную дорогу из родного дома, аула, встреча с первыми отрезвляющими и приземляющими мечты житейскими испытаниями, выбор пути.

В произведениях Алексея Кушхаунова – свой круг проблем, излюбленные приемы художественного исследования обычных в своей повседневности людей с их необычными устремлениями и идеалами.

Алексей КУШХАУНОВ

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАНО

Записки праздных лет

Как генерал оконфузился

Эту историю мне рассказал адыгейский писатель Юсуф Тлюстен.

В годы Великой Отечественной войны ему пришлось воевать в составе одной армии с Алимом Кешоковым и Кайсыном Кулиевым. Сначала все трое были политработниками, но затем, с «подачи» кадровика, обнаружившего наличие у них писательских билетов, их направили в дивизионные газеты. Не имея опыта журналистской работы, они было попытались отказаться: мол, слабо знаем русский, пишем на родных языках... Но куда там! И слушать не стали! Ничего страшного, нужда научит, не боги горшки обжигают. И сурово напомнили, что приказы не обсуждаются...

И действительно, нужда, а точнее война, быстро обучила новой профессии. Как газетчики они оказывались в самых горячих точках, шли в атаку рядом с бойцами, делили с ними тяготы окопной жизни. Зачастую под огнем фашистов писали репортажи и корреспонденции.

Однажды Кешоков и Тлюстен встретились в одном из полков на участке, где ожидалось наступление. А там как раз зенитчики вражеский разведывательный самолет подбили. Три немца, выбросившиеся на парашютах, были убиты в перестрелке. Словом, обычное дело, подобное каждый день случалось. В своих заметках оба газетчика вскользь упомянули о сбитом самолете и уничтоженном экипаже.

А в те дни Алима как раз представили к очередному воинскому званию. И надо же, на глаза командующему армией попадает эта самая заметка. И он накладывает на представлении размашистую резолюцию такого примерно содержания: пусть, мол, товарищ Кешоков получше изучит технику противника, нельзя его в звании повышать, если он не знает, что у немцев нет разведсамолета с экипажем из трех человек.

Узнав о резолюции, фронтовые остряки потешались над Кешоковым, друзья сочувствовали. А он ходил сам не свой. И не в звании, как вы понимаете, было дело. У него, можно сказать, целый полк свидетелей, что три человека было в экипаже. Но попробуй докажи командующему!

На его счастье вскоре библиотечка редакции пополнилась свежими изданиями. И среди них оказалась брошюра с описанием нового разведывательного самолета итальянского производства с экипажем из **трех человек**. Кешоков обрадовался и – прямоком к генералу с этой брошюрой. Генерал, естественно, был сконфужен.

– Извини, майор Кешоков, – говорит, – промашку я дал. Забыл, что вы, газетчики, ближе к войне, чем генералы, и больше нашего знаете.

Остается добавить, что Алим Кешоков шел на прием к генералу в звании капитана...

Кушание в шампанском

В те благословенные времена писателям платили хорошо. Это обстоятельство, плюс почти дармовые путевки, позволяли им, как минимум раз в году, отдохнуть от трудов праведных в домах творчества Литфонда. Один из таких домов в подмосковном поселке Переделкино пользовался популярностью среди провинциальных писателей. Здесь литераторы совмещали отдых с беготней по московским журналам и издательствам. Это было удобно и выгодно, как и хранить деньги в сберегательной кассе.

Переделкинский дом творчества предоставлял писателям тесные комнатки в коттеджах или в главном корпусе. Из бытовых удобств – индивидуальный умывальник в каждой комнате, а все остальное – общего пользования. Однако была и перспектива. Строился новый корпус, в котором предполагались просторные комнаты гостиничного типа, оснащенные по последнему слову сантехники, вплоть до ванны. Но, увы, как водится, стройка шла ни шатко, ни валко.

И вот однажды в баре, после приема внушительной дозы горячительного, возник спор между известным дагестанским Прозаиком и не менее известной московской Поэтессой. Она, ссылаясь на осведомленные источники, утверждала, что новый корпус сдадут весной следующего года. Он же скептически переносил срок сдачи на очередную пятилетку. Мне выпала историческая миссия быть свидетелем при заключении пари. Условия были таковы: выигрывает Прозаик – она устраивает для друзей дагестанца мальчишник в ЦДЛ (Центральный Дом Литераторов в Москве); окажется права Поэтесса – он предоставит ей возможность искупаться в ванне нового корпуса, налив в нее шампанского вместо воды.

Я разнял руки спорщиков и позабыл о пари до тех пор, пока не получил на следующее лето путевку в новый корпус. Приезжаю, а меня там встречает Прозаик и со вздохом протягивает бумажку с телефоном Поэтессы.

– Звони, настал час расплаты.

Поэтесса, судя по ее голосу, не очень обрадовалась, но сказала, что постарается освободиться пораньше и приехать. На всякий случай попросила перезвонить в пять часов.

К пяти мы с Прозаиком закупили пару ящиков шампанского и соответствующую закуску. По долгу младшего я спустился к телефону, чтобы перезвонить Поэтессе.

К сведению читающей публики надо сказать, что в новом корпусе есть только один телефон в застекленной кабине. К нему и выстраивается очередь жаждущих позвонить. Но на этот раз очереди не было, потому что кабину занимал влиятельный московский Критик, остролов и лю-

битель выпить на дармовщину, который знаменит еще и тем, что может сидеть часами на телефоне. Оторвать его от аппарата невозможно, пока он не наговорится. Когда он располагался в кабине, писательский народ разбрехался кто куда, чтобы понапрасну не терять время.

Объяснив Прозаику безнадежность ситуации, я отпросился у него в столицу в Дом кино, где проходил творческий вечер знакомого режиссера. Мой дагестанский приятель не стал меня удерживать, из чего я сделал заключение, что ему не очень нужен свидетель, когда Поэтесса будет купаться в шампанском.

Вернулся я в Переделкино поздно, во втором часу ночи. Дверь в комнату Прозаика была приоткрыта. Из ванной доносились мужские голоса. Заглянув туда, я обнаружил следующую картину: двое мужчин прямо в одежде сидели по пояс в шампанском и держали в руках по фужеру искристого напитка. Прозаик, едва ворочая языком, произносил тост во славу литературной критики. Поощрительно кивая ему, Критик то и дело прикладывался к фужеру. Оба были настолько поглощены своим занятием, что не заметили меня. Я повернулся и ушел к себе, от греха подальше. Утром, когда я пришел к Прозаику, он лежал с повязкой на голове и молча страдал. Я так и не смог выудить из него ничего вразумительного о том, что случилось накануне в мое отсутствие.

Ясность внес Критик, которого я встретил на лестничной площадке, – он шел к Прозаику «лечить голову». Оказалось, вчера сама Поэтесса дозвонилась-таки и рассказала Критику о пари.

– Почему же она не приехала? – спросил я.

– Ха-ха! – засмеялся Критик. – Я сказал ей, что ее купание в шампанском переносится на следующий год. Рано ей купаться в шампанском, талантом не вышла... У тебя головка не бобо?

...Прошло столько лет, а московская Поэтесса до сих пор не разговаривает с дагестанским Прозаиком. Их знакомые гадают, какая кошка пробежала между ними.

Партию не обманешь!

Известно, что на подходе к пенсионному рубежу население делится на две категории: тех, кто не хочет уходить на заслуженный отдых, и тех, кто с нетерпением ждет знаменательной даты. К первой относится вся чиновничья рать, не желающая покидать уютных кресел и лишаться недоступных простым смертным привилегий. Ко второй – весь остальной работающий люд.

В застойные времена одному очень высокопоставленному чиновнику исполнилось шестьдесят. С приличествующей его рангу pompой и с набором ценных подарков отметили юбилей, но не забыли намекнуть, что можно подавать заявление об уходе на пенсию. Юбиляр, конечно же, сделал вид, что не понял намек. Тогда ему сказали открытым текстом. Он обещал подумать.

Думал, думал и придумал хитрый ход.

Является он к самому высокопоставленному партийному товарищу и говорит:

– В юности мне очень не терпелось стать комсомольцем, быть в первых рядах борцов за коммунизм. Но меня могли не принять, потому что возрастом не вышел. Ну я и прибавил себе пару лет. Так что, получается, мне только пятьдесят восемь. Могу еще два года поработать, сил и здоровья хватит.

Выслушал его партийный товарищ, сдвинул очки на лоб (у него была такая привычка – сдвигать очки на лоб, когда его пытались ввести в заблуждение) и произнес фразу, которая потом разошлась по всему Северному Кавказу.

– Ты, конечно, ловко обманул комсомол, – сказал он. – Но партию обмануть мы тебе не дадим.

Говорят, сраженный наповал юбиляр в тот же день принялся оформлять документы на пенсию.

Жить как классик

Выдающийся поэт, автор знаменитой «Гренады» Михаил Светлов, рассказывают, не отличался особым воздержанием в отношении спиртных напитков. Друзья и знакомые старались оградить его от застолий, но когда ему удавалось ускользнуть из-под их опеки, хороший загул был обеспечен. И длился он ровно столько, насколько хватало денег у поэта. По причине его щедрости деньги часто кончались раньше, чем он успевал набрать «норму».

В один из таких вечеров в Центральном Доме Литераторов ему повстречался чиновник из Литфонда, который занимался в числе прочих и таким деликатным делом, как организация похорон усопших литераторов. Светлов притянул его к себе за лацканы и, немного заикаясь, спросил:

– А правда, Сережа, что ты хоронишь нашего брата по разрядам?

– Сушая правда, – ответил тот. – Есть высший разряд, первый, второй... Ну и так далее. В зависимости от заслуг.

– А изволь-ка сказать, по какому разряду ты меня собираешься хоронить?

– Какие сомнения, Михаил Аркадьевич! – воскликнул чиновник. – Конечно, по высшему, Вы же классик!

– Спасибо, любезный. У меня к тебе просьба.

– Слушаю, Михаил Аркадьевич.

– Похорони меня по третьему разряду, а разницу выдай сейчас наличными. Понимаешь, недопой хуже перепоя...

Чиновник все понял. Заказал столик в ресторане и угостил Светлова по-царски... Покидая ресторан под руку с благодетелем, поэт весело говорил:

– Спасибо, Сережа! Сегодняшний вечер стоит того, чтобы быть похороненным, как простой смертный. Главное – жить как классик!..

Месть снежного человека

Одна пожилая экстравагантная дама каждое лето приезжала в Нальчик. Она представлялась членом Географического общества СССР, ряда международных организаций, со всеми говорила свысока, сыпала мудреными словечками. В общем, вызывала к себе активную антипатию. К тому же утверждала, что она предпочитает контакты со снежным человеком – алмасты – общению с обычными людьми.

В поисках алмасты она и колесила по ущельям Кабардино-Балкарии на красном автомобильчике, лазала по скалам с фотоаппаратом и биноклем. Вроде бы снежных людей она видела часто, но вдалеке, а на их следы натыкалась на каждом шагу. Правда, при этом изображения на фотоснимках получались неясными, расплывчатыми. Однако оптимизма не теряла: когда-нибудь она введет алмасты в лоно цивилизации.

В Нальчике эта дама снимала лучший номер в лучшей гостинице. А красный автомобильчик ставила под окнами с разрешения администрации. И вот однажды, собираясь в очередную поездку в горы, она обнаружила свое транспортное средство стоящим на... кирпичах. Все четыре колеса отсутствовали, а на ветровом стекле под «дворником» торчала записка: «С приветом – алмасты».

– Неблагодарные! – воскликнула дама, искренне поверившая, что записка от снежного человека. – Дикие, невежественные люди! Я уезжаю от вас навсегда...

Свою угрозу дама осуществила – с тех пор она в Нальчике не появлялась.

Швой парень

Для начала, наверное, надо обозначить круг действующих лиц этой истории. С одной стороны, нас было четверо – редакторы молодежных газет северокавказских республик. Начну по старшинству. Дагестан представлял Иззет Алиев – лакец, Чечено-Ингушетию – чеченец Юша Айдаев, Северную Осетию – Булат Фидаров, и автор этих строк – Кабардино-Балкарию. Наш родной ЦК комсомола собрал нас со всей страны на курсы «повышения квалификации». Курсы были организованы на базе Высшей комсомольской школы с проживанием там же, в общежитии, почти на окраине столицы, рядом со станцией метро «Ждановская» (ныне «Выхино»).

С другой стороны участвовал лейтенант московской милиции Володя, если мне не изменяет память, по фамилии Мирошников. С ним нас и свел случай... Впрочем, все по порядку.

Первую неделю мы стойко переносили все невзгоды общежитского бытия и целеустремленно грызли «гранит науки». Но на десятый или одиннадцатый день вдруг почувствовали, что нужна разрядка, иначе быть беде. В особенности доконало нас столовское пресное питание по принципу «Ши да каша – пища наша!». Захотелось чего-нибудь остренького, с перчиком, лучком и прочими атрибутами кавказской кухни. Кто-то кстати

вспомнил, что недалеко от ЦК комсомола, в проезде Серова, есть подвальныйчик с родным нашему слуху названием «Сакля» и с очень недурной кухней. Одно только плохо – там не подают горячительного. Можно, конечно, взять свое, но там это не поощряется.

Решили все же рискнуть, командировали Булата, как младшего, в универсам за емкостями и двинулись к метро. А через двадцать минут уже выходили из подземки в центре Москвы, на станции «Площадь Ногина» (ныне «Китай-город»). Осталось пересечь проезд Серова и подняться метров на сто вверх. На переходе нас и застал свисток милиционера.

– Граждане, с вас штраф! – жестко проговорил лейтенант, лихо козыряя.

– За что?! – удивленно вскинул мохнатые брови Юша. – Мы вроде общественный порядок не нарушали. Какой еще штраф?

– По рублю с носа, – уточнил милиционер. – За переход улицы в непопозоженном месте.

Тут вперед выступил Иззет.

– Слушай, лейтенант, мы же с Кавказа, дикие горцы. Откуда нам знать, где можно переходить улицу, где нельзя?..

– Ах, вы с Кавказа? – удовлетворенно хмыкнул лейтенант. – Тогда с вас по три рубля!

– Это почему же, интересно знать? – Меня возмутила эта явная несправедливость. Попахивало дискриминацией: с москвичей, значит, по рублю, а с кавказцев – по три.

– А потому, – не моргнул глазом милиционер, – что у каждого из вас в горах по неучтенной отаре овец. Доход имеете, делиться надо.

Наступила долгая пауза. Мы застыли, как действующие лица в финале гоголевского «Ревизора». Первым нашелся Булат.

– Ты, я вижу, Ша Пе, лейтенант. Откушай с нами. – Он показал сначала на портфель, потом в сторону «Сакли». – Когда сменяешься?

Милиционер посмотрел на часы.

– Да дежурство уже закончилось. Сменщик запаздывает почему-то. А что такое Ша Пе?

– Узнаешь за столом! – отрезал Булат.

В подвальныйчик мы спустились впятером. Лейтенанта здесь знали, и мы вольготно расположились под строгой табличкой «Приносить с собой и распивать спиртное запрещается!».

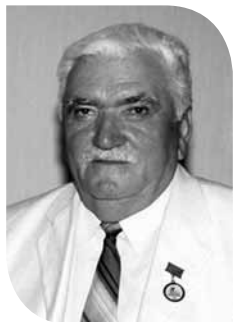
...Был поздний вечер, когда мы поймали такси для лейтенанта Володи. Он долго усаживался в машину и все теребил таксиста:

– Командир, а ты, на спор, не знаешь, что такое Ша Пе! Вот смотри, – он тыкал в каждого из нас пальцем. – Вот этот Ша Пе. И этот. И этот... Все кавказцы – Ша Пе!.. И я теперь Ша Пе! А ты Ша Пе?

– Я не знаю, что это означает, – разводил руками таксист.

– Эх ты, темнота. Ша Пе – это швой парень. С осетинским акцентом. Понимаешь теперь? По-русски – свой парень! Ну, поехали!

Возвращаясь к станции метро, мы опять перешли улицу в непопозоженном месте, но на этот раз вблизи не оказалось бдительного милиционера. Наверное, наш Володя был бдительнее всех.

Саладин ЖИЛТЕЖЕВ

ИСПЫТАНИЕ МУЖЕСТВОМ

Глава из повести

Долго думали партизаны о том, как быть с Адальби. Сегодня в лагере не было ни самого Адальби, ни Темболат. Они отправились на встречу со стариками, которые должны были приехать в лес «за дровами». Так они время от времени встречались со многими стариками, приходившими по той же причине из разных селений. Старики приносили последние сведения об оккупантах, их передвижении...

Как только Темболат и Адальбий вернулись в лагерь, им тут же передали весть, принесенную мальчиками. Те присели и долго скорбно молчали. Казалось, Темболат ждет, что скажет на это сам Адальбий, а тот, в свою очередь, ждал указаний Темболата.

– Хорошо, я пойду в селение, – выпалил Адальбий, поднимаясь.

– Это как же? – спросил Темболат.

– Пойду и встречу с Закиреем... Мне он, конечно, совершенно не нужен, но пойду ради Лиуана и Хаутя.

– Это рискованно, – не согласился Темболат.

– Нет, мне кажется, тут ничего страшного нет. Я знаю, о чем он будет меня спрашивать. Мне есть, что ответить Закирею, я перед ним абсолютно ни в чем не виноват.

Когда Адальбий так уверенно решился на этот шаг, Темболат тоже согласился с ним. Когда стемнело, его отпустили в дорогу, дав в сопровождение Мажида и Курта. Курта только потому, что он знает немецкий язык. Решили, что он может там услышать и принести какие-нибудь ценные сведения. А Мажида лучше отпустить с Куртом, решили партизаны, потому как они все-таки долго были вместе и знают хорошо друг друга. Кроме того, партизаны договорились, что заночуют они у тетки Мажида. В общем-то именно поэтому, главным образом, партизаны поручили сопровождать Адальбия Мажида и Курту.

Мажид провел их в село тайной дорогой, которую хорошо знал Лиуан. Они подошли к дому, где решено заночевать, еще до полуночи. Но в доме все уже спали. Они тихо постучали в окно, и Хажмурат вскочил, как ошпаренный, и быстро подошел к окну.

– Кто там?

– Это мы, – тихо ответил Мажид.

Хажмурат быстро открыл дверь и впустил их в дом.

Старик узнал и Курта. Он видел его несколько раз, когда приходил в лагерь к партизанам. Хажмурат время от времени ходил тайком к партизанам и передавал новые сведения о немцах, о количестве танков и другого

вооружения. Хажмурат уже знал, по какому поводу прибыли в селение партизаны, поэтому не стал расспрашивать; велел быстро постелить им и уложил их отдыхать...

Утром Адальбий и его спутники встали рано и вышли на улицу... Как и вчера, немцы приказали и сегодня согнать всех сельчан в одном месте. К этому месту направились вместе с Хажмуратом Курт, Мажид и Адальбий. Но ни по внешнему их виду, ни по их походке нельзя было их не принять только за знакомых Хажмурату стариков. Они шагали рядом с ним в неестественно длинных ветхих черкесках, согбенные, с трудом передвигая ноги и опираясь на сучковатые палки. Лица их хорошо скрывали густые и седые окладистые бороды.

Перед самым началом войны сын Хажмурата принес эти бороды и еще какие-то вещи из театра, видимо, они ему были нужны, потому что он руководил драмкружком в сельском клубе. Уходя на фронт, он просил мать сберечь эти вещи. А когда Адальбий с друзьями решили пойти на сход сельчан да боялись себя обнаружить, старая женщина достала эти бороды, одежду стариков и отдала им. Те примерили все это, приклеили бороды, загримировались и рискнули пойти. Так они и пошли.

Со всех сторон собирались люди в тревоге и неизвестности, носились, суетились. Совсем рядом с собравшимися людьми на одноконке стоял коренастый старичок и, вертясь, как юла, перекидывал с места на место какие-то ящики и сапетки; вокруг него стояли женщины да беспомощные старики и сердито ворчали:

– Клянусь Аллахом, хоть выгони меня из села, я не могу найти даже десятка яиц.

– Какие еще яйца, а? Этого нам еще не хватало... Откуда яйцам-то встаться, если кур нету?

– Что, для их желудков яйца лучше, да? – говорили наперебой женщины.

– Слушай, милоч, немцы ведь тоже люди, наверное, если объяснишь, то и они поймут. Ты же ведь сам из этого села, стало быть, обязан заботиться о сельчанах, об их судьбе. Конечно, сейчас тяжелое время, но ведь не вечно же все это, когда-нибудь это время кончится. Ты подумай о том, с кем останешься потом, что тебя ждет. Объясни им, скажи немцам, что нет у людей ничего...

– Да, да, валаги, сельчан должны защищать такие, как ты.

– Не век же они будут властвовать над нами.

– Почему же не думаешь о своем будущем? – поучали его старики.

– Клянусь Кораном, они не позволяют, нет. Неужели это вам не ясно? Если нет яиц, принесите мясо. Мне приказано, и я обязан выполнить этот приказ... Что бы делали вы на моем месте? Нет, мои дорогие, не так это просто – с ними работать. Не будешь исполнять их волю, валаги, они иначе будут к тебе относиться, – упорствовал коренастый старичок, продолжая перекидывать с места на место ящики и сапетки да вертясь юлой в арбе.

Собравшиеся все же пытались убедить его, но тот был упрям.

– Давайте, давайте, несите... – продолжал гнуть свое старичок. – Чего вы ждете? Упирайтесь, не упирайтесь, а тащить сюда продукты все равно

придется... Так лучше же это делать без лишних слов... Все решает воля немцев, их приказ. Они сейчас господя! Это понимать надо... Клянусь Кораном, не позволят они нам самовольничать... Так что давайте, несите... Нет такой семьи, где не имелось бы запасов... Не надо жадничать, вытаскивайте свои сбережения... Ведь это же не лучше вашей жизни?!

Когда к ним стали подходить Мажид со спутниками, собравшиеся расступились. Мажид сразу же узнал Гужа. Много лет назад ему дали это прозвище из-за того, что он обычно сновал всюду, совал свой нос во все дела, оказывался неожиданно везде. Правда, Харун называл его еще Трепачом, потому что никто не помнил, чтобы он когда-нибудь говорил правду. Вот и сегодня, хотя и подгонял односельчан, не давал им дышать и требовал дани, он все равно обманывал и тех, кому служил. Это хорошо знали в селении...

Мажид приветствовал собравшихся сельчан, взглянул на старичка, подумал: «Что, и он заделался господином?..»

Люди узнали Хажмурата и в один голос стали просить его:

– Добро пожаловать к нам, говорят, утренний гость приносит добро.

– Да посетит добро ваши дома. Но мне нужен был Закирей, не знаете, где можно его найти? – спросил он.

– Закирей с теми, кто собирает масло, – торопливо ответил Гуж, приподнимаясь в арбе и указывая рукой в сторону.

– Спасибо, мы пришли за ним, – поблагодарил их Хажмурат. И прошел мимо с другими «старичками».

Возле брода, где когда-то Закирей сбежал из колонны арестантов, собралось много народу.

Группа Мажида, внимательно следя за передвижениями немцев по селу, переходя одну улицу за другой, приближалась к месту, где стоял Закирей. У старого брода толпилось много сельчан и немцев: люди ссорились, кричали друг на друга, спорили. Группа Мажида замедлила шаг, внимательно прислушиваясь, о чем говорят люди, не приближаясь к ним...

– Найдем, валаги, найдем. Только, пожалуйста, из-за этого не поднимайте на ноги все селение.

– Скоро найдем, скоро.

– Ты, сынок, хорошо знаешь наш кабардинский обычай, сам ты кабардинец, слава богу, должен понимать, что такое кабардинка, ее нравственность. Ну, сам подумай: кто может такое терпеть, так глумиться над собой кто позволит? Клянусь – никто не потерпит. Уж ты куда меня денешь? Да и что сделаете со мной – я уже старый человек, но скажу прямо – я ее не осуждаю. Она же кабардинка. А ты знаешь, что такое нравственность для кабардинки, как она блюдет ее. Нет, как он только посмел вознамериться изнасиловать женщину, которая мирно сидела и чистила картошку? Ну разве кабардинка это потерпит? Она ударила его, да так вышло, что смертельно, вот он и скончался. Но ведь они и сами убили немало наших людей. А зло, говорят, не прощается никогда. Только ты можешь им объяснить все, что нам надо, так объясни им обычаи нашего народа, скажи им о нашем намысе, о нем ведь знает весь мир... Ты ведь, милоч, тоже кабардинец, хотя сегодня ты, так сказать, спутался

с ними, не забывай нравы и обычаи народа своего, оставайся человеком. Говорят, земля колесом вертится, кто знает, как все обернется завтра... Так что объясни им о наших законах, обычаях... – так говорил невысокий старичок, обращаясь к Ахмаду.

– Немцы – это Европа, дед, Европа! Наши обычаи и законы им чужды и непонятны. Они их не понимают. Потом, власть принадлежит им, музыку заказывают они. Они думают, что им позволено все. Вы сами знаете, что с тех пор как я в этом селении, зла вам не делал и делать никому не позволял. Если вы недовольны мной, в обиде на меня, – то прямо и скажите, – начал петушиться Ахмад.

– Нет, парень, на тебя мы не в обиде, но дед хотел сказать: наши женщины не привыкли, чтобы каждый встречный и поперечный залезал к ним под юбку. Если они защищают свою честь, это значит, что защищают честь народа. Видит Аллах, я не осуждаю поступка нашей дочери. Нельзя, никак нельзя так с нею поступать, как они вознамерились. Наверное, ни в Ауропе и нигде поступать так нельзя... Если даже где-то это и приемлемо, для нас, кабардинцев, никак не приемлемо.

– Закирей, скажи и ты, как ты на это смотришь?

– Пословица говорит: «Ты жена тому, кто сильнее тебя». Вот так я и смотрю на это.

– Валаги, если даже меня убьют на месте, не дам растоптать моей чести, обычаев моего народа, – раздавались голоса со всех сторон, один перебивая другого, поддерживая друг друга.

Люди были разгорячены, потому не заметили, как к ним подошли Мажид и его спутники.

Прислушиваясь к разговорам, Мажид и Курт обходили собравшихся.

Ахмад и Закирей стояли рядом со стариком в длинной черкеске, который опирался на палку. Старик что-то жарко им говорил, а те стояли, в задумчивости опустив головы.

Мажид и Курт тихо, незаметно приблизились к ним.

– Девушка-кабардинка в присутствии своего старшего брата даже не взглянет на своего кавалера, не то чтобы заговорить с ним. Вы должны хорошо это понимать. Так разве можно поступать, как тот немец? Кто это стерпит?.. Знайте, сыны мои, думайте, как хотите, но я горжусь тем, что наша девушка оказалась именно такой. Если даже из-за этого погибнет все селение, все же мы дали понять, что никому не позволено поступать с нами так, как ему вздумается.

Во-вторых, я уже старый человек, говорите и поступайте со мной, как хотите, если желаете, донесите обо мне кому угодно, но я твердо знаю, что ты не человек и не достоин этого имени, если Родина не нашла тебя в минуту ее беды, если ты изменил ей. Скажу прямо, Закирей, я очень тобой недоволен, и не я один так думаю, не я один тебя осуждаю. Лучше бы я услышал весть о твоей достойной смерти, чем увидел, как ты собираешь яички для врагов Родины, для тех, кто захватил нашу землю и хочет превратить нас в рабов. Почему ты позоришь наш народ, разве это достойно? А мы? Значит, Закирей, ты изменил нам, обманул нас. Так?

– Нет, не так. Я изменил только Советской власти.

– А сейчас в селении нет никакой власти. И быть холуем, прислужником у врага, – это величайший позор. Ты подумай над моими словами: все в мире меняется, неведомо, как все обернется. Что ты будешь делать, если завтра победит та власть, которую ты ненавидишь? – сердито бросил старик и пошел прочь, давая понять, что он сказал все и что над его словами надо хорошо подумать.

– Что эти горцы-дикари болтают? – обратился к Ахмаду один из озверевших немцев, стоявших рядом.

– Говорят, что сами разыщут ее и по-своему накажут, – ответил Ахмад, подходя к нему.

– Нет уж, накажем ее мы, – свирепо крикнул немец.

– Хорошо, я так и передам им, но, знаете ли, кабардинцы больше всего в жизни не выносят насилия над собой... – как можно мягче объяснял Ахмад свирепому немцу.

– Не выносят, говоришь? Ничего, мы научим их многому, доселе неведомому им... и выносить тоже... Смотри, как получается: солдат, которого убила эта женщина, был в рядах великой армии фюрера, которая героически наступала и уничтожала русских солдат. Он был в первых рядах, когда мы брали Воронеж. И выжил. Он проявил мужество и храбрость, когда мы наступали на Кавказ. Он всегда был впереди, был храбр и мужествен... А теперь, видишь, убила его какая-то тварь, дочь того народа, которого даже в рабов превращать и то брезгуем, дочь дикарей-горцев. Не было бы так обидно, если бы он погиб на поле брани. Мы двинулись на Восток, чтобы или погибнуть, или завоевать этот проклятый Восток. А что получается? Что станет с нами, если нашего доблестного солдата будет убивать какой-то дикарь, какая-то грязная тварь?

– Это правда, но...

– А если правда, то надо понять, что мы завоевали их, мы их покорили. Значит, должны исповедовать они наши обычаи, наши нравы, нашу мораль; вся их жизнь должна быть подчинена тому, что нам нужно, что мы хотим. Запомните это все, все, все! Мы не покорим весь мир, если будем потакать чьим-то там нравам. Мы будем поступать с покоренными так, как нам захочется, не иначе.

Я вот что скажу: за кровь одного нашего солдата мы расстреляем пятерых, а потом дадим строгое распоряжение найти эту сволочь – беглянку. Не найдут ее – повесят еще пять человек. Так все время и будем уничтожать сельчан до тех пор, пока не найдут ее! – отрезал немец. В ту же минуту он выхватил пистолет и стал беспорядочно стрелять в толпу, убил старика и мальчишку. – Вот так и будем уничтожать!

В одно мгновение толпа хлынула, двинулась было к немцам, чтобы тут же разорвать их, но мудрые старики, понимавшие, что они совершенно бессильны против до зубов вооруженных солдат, остановили толпу:

– Остановитесь, дорогие односельчане! Не надо, остановитесь! Мы безоружны, и напрасно прольется наша кровь. Остановитесь! – старики то там, то тут поднимали руки, удерживая людей.

– Даю срок до завтрашнего утра, – с яростной злобой бросил немецкий офицер и ушел прочь.

– Хорошо, я это им объясню, – ответил Ахмад.

– Иначе, объясни им, уничтожим все селение, пусть учтут, – сказал офицер, не оборачиваясь.

– Хорошо, все скажу, – Ахмад повернулся к Закирею. – Вот видишь, ставит вопрос категорически – найти ее, и все.

– Какой срок? – спросил Закирей.

– До завтрашнего утра.

– Поищем, найдем... Можно живой или мертвой, да?

– Живой или мертвой? – в свою очередь обратился Ахмад к немцам.

– Только живой, – крикнул издали разгневанный офицер.

– Говорит, только живой, – перевел Ахмад Закирею волю немца.

– Понятно, – тихо проговорил Закирей.

– Расходитесь! Все – за свои дела! – все кричал офицер, покидая площадь. Следом за ним поплелись и остальные немецкие солдаты.

Сельские старики остались на месте.

Жители околотка собрали кто лестницу, кто бурку, кто просто доски и с печалью в глазах унесли трупы убитых немцами сельчан. Старики стояли на месте и вертелись, не зная, кого надо хоронить раньше, куда сейчас идти. Адальбий подошел к Закирею и тихо сказал:

– У меня, Закирей, новость для тебя есть.

– Что за новость?

– Можно прямо здесь?

– Можно. От Ахмада у меня тайн нет.

– Я – Адальбий.

– То есть – как? – изумился Закирей.

– Да, Адальбий. Делай со мной, что хочешь. Открою тебе правду: я загримировался и переоделся, чтобы немцы не узнали.

– Я еще не представляю себе, как поступлю с тобой. Мне сказали, что только тебе одному известна дальнейшая судьба моей бывшей жены.

– Это правда. Я знаю все.

– Ну, как сложилась она, ее судьба?

– Это, Закирей, длинная история и начинать ее сейчас нет смысла.

– Нет, есть смысл. В жизни все связано, все едино: и радости, и беды. Понимаешь, Адальбий, здесь будет очень трудно выяснить, кто виноват и в чем его вина, но я убедительно прошу тебя рассказать мне всю правду, всю. Сакинат уже нет в живых, это я уже слышал, но... – добавил Закирей с грустью.

– Больше всего в жизни я боялся, что мне придется когда-нибудь все это вспоминать, – проговорил тихо Адальбий.

– Мне тоже нелегко это слушать.

– Нашел я Сакинат только шесть месяцев спустя после того, как поймали тебя. Она покинула родные места, переселилась куда-то, боясь, что люди станут презирать и проклинать ее, как жену врага народа... Когда я узнал об этом, сразу же последовал за ней, – начал Адальбий, остановившись около Закирея. – Тогда она была в положении. Но я все равно знать хотел только ее, жить с нею. Но она ни за что и слышать ни о чем не хотела, пока точно не узнает всего о тебе, пока во всем не убедится. И

все же я встречался с ней. Переселилась она в Пятигорск, и я частенько приходил к ней и на работу, и домой, многие часы мы проводили вместе, говорили. Многим даже казалось, что мы с ней – муж и жена, только недоумевали: почему это мы живем врозь.

Вскоре она родила. Ей пришлось оставить работу, и, конечно, она нуждалась в помощи. Вот я и был счастлив помогать ей всем, чем могу. По этой причине мы с нею стали встречаться еще чаще. Она, конечно, была благодарна за мою помощь. А я был счастлив уже тем, что ей нужна моя поддержка.

Так прошло два года. Сакинат заболела и слегла. Да вот и не встала, так и умерла... Когда она почувствовала, что смерть не отступит от нее, она попросила меня взять к себе ее дочку, взять и сделать так, чтобы никто не знал, что она не моя дочь. Я не мог не исполнить ее последнего желания... – Адальбий сделал длинную паузу, тяжело вздохнул, потом продолжал: – Итак, я взял к себе ее девочку и по сей день ее воспитывал, растил. Да, мать назвала ее Мадиной, но я, в память о ее матери, назвал Сакинат. Растил я ее, как мог; замечательная стала девушка. И ни одна душа не узнала, что она не моя дочь. Все считают, что она моя родная. Она секретарь школьной комсомольской организации...

Закирей слушал его, печально уронив голову на грудь, затем с грустью сказал:

– Ты уж прости, что заставил тебя все это вспоминать. Я ведь не так думал... Пусть и дальше идет так, как и началось, она уже никогда не станет моей дочерью, нет.

– Хотя я ее и воспитал, все же ты ее отец. Если пожелаешь, чтобы я ей открыл все, то... – начал было Адальбий...

– Нет, нет, мы с ней уже не найдем общего языка, никогда мы уже не найдем общего языка, не пойдем друг друга, – прервал его Закирей. – Она комсомолка, даже секретарь... Стало быть... Без сомнения, она напичкана бредовыми идеями коммунизма, нашпигована их идеалами... А я, как ты понимаешь, враг всего этого, не приемлю я этого. И до самой смерти не примирюсь, буду врагом. И буду мстить, мстить, – говорил Закирей с какой-то дикой и нескрываемой злостью.

– Мы с Сакинат ни в чем не виноваты... Если желаешь, я сегодня же сведу тебя с ней, познакомлю...

– Нет, не хочу, не надо знакомить. Если нам повезет, и мы разгромим коммунистов, и если она будет жива, то я сам найду ее. Вот тогда я, как родной ее отец, распоряжусь ее судьбой, она будет поступать и мыслить так, как я этого пожелаю, а пока пусть она остается в неведении. Лучше я уйду, оставив за собой надежду, чем она станет внушать мне противные моему духу коммунистические идеи, после чего я бы просто возненавидел ее... А тебе большое спасибо за то, что открыл мне все... Когда придет время и я буду иметь власть, учту это обстоятельство, – сказал Закирей и отошел, стал глазами искать Ахмада, остановившегося в стороне.

– Что надо? – отвечал тот на его ищущий взгляд.

– Ну, всяческих тебе удач! Благодарю, что ты все мне разъяснил, – повторил Закирей, удаляясь.

- Я не все еще сказал тебе, – крикнул ему вслед Адальбий.
- Что еще осталось? – несколько зло спросил тот, останавливаясь.
- Сакинат ранена.
- Где она?
- У партизан.
- Тяжело ранена? Выживет? Сделали ли все, что нужно, чтобы спасти ее? – торопливо спрашивал Закирей, возвращаясь.
- Если бы врачи были да лекарства, выжила бы. За этим-то я и прибыл сюда: сказать тебе о ней и попросить, чтобы ты помог.
- Закирей молча и в глубокой задумчивости стоял некоторое время.
- Вот говорят, делай добро. Кому я должен делать добро? У меня в жизни была единственная дочь и ту ранили коммунисты, – бормотал себе под нос Закирей, поворачиваясь к Ахмаду.
- Нет, Закирей, ты ошибаешься, ранили ее не коммунисты, а немцы, – уточнил Адальбий.
- Но вовлекли ее в партизаны не немцы, а коммунисты.
- В партизаны она ушла добровольно, – парировал снова Адальбий.
- Тяжело ранена? – снова спросил Закирей, будто и не слышал ответа.
- Три раны. Но, правда, если бы найти скорее медикаменты, она бы выжила, – спокойно ответил Адальбий.
- Ну, а почему же не нашли все, что нужно?
- У нас нет ни медикаментов, ни врачей, раненых много, – продолжал Адальбий объяснять.
- Ахмад! – позвал Закирей стоявшего в отдалении парня.
- Слушаю, – подошел тот.
- Что будем делать? Обычно, ты во всем выручаешь в трудную минуту. Не окажись тебя со мной рядом, я бы пропал.
- Ну, а что случилось? – повторил тот свой вопрос.
- Случилось самое непредвиденное. Ради моего же родного ребенка я вынужден помочь моим врагам. Абсурд, но... Моя дочь ранена, и партизанам нужны медикаменты.
- Партизанам?!
- Да, да, партизанам. Ради моего ребенка, моей единственной родной души...
- Ну, медикаменты найти можно, они есть, – сказал Ахмад.
- Не только медикаменты, обязательно нужен и врач, – сказал Адальбий, потом повернулся к Закирею: – Хотя Сакинат я и воспитал, все-таки она – твоя дочь... Потом, ты поверь, я бы не стал рисковать и не приехал бы к вам, если бы у нас был другой выход... Девушку надо спасти, – добавил он, давая понять, что действительно другого выхода нет.
- Лекарствами мы вам поможем, а вот врача где взять?
- Кто же лекарства-то использует, коли врача не будет? Вот если бы еще врача ты нашел, тогда бы Сакинат спасли, – настойчиво повторил Адальбий, боясь, что его еще не поняли, – хоть одну перевязку ей сделать. А ведь в этом селении врачи есть.
- Партизаны знают все, – съязвил Закирей.
- А узнала об этом Сакинат. Два раза она приходила в это село.

– Ну и что же вы решили сделать с этим доктором?

– Увести его с собой, – ответил Мажд.

– Как?

– Если, конечно, вы поможете нам... Вот этот мой спутник хорошо знает немецкий язык, может прекрасно с ними объясняться, – добавил Адальбий, указывая на Курта и как бы говоря «мы тоже не лыком шиты».

– Если даже мы в этом вам и поможем, никто в мире не должен об этом узнать. Но это все под силу только Ахмаду. Вам повезло, если он согласится помочь.

– Я однажды уже сказал, что немцем никогда не стану, останусь кабардинцем... Ты, кабардинец-парень, в сто раз лучше для меня, чем все немцы в мире. Я готов помочь тебе всем, если в этом нет риска, что нас узнают, но если дело такое, что нас могут разоблачить, тогда уж извини, как говорится, своя рубашка ближе к телу, – сказал Ахмад, обращаясь к Закирею.

– Нет, не узнают нас, – уверенно заявил Закирей.

– Тогда я готов тебе помочь.

– Ну, а как эти слова претворить в дело? – спросил Адальбий.

– Все будет сделано сегодня же или к вечеру, – сразу ответил Ахмад. – С наступлением темноты приходите к Закирею.

– Договорились, – живо ответил Адальбий.

Закирей и Ахмад уехали.

Группа Адальбия тоже медленно последовала за стариками, которые шли бродом. За стариками медленно шел Хажмурат, не догоняя их: он поджидал группу Адальбия, потом пошли все вместе, и тут Мажд приказал:

– Вы тоже заходите в тот двор, куда зайдут старики.

Хажмурат не знал, удалась ли ребятам операция по добыванию лекарств и врача. Не знал, встречался ли когда-нибудь Адальбий с Закиреем. Курт тоже шел тихо, опустив голову, о чем-то задумавшись... Все они были хмурые, задумчивые.

Закирей беспрерывно думает об одном и том же: узнает он свою дочь или не узнает.

Адальбий же думает о большем: он никогда не забывал, как по пути с Зольских пастбищ домой завернул к Сакинат и как он застал у ее дома плачущих соседок, суетящихся людей, когда ее похитили неизвестные люди. Они все были какие-то перепуганные, все плакали, глядя в сторону, куда увезли Сакинат. Соседи-парни верхом погнались за похитителями, пыль, поднятая копытами их коней, медленно оседала. Люди переживали и плакали, может быть, не столько потому, что произошло похищение, сколько оттого, что не знали, кто похитил девушку, какого рода, как выглядит. Это больше всего беспокоило людей.

Все соседи, да и не только соседи, хорошо знали, что Сакинат и ее ровесник Адальбий были помолвлены их родителями. С малолетства им было известно, что они принадлежат друг другу, и любовь их росла и крепла с каждым днем. Правда, кабардинский обычай, строго соблюдаемый этикет не позволял им открыто встречаться, но они свято хранили верность друг другу, чтобы оправдать слова своих родителей.

– Надо быть внимательными с моими гостями, надо оберегать их, – сказал Хажмурат. – Без вас я ничего не смогу...

– В селении мы должны суметь спрятать троих людей, – бросил в ответ старик.

– Все вместе приходите ко мне. Немцы обошли вниманием мою кухню, пренебрегли ею, – вставил другой.

Так старики дошли до речки. Единственный столб был перекинут через речку, и старики один за другим осторожно прошли по нему. Потом снова собрались в группу и стали подниматься на горку. На вершине одиноко стояла кухня. Вокруг строений не было, только чуть в отдалении стоял приземистый домишко, под соломенной крышей, с подслеповатыми оконцами. Все это было окружено дряхлым плетнем из колючек, местами порванным и разбросанным. Весь этот вид напомнил Мажиду о том, что Тык всю жизнь был неряшлив – ни кола ни двора у него не было. В селении ходило много шуток на этот счет, поэтому сейчас все поняли, чье это обиталище.

– Мы, наверное, в дом к тебе не зайдем, – сказал старик, который говорил, что троих людей они сумеют спрятать в селении. Он оперся на суковатую палку, присаживаясь на длинную доску у ворот.

– Как хотите, – не стал настаивать Тык.

– Если кто станет интересоваться, почему здесь собралось столько людей, скажем, что обдумываем способ, как найти, как поймать ту девушку, – продолжал старик, приглашая всех присесть. Старички цепочкой уселись на длинной доске. Усадили рядом с собой Курта и Адальбия...

В сторонке лежала какая-то круглая железка. Мажид решил присесть на нее, но тут Тык подбежал к нему с испуганными глазами.

– Не садись! Не надо, ради бога! Прошу тебя, не садись туда! – Тык прямо дрожал все телом. Мажид недоуменно встал.

– Что это с тобой? Прямо перепугал парня, – с укором спросил Тыка один из стариков.

– Валаги, раз уж так, я скажу вам, в чем дело. Вы уж куда меня денете? В тот день, когда эти изверги захватили наше село, у моих ворот остановились два тяжелых тягача, вернее – грузовика. С каким-то грузом. Я не утерпел, чтобы не узнать, что это за груз, а когда узнал, одолел меня соблазн и похитил кое-что. Хотя мне они и не нужны, думаю, зато и у врага их не будет. Взял и спрятал вот здесь. Теперь я сам испытываю страх, когда подхожу к этому месту – там зарыты пять мин, – сказал Тык, остановившись перед стариками.

– Так ты посадил нас сюда, чтобы подорвать, чтобы мы в небо взлетели, – пошутил один из старцев.

– Но если сам не тронешь, они не взорвутся, – ответил Тык. – Их было шесть, я одну разобрал и посмотрел, – признался он.

– Вот доразбираешься ты так, что в клочья тебя разнесет, – сказал кто-то.

– Валаги, ты всю жизнь только тем и занимаешься, что что-то разбираешь да снова собираешь; весь ваш род такой, мастеровой, просто золотые руки, но, честно говоря, и лентяи вы изрядные, – добавил другой.

– Теперь довольно, оставьте Тыка и давайте поговорим о чем-нибудь другом, – предложил Хажмурат.

– Клянусь, это верно. В такое страшное, тревожное время неужели не о чем больше поговорить? – поддержал его старик.

Никто ничего не успел добавить, как во двор, еле переводя дух, влетел Закирей.

Старики испуганно переглянулись.

– Достопочтенные аксакалы, – обратился Закирей к старикам, вплотную подходя к ним, – если я чем-то вас обидел, сожалею и приношу извинения. Прошу поверить, что сейчас я говорю чистосердечно, искренне и от всего сердца: офицеры, которые стоят у Мисоста, поклялись, что если девушку мы не найдем до утра, то завтра они сожгут селение. Сейчас они там сидят и пьют. У кого-то из них сегодня день рождения, вот они его и отмечают. Я говорю вам правду. Да, я вот уже два месяца работаю на немцев, но не могу допустить, чтобы они сожгли мое село. Это одно. И второе, – да будет высокой ваша честь, – я получил неважную весть. Говорят, что моя дочь, моя девочка тяжело ранена и необходимо спасти ее.

– А у него разве была дочь?

– Откуда он ее взял?

– Какая дочь? – спрашивали друг друга старики.

– Дочь Адальбия. На самом деле это моя дочь, – добавил Закирей.

– Сакинат?

– Это как же?

– Ну-у-у? – послышались голоса.

– Это чудесная девушка. В селении большим уважением пользовалась. А сейчас она, по-моему, ушла к партизанам, – сказал один.

– Да, ушла было, – грустно проговорил Закирей.

– Ну, а какой есть способ? Как быть? Что мы можем поделать? – советовались старики, обращаясь друг к другу.

– Я улажу все. Ахмад поможет мне доктором и лекарствами.

– Так девушка сейчас у партизан?

– Да, – коротко ответил Закирей.

– Ну, а как же быть в таком случае?

– Поеду к ним. Вот Адальбий и его друзья мне помогут... Да, вы сами знаете, я работал на немцев. Нисколько об этом не сожалею и от присутствующих здесь этого не скрываю, – торопливо говорил Закирей. – Вы сами свидетели, что у меня для этого были свои причины. Советская власть мне ничего не оставила, кроме единственной дочери. Но и ее я в жизни не видел, не знаю. Сами видите – время жестокое. И я хочу найти свою дочь. Так помогите мне в этом и вы. Я пойду с ними. Я много раз уходил от смерти, испытаю судьбу и на этот раз... Не осуждайте меня – она в мире одна живая родная мне душа... Я не могу допустить, чтобы на моих глазах сожгли село, где родились, жили и умерли мои родители... Это тоже причина... Кто у меня есть в мире?

– Не печалься, даст Аллах – вылечится...

– Война есть война, без ранений и гибели она не обходится. Да сохранит тебе Аллах дочку, – посочувствовали ему.

– Слава богу, что ты хочешь помочь ей.

– Как же мне не помогать ей? Она единственная, что у меня осталось в целом мире, – снова и снова повторял Закирей. . . – Потом мы еще попытаемся освободить двух ребят-партизан. Я ведь их взял в заложники только затем, чтобы мне нашли Адальбия, – добавил Закирей, как бы выказывая перед всеми какую-то свою заслугу.

Старики некоторое время молчали.

– Интересно, за нашу девушку так упрямо взялись только те офицеры, что у Мисоста, или же еще кто? – поинтересовался Тык.

– Только они, – коротко ответил Закирей.

– Тогда, клянусь Аллахом, я обещаю, что они у меня взлетят все в небо! Видишь, вон там что лежит? – показал он на мины.

– Это хорошо, если бы у нас был человек, который мог бы это заложить, – проговорил один из стариков.

– Валаги, я так их заложу, как никто и никогда в мире не закладывал, – совсем разошелся Тык.

– Но мы найдем и другого, кто это может, – добавил Адальбий, многозначительно посмотрев в сторону Мажида.

Мажид тоже понял намек Адальбия и одобрительно кивнул.

– Тогда вот что мы сделаем, – начал серьезно один старик. – Если вот так будем сидеть, то дело у нас никуда не продвинется. Давайте отправимся к тем, кто затеял это дело, зайдем, будто хотим с ними посоветоваться, и отвлечем их. А за это время пусть Тык и другие сделают все, что они могут. Чем погибнуть с опущенными руками, уж лучше пасть в борьбе с врагом.

– Это правда. Давайте с наступлением темноты за дело и возьмемся, – согласились с ним и другие.

– А зачем «будто советоваться»? Разве нельзя пойти к ним с каким-нибудь подарком, раз уж они день рождения справляют? – добавил кто-то.

– Клянусь, это лучший вариант, – заявил другой с одобрением.

– Мы все сможем, если Закирей нас поддержит, – оживился Тык.

– Клянусь, я не обману вас, не предам, помогу всем, чем смогу!

– Как только наступит вечер, вы возьмите бурку в подарок юбиляру и отправляйтесь в гости, а за это время я весь дом вокруг обложу минами. Закирей, Адальбий и остальные ребята пусть сразу отправляются к партизанам. Я заложу мины, и, когда бы немцы ни вышли из дома, они наткнутся на них. Мины все будут соединены друг с другом. Таким образом, весь дом, вместе с теми, кто в нем и что в нем, – все взлетит в небо, – теоретически закончил Тык дело.

– Ты здорово нас от бед спас, – в шутку съязвил один старик.

– Если вы все сделаете так, как я говорю, мой план сработает, – решительно заявил Тык. – Обещаю, что за двадцать минут полностью справлюсь со своей задачей.

– Ну и мы постараемся подурочить немцев, станем всякие тосты произносить, поморочим им головы, – сказал кто-то.

– А я отвлеку часовых, что поставлены у дома, – пообещал Закирей.

– Так давайте не передумывать. Приказ есть приказ – будем действовать, – вступил в разговор Хажмурат.

– Ну что ж, договорились: как стемнеет, встречаемся у ворот Мисоста, а я встречусь с Ахмадом, – добавил Закирей и ушел.

– Так что, Мисоста тоже вместе с немцами отправим в преисподнюю? – пошутил Тык, подтягивая свои сплешь в заплатах галифе и потуже застегивая пояс.

– Да можно и его, слишком много он зла натворил, – одобрил один.

– Нет, лучше пусть остается, кто знает, может, он еще в чем-то нам и пригодится. Кто бы мог подумать, например, что Закирей сделает что-нибудь доброе для села?

– Мясо, чем ближе к огню, тем быстрее жарится, – подал кто-то голос. – Все это он делает из-за своей дочери, и еще потому, что хорошо понял: немцы дотла спалят селение.

– Да на кой дьявол ему эта дочь-то, она ведь комсомолка, а Закирей – заклятый враг коммунистов и комсомольцев...

– И все же она ему дочь...

– Валаги, никто не знает, его она или нет.

– Он ее не воспитывал, ни одного ласкового слова от него она не слышала, какая она ему дочь?

– Матери Сакинат я дал клятву, что никто не узнает, что она не моя дочь, – разъяснил тогда Адальбий, но никто ему не ответил.

Недолог осенний день. Стало быстро вечереть.

– Ну что ж, разойдемся, совершим вечерний намаз и потом соберемся или?.. – начал один из стариков.

– Оставь ты свой эчинды-намаз. Если мы вот этих негодяев отправим к небесам, то считай, что мы все стали святыми, – ответил кто-то ему.

– Не будем расходиться да собираться. Если сегодня не совершим эчинды-намаз, ничего не случится, Аллах простит нас, завтра сделаем два намаза и рассчитаемся с долгом, а вот нужна нам новенькая бурка, чтобы преподнести ее немцам, – добавил один из самых старых.

– А не все ли равно, новая она или старая, если и бурку, и тех, кому ее преподнесем, мы все равно пошлем в небо?..

– А если он сразу же развернет ее и посмотрит?

– Лучше новую.

– Ну да пусть пропадет моя бурка, – молвил старик.

Вскоре стемнело, и они двинулись в путь. Те, что моложе, осторожно несли у себя под черкесками мины.

Старик, что решил пожертвовать своей буркой, зашел за ней домой, и вскоре ватага двинулась дальше. Издали доносился гул немецких танков и тяжелых машин, этот гул все приближался.

– Это вернулись те, что возле Эльхотова вели бой, – сказал один.

– А отдохнувшие завтра займут их места на линии фронта, – уточнил другой.

По улицам сновали немцы, в их руках трепыхались куры, гуси, индюки.

У немецкого штаба одиноко стояла повозка Гужа, его самого не было видно.

– Наверное, привез немцам то, что для них сегодня награбил.

– Каждый день он только этим и занимается, – добавил кто-то.

В этот момент подкатил огромный тягач, из него высыпали запыленные солдаты и, не задерживаясь, сразу направились во двор штаба, рассыпались по двору. Со всех сторон слышалась лающая немецкая речь, а старики шли к дому Мисоста.

Когда подошли к воротам, Закирей уже поджидал их там.

– Где Адальбий и остальные? Вот медикаменты и бинты. Ахмад придумал какую-то причину, получил разрешение за подписью самого бургомистра и теперь ищет доктора. По-моему, вас уже ничто не должно остановить, – объяснял Закирей, поглядывая то на стариков, то на сверток, который он припрятал за столбом.

В это время из дома вышли Мисост и Ахмад, подошли к воротам и остановились.

– Мисост, мы пришли поздравить и приветствовать немцев в твоём доме, – начал один.

– Если он сегодня немного и погорячился, немец-то, мы понимаем, что он был прав, – продолжал другой.

– На самом деле, представь себя на его месте, клянусь Аллахом, все селение спалишь, – еще больше подогревал третий.

– Нет, чего и греха таить, они к нам снисходительны и терпеливы. Валаги, поделом нам, как бы они с нами ни поступали...

– Чудесные люди – прямо как кабардинцы. Вот мы и пришли поприветствовать их. А завтра с рассветом поймаем и беглянку.

– Да, мы их поздравим, они хорошие люди, – наперебой расхваливали офицеров старики.

– Это вы хорошо придумали, – ответил Мисост. – Добро пожаловать в дом. Это соответствует нашему обычаю.

– Да, мы пришли, чтобы зайти в дом.

– Дома ли твои гости?

– А прилично ли, если мы все гуртом зайдем?

Старики, переговариваясь, входили во двор. Солдаты, охранявшие дом, ничего не понимая, собрались у ворот.

– Делать доброе дело всегда прилично. Господину будет приятнее, чем больше людей придет к нему выразить свое уважение. Заходите все... – приглашал Мисост стариков.

– А я пойду в штаб, разузнаю, как обстоят дела, – сказал Ахмад.

– Нет, лучше было бы, чтоб ты господину переводил, объяснял то, что хотят эти старики ему выразить, а потом мы бы вместе и пошли в штаб, – возразил Мисост.

– Хорошо, согласен, – ответил Ахмад и вместе со стариками направился в дом. Мисост горделиво шагал в темноте, показывая дорогу старикам, и явно желал показать своему господину власть над односельчанами, которые признали новый порядок и уже идут к немцам на поклон, и все это – его заслуга.

– Закирей, доктору я сказал. Ты зайдешь к нему, он с тобой и пойдет, – объяснял Ахмад Закирею.

– Хорошо, – радостно сказал тот и ушел.

Позади стариков медленно двигались Тык, Адальбий и Мажид.

Закирей приостановился рядом с ними.

– Я буду ждать вас в кузне Тыка, – сказал вполголоса и быстро растворился в темноте.

Старики уже подошли к самому дому.

– Если люди, вернувшиеся в штаб, управились со своими делами, то позовите сюда наших друзей-офицеров, – слышалась немецкая речь, доносившаяся из дома. Ахмад сразу понял, что это приказ, и быстро передал его солдатам, охранявшим двор.

– И пусть захватят напитки, которые нравятся Гансу!

– Обязательно должно быть и шампанское! Сегодня день моего ангела, – одно за другим доносились из дверей распоряжения, а Ахмад все это тут же передавал часовым. Так он разослал в разные стороны всех часовых до одного... А тем временем старики степенно зашли в комнату, где сидели немцы...

Ахмад прошел мимо стариков, задержавшихся в коридоре, и быстро шагнул в комнату. Старики же, несшие под черкесками смертоносный груз, будто того только и ждали: юркнули за угол дома и положили груз у стены. Тык и Мажид сразу же взялись за дело.

Огромный стол в комнате Мисоста ломился от яств и напитков. За ним, нагло развалившись, сидели немецкие офицеры, которые даже не пошевелились, когда в комнату зашли старики.

Они смотрели на пришельцев, не понимая, что тем нужно.

Старики тоже стояли молча, в душе осуждая неуважение к ним. Ахмад же прошел к столу и остановился около Мисоста.

– Старые горцы, бывает, многое и путают, многого не понимают, но они мудры и чистосердечны, – полушутя-полусерьезно начал Ахмад. – Дело, которым сегодня мы занимались, они сделают.

– Скажи господину, что они пришли поздравить его, приветствовать, выразить свое уважение, – попросил Мисост Ахмада.

– Старейшины села пришли сегодня, чтобы поздравить вас, высокочтимый господин! – сказал Ахмад.

– О-о-о! Это хорошо! – улыбнулся один из офицеров.

– У кабардинцев есть обычай – подавать бокал подошедшему к столу. И еще принято вставать, когда входит старший по возрасту, – говорит Ахмад.

– Мы хотим поставить перед собой на колени весь мир, так зачем же мы будем вставать перед этими стариками-голодранцами? – нагло ухмыльнулся один из немцев.

– Я тоже выражаю надежду на то, но не стану учить вас тому, чего для достижения этой цели надо избегать и какими хитростями.

– Как бы там ни было, перед этими старыми дикарями вставать мы не будем. Пусть говорят, зачем пришли.

– Воля ваша, – согласился Ахмад и обратился к старикам: – Они раз-

решают высказать, что вы хотели. Потом, не осуждайте их, – они ведь не имеют никакого представления о наших обычаях.

– Мы хотим сказать вот что, – начал самый старший, – пусть долго будут здоровыми. Мы рады, что они пришли, что стали нашими гостями. У кабардинцев испокон веков есть обычай делать для гостей только приятное. Исполняя этот обычай, мы и пришли сюда. Мы согласны со всем, что они делают, как поступают, мы не пожалеем своих сил и влияния на людей, чтобы помочь им, чтобы наши люди слушались их. Я смотрю, они не совсем уж молоды, видимо, у них есть семьи, дети, так пусть здоровыми вернуться в свои семьи. Ваша теперь – наша радость, ваша воля для нас – закон. И, если не пренебрегаешь, прими вот эту бурку, нашу национальную форму... – старший повернулся к тому, что держал бурку. Тот быстро развернул ее и передал. Старший протянул бурку немцам. Юбиляр вскочил с места и накинул неожиданный подарок на свои плечи. Радостно улыбаясь, он некоторое время вертелся посреди комнаты.

– Вот все, что нам было нужно. Скажи им, Ахмад, пусть извинят, если мы их некстати потревожили.

Ахмад немедленно перевел.

– Хорошо! Бурка – очень хорошо, – сказал именинник, садясь за стол. – Свои владения, которые будут у меня на Кавказе, я буду объезжать на кабардинском скакуне и в этой бурке, – заявил он самоуверенно. Помолчав некоторое время, он вскочил, схватил бокал, крикнул: – За это! – залпом выпил, снова наполнил бокал, поставил на стол и сел на место. Потом насмешливо посмотрел на стариков. – Хотите выпить?

– Нет, – ответил старший.

– Тогда вы свободны, можете идти, – бросил немец, указывая на дверь.

Старики вышли из дома, не торопясь, направились к воротам. Их провожали Ахмад и Мисост.

– Ахмад! – позвал немец. – Вы оба вернитесь сюда!

Не возразив ни словом, Ахмад и Мисост тут же вернулись.

Старики вышли из ворот и медленно пошли к себе. Они шли, но в душе переживали за Тыка и Мажида, не зная, управились они со своим делом или нет...

Ахмед МИЗОВ

В землянке на краю аула...

Главы из повести

1

Ханифу разбудил грохот отодвигаемой двери. Она открыла глаза и – зажмурилась от ярких солнечных лучей, мгновенно заполнивших вагон.

– Приехали, кажется, – сказала Дадуся, поднимаясь со своей полки у стены напротив. – Знать бы – куда...

Поезд стоял в степи, на какой-то небольшой станции. Двери вагонов были открыты настежь, но наружу солдаты конвоя никого не выпускали. Стояли долго, выгрузка началась только после того, как к станции подъехала колонна грузовиков. Выгружались по порядку – с головного вагона. Наконец, очередь дошла и до них. Услышав команду «на выход», обитатели теплушки, в которой находилась Ханифа, устроили у двери давку. Измученным людям казалось, что в случае промедления они останутся запертыми в этом тесном деревянном ящике навсегда.

– Что за станция? – спросил у одного из солдат Хабаша.

– Станция Тимур, – нехотя ответил конвойный, затем все же пояснил: – южный Казахстан, граждане...

Машин было много – точно такие же крытые брезентом грузовики, на которых Ханифу и ее односельчан увозили из родного дома. И вот теперь их снова сажают в машины и куда-то везут. Через полтора часа тряской дороги колонна остановилась на окраине небольшого аула, в сотне метров от ветхих построек, похожих на заброшенные фермы. Здесь их и высадили. С переселенцами остались двое конвоиров, а рокот грузовиков замер в отдалении.

Люди, сбившись в нестройную толпу, ждали. Прошел час, другой, дорога снова запылила: на ней появился еще один грузовик, в котором, как вскоре выяснилось, приехало начальство. Из кабины вышли два офицера, тот, что помоложе, в новенькой форме, энергично замахал руками, требуя тишины. И без того едва слышный говор сменился напряженным молчанием, люди выстроились широким полукругом. Старший офицер, откинув голову назад, оглядывал толпу, а младший, оправив скрипучие ремни, начал:

– Этот человек – заместитель коменданта района! Он будет вашим начальником...

Ханифа внимательно рассматривала старшего. На вид ему было лет пятьдесят, полный, с суровым лицом и раскосыми азиатскими глазами, которые выдавали в нем коренного жителя этих мест.

Начальник кивком остановил своего помощника и уже сам обратился к переселенцам:

– Кто-нибудь владеет русским языком?

Старики, уяснив смысл вопроса, указали на Хабашу.

– Назначаешься старшим среди них, – сказал замкоменданта и, еще раз оглядев обступивших его людей, отчеканил: – Слушайте его во всем. Через него я буду доводить до вас мои приказы. Выполнять их нужно неукоснительно. У нас здесь законы суровые. Жить будете в этих домах. Пусть старший распределит жилье по своему усмотрению.

Ханифа еще раз посмотрела на эти «дома». Только два из них имели крышу. Вместо окон и дверей – черные провалы. После того как Хабаша перевел слова начальника, мужчины начали громко обсуждать услышанное, а женщины – плакать.

– О, Аллах! Как мы в таких домах переживем зиму?..

Однако замкоменданта, не обращая внимания на поднявшийся было шум, продолжил:

– Что касается еды, то придется экономить. Продукты привезут не скоро.

– Но у нас их почти не осталось... – попытался объяснить Хабаша.

– Ничего, не помрете! Еще раз повторяю: придется экономить! Продуктами в первую очередь снабжаются те, кто проливает свою кровь на фронте, а не предатели и их семьи!

Хабаша с трудом смог перевести эти слова. Поняв, о чем идет речь, женщины запричитали еще громче.

Замкоменданта повернулся к Хабаше.

– Переведи им и скажи, что это следует хорошо запомнить: теперь никто из вас не имеет права покидать это место. Тех, кто попытается отсюда уйти, мы будем судить по законам военного времени.

После этих слов заместитель коменданта и сопровождавший его офицер сели в машину и уехали. Вместе с ними в кузове грузовика уехали и двое солдат. Люди долго смотрели вслед машине. Никто не хотел верить своим ушам. Но вот грузовик окончательно растворился в степной дымке, и люди пошли осматривать полуразрушенные фермы, в которых им теперь предстояло жить.

Это были очень старые постройки. Те, что были побольше, представляли собой помещения, разделенные глиняной стенкой на две секции. Рядом находились такие же старые однокомнатные мазанки. Ханифа зашла в одну из построек и – непроизвольно зажала ладонью нос. Внутри стоял затхлый дух. В следующую секунду ее едва не стошнило – на сыром земляном полу сидели мерзкие жабы, а в полусгнивших охапках слежавшейся соломы шуршали мыши-полевки. Ханифа выбежала наружу и сделала несколько судорожных глотков воздуха. Как они будут здесь жить?! Как здесь будут спать, есть, дышать ее бедные дети? От отчаяния у нее упало сердце, на глаза навернулись слезы... «Нет, нельзя показывать детям своей слабости, – мысленно твердила она, – нельзя при них плакать. Не мы одни в таком положении, наведем порядок, заживем...»

Хабаша распределял жилье. Ханифе с ее детьми и двум другим семьям досталась комната в большой турлучной постройке. Из всей «обстановки» были только глиняные топчаны, прилепленные к углам помещения. «Наверное, когда-то это была кошара, а на топчанах спали местные чабаны», – думала Ханифа. Завязав носы и рты платками и отправив детей присматривать за привезенным с собой убогим скарбом, взрослые принялись за уборку

комнаты. Через час-другой, кое-как справившись с пылью и грязью, внесли и разложили свои нехитрые пожитки. Сразу стало уютней, однако тут же возникли новые вопросы, ответить на которые не мог никто. Как жить в доме без окон и дверей? Как починить камышовую крышу, в которой зияли огромные дыры, и, главное, чем? Вокруг только голая степь – ни леса, ни кустарника. Правда, кто-то из солдат говорил, что насчет дождей можно не беспокоиться – в этом году их, скорее всего, не будет. Но даже если и так, зима-то все равно придет. Что делать тогда?

2

Прошел месяц, другой. О спецпереселенцах, казалось, совсем забыли. Однажды их навестил председатель колхоза, расположенного неподалеку. Приехал, посмотрел на их житье-бытье и тут же уехал. Это был единственный раз, когда переселенцы видели кого-то из местных жителей. «Что же это, – думала Ханифа, – неужели они нас боятся? А может быть, им запретили общаться с нами?» С каждым днем все острее ощущалась нехватка еды. Если бы не посылки, которые отправляли с родины старики, Ханифа и ее дети давно бы протянули ноги с голоду. Другие семьи тоже держались за счет продуктов, присылаемых родственниками. Посылки доставлялись в маленький городок, что находился в семи-восьми километрах от их жилья. За ними ходил Хабаша и кто-нибудь из молодых крепких мужчин. Одному было не донести.

Помимо еды Ханифу все чаще беспокоила мысль об устройстве жилья – о необходимости починки крыши и о том, чем заделать оконные и дверной проемы. «На пороге осень, – с тревогой думала она, – не ровен час зарядят дожди. Вот и туч на небе с каждым днем все больше». И однажды Ханифу осенило! Она вдруг вспомнила, как в их дом ввалились румынские солдаты. Они велели всем убираться вон. Тогда Ханифа вырыла на окраине селения землянку, и вся семья жила в ней до тех пор, пока «мамалыжники» не убралась восвояси. Как же раньше ей не приходило это в голову! В тот же день Ханифа поделилась своей идеей с соседками, и они ее горячо поддержали. Теперь нужно было раздобыть лопату, но где ее взять. Ни у кого из переселенцев не было ни лопат, ни других металлических инструментов. Им запретили брать с собой подобные предметы. Ханифа обратилась с этой просьбой к «старшему», но Хабаша и в ус не подул. Сказал только, что понимает, как неуютно жить в доме с дырявой крышей, но лопаты у него нет и помочь ей он не может. Ясно было, что, бывая в городке на почте, просить лопату он ни у кого не станет.

– А начальство, сама знаешь, уже второй месяц носу сюда не показывает, – пропел он напоследок с наигранной озабоченностью.

Хабаше-то что? Он со своими двумя дочерьми живет в нормальном доме. Домик хотя и небольшой, но звезд через потолок в нем ночью не видно. Ханифа поняла, что помощи ждать неоткуда, и они с соседками решили вместе пойти в ближайший аул и одолжить лопату у тамошних жителей. Аул был бедный, это сразу бросалось в глаза: низенькие саманные дома, крошечные дворики. Женщины, робея, подошли к крайнему дому и позвали хозяев. Однако никто не отозвался, только тень мелькнула в низеньком оконце.

«Может, дома никого нет?» – подумала Ханифа. Потоптавшись немного на месте, двинулись дальше. В следующем дворе соседки увидели женщину, но как только подошли к плетеной ограде, та скрылась в доме. «Что же они так чураются нас?» – вслух недоумевали Ханифа и ее спутницы, продолжая идти дальше по улочке. За глиняной оградой они увидели мужчину.

– Уж мужчина-то прятаться от нас не станет, – уверенно сказала одна из женщин и бойко спросила:

– Эй, лопата есть?!

Мужчина молча оглядел их и зашел в дом, так и не удостоив ответом. Женщины постояли, надеясь, что хозяин дома вот-вот вернется с инструментом, но того и след простыл. Так они и вернулись, не солоно хлебавши. Настроение было – хуже некуда. Пришлось опять идти к Хабаше – может, придумает, как помочь?

Вслушав Ханифу, Хабаша состроил такую недовольную мину, что та не выдержала и громко, чтобы всем было слышно, сказала:

– Не надо кривиться, тебя поставили старшим, так будь любезен, позаботься о нас!

– Я не Господь Бог, – вспылил в ответ Хабаша, – и делать предметы из воздуха не умею!

На шум подошли другие соседи.

– Ты ведь знаком с председателем, – сказал ему один из стариков. – Так походи и попроси у него лопату!

Хабаша был зол как черт, но перечить не посмел. Вечером он отправился в злополучный казахский аул.

3

Получив вожделенную лопату, Ханифа принялась за дело с присущей ей энергией. В этот раз она должна была выкопать не временное убежище, в котором можно было бы пересидеть два-три месяца, а просторное подземное жилище. «Сейчас еще только утро, – думала она втыкая штык лопаты в сухую землю, – если не сегодня, то к завтрашнему вечеру закончу». Пока небо застилала тучи, работа спорилась, но вот прояснилось, и стало заметно припекать. Копать стало труднее, однако Ханифа продолжала работать.

– Мать, дай я помогу! – подошел ее двенадцатилетний Алим.

Ханифа выпрямилась, утирая пот тыльной стороной ладони.

– Ну что ж, помоги.

Присев в тень у стены дома, Ханифа смотрела на своего сынишку и думала: «Ну какая от тебя помощь, хороший ты мой? Ты ведь еще совсем ребенок! Вот передохну немного и продолжу». Однако, глядя на то, как Алим обливается потом, не усидела, забрала у сына лопату. На счастье, подул прохладный ветерок, и копать стало легче. В этот день Ханифа вырыла примерно половину землянки. Она чувствовала себя совершенно разбитой, но лечь пораньше, как хотела, ей не удалось – вечером Хабаша привез зерно и стал делить его между семьями переселенцев.

– Смотрите, экономьте! – поучал он соплеменников, взвешивая зерно невесть откуда взявшимся безменом. – Это на всю неделю!

Ханифе досталось полтора килограмма пшеницы, столько же ячменя и

кило овса. «Разве этого хватит нам на неделю!» – сокрушалась она. Многие женщины, уже получившие свою долю, обступили Хабашу и открыто высказывали свое недовольство:

– Это что они надумали? – кричали самые бойкие. – Или хотят нас голодом заморить?!

– А что мне делать? – оправдывался старшина. – Я, было, заикнулся, но они говорят, что выдали все по норме.

Тем все и закончилось. Женщины соорудили несколько очагов, а мальчишки во главе с Алимом нанесли сухой травы и хворосту и разожгли огонь. Готовили по очереди. Те, у кого были котлы, быстро сварили часть розданного зерна и, освободив посуду, передали ее остальным. Семья Ханифы тоже ела во вторую смену.

– Ах, мама, как было вкусно! – младшая дочка Антиса, насытившись, села подле матери.

– На здоровье, душа моя, – отозвалась Ханифа, приглаживая черные курчавые волосы дочурки. – Ты наелась?

– Да!

– А ты, сынок?

– И я наелся! – нарочито бодро ответил Алим, сидевший на саманном топчане.

Он, конечно, не наелся. Ханифа знала об этом и без его признаний. Да, они с Дадусей едва утолили голод, но что поделаешь? Если не экономить, то до следующей раздачи не дотянуть. Нужно думать и о завтрашнем дне. Только что они съели кашу, сваренную из горстки зерна. Хлеба не выдали вовсе. «Разве этого хватит на четверых?» – думала Ханифа. – Надо что-то делать...» Однако ничего путного в голову не шло, и она решила присоединиться к женщинам, которые что-то обсуждали, стоя у стены соседнего дома. И вовремя! Одна из женщин, которую звали Жангуляз, рассказывала подругам нечто интересное.

– В начале 30-х годов в нашем селе случился неурожай, – говорила Жангуляз. – Люди недоедали, а затем и вовсе стали умирать с голоду. Спасло нас одно растение, которое мы всегда считали сорняком, – лебеда. Кто-то подсказал, что оно вполне годится в пищу. Мы стали варить лебеду вместе с щепоткой пшеницы или кукурузной сечки. Получался неплохой хантхупс.

– Лебеда? – неуверенно произнесла одна из женщин. – В жизни не слыхала, чтобы эту траву ели.

– Клянусь Аллахом, если бы не эта трава, я бы сейчас не стояла перед вами! – с чувством ответила ей Жангуляз.

– А здесь она растет? – живо спросила Ханифа.

– Растет. Как-то послала дочку за сухой травой для тюфяка, так она говорит, что видела. Да что хантхупс! Из нее и чуреки хорошие получаются. Нужно только правильно приготовить.

– Как же из травы чуреки сделать?

– В этом нет ничего сложного, – сказала Жангуляз. – Сначала обрываете все листья, затем бросаешь стебли в воду и кипяتيش. После этого нужно отжать воду, а стебли хорошенько размять. Получается что-то вроде теста. Из этого-то теста делаешь лепешки и, если нет сковородки, печешь в золе – вот тебе и чурек.

Обрадованная таким открытием, Ханифа вернулась к детям и легла спать. Проснулась она от шума ветра. С потолка сыпался сухой камыш и какие-то деревянные обломки, в доме вдруг стало необычно холодно. Ханифа разбудила детей и попросила соседку приютить их хотя бы на одну ночь. Сама же вернулась и улеглась рядом с Дадусей, положив под голову охапку соломы. Накопившаяся за день усталость сделала свое дело – через минуту Ханифа сладко спала, прижавшись к подруге.

Мало кто остался безразличным к рассказу Жангуляз. Чуть только забрезжили первые лучи солнца, многие женщины отправились в поле, и вскоре вернулись с большими охапками лебеды. Очень скоро о чудесных свойствах этого растения узнали все переселенцы. Ханифа тоже принесла домой большую охапку и теперь пребывала в радостном возбуждении. Наконец ее дети будут сыты! Принесенного пока хватит. Вот только в чем готовить? Своей посуды у нее не было, а всякий раз одалживаться у соседей неловко. Да и дадут ли?

С этими мыслями она принялась за начатую вчера работу. Мысли о посуде, однако, не шли из головы. «Не одно, так другое, – с досадой думала Ханифа. – Ну ничего, выменяю у кого-нибудь котел на серебряное кольцо». Это было единственное ее украшение, доставшееся от матери. Ближе к полудню Ханифа позвала Алима.

– Возьми вот это, сходи в аул и смений на какой-нибудь котелок, – сказала она развязывая тряпицу, в которой хранила колечко.

Ханифа и сама могла бы сходить к казахам, но вчера Хабаша объяснил ей, почему те не хотят общаться с переселенцами.

– Еще до нашего появления здесь кто-то сказал, что скоро сюда привезут преступников, врагов Советской власти, – говорил Хабаша. – Они сильно напуганы и злы на нас. Многие их мужчины сейчас на фронте, воюют за эту самую власть, а мы, значит, предатели.

Алим вернулся из аула ни с чем. С ним и разговаривать никто не стал. Ханифа к этому времени вырыла половину землянки.

– Ничего, сынок, Аллах не оставит нас без своей милости, – сказала она, вылезая из ямы.

– Дай, теперь я покопаю, ты одна уже больше половины вырыла.

– Не торопись, а то быстро устанешь, – сказала Ханифа отряхивая от земли подол длинной юбки. «Надо бы сегодня обязательно закончить, – думала она. – Хабаша сказал, что с завтрашнего дня нас поведут на работу. Тогда закончить землянку не будет ни сил, ни времени».

Ханифа твердо решила завершить начатое, и когда солнце уже клонилось к закату, работа была закончена. Получилась большая квадратная яма, глубиной больше двух метров. Она намеренно рыла глубоко, чтобы в землянке можно было ходить, не задевая головой потолка. «Вот только чем бы покрыть?..»

Вечером, вместе с другими женщинами, она опять пошла за лебедой. Еще вчера в низине, где проходил арык, Ханифа видела заросли невысокого камыша. Теперь она решила, что крышу сделает из него. Хорошо бы и пол чем-нибудь застелить, иначе будет слишком сыро. «Соберу-ка я побольше сухой травы, авось сойдет на первое время, – подумала она. – Досками, конечно, было бы намного лучше, но где их взять, доски эти? Уложу траву

толстым слоем, а сверху застелю ее старой одеждой. Неплохо должно получиться, а потом и печку выложу. Однако первое дело – котел».

Когда Ханифа вернулась, Алим, стоя в яме, ровнял стены будущей землянки. Издали за его работой наблюдали три незнакомых подростка, наверняка пришедшие из аула.

«Ишь ты, – подумала Ханифа. – Взрослые нас чураются, а этих, видно, любопытство разбирает». Мальчишки стояли поодаль и, глядя то на Алима, то на Ханифу, о чем-то переговаривались. Подходить, однако, никто из них не решался. Ханифа сделала вид, что не обращает на них никакого внимания. Через минуту троица все же приблизилась. Один из них, судя по росту, был ровесником ее Алима. Оставив двух своих спутников, этот паренек приблизился и настороженно посмотрел прямо в глаза Ханифы. Она приветливо улыбнулась и уже хотела о чем-нибудь его спросить, как вдруг кто-то, невидимый глазу, окликнул мальчишек. Двое из них тут же убежали, а тот, что был постарше, подошел к самому краю ямы и продолжал наблюдать за ходом работы. На нем была свободная рубаха навыпуск и просторные штаны. Голову покрывала казахская войлочная шапка. Первым заговорил Алим.

– Как тибья зват? – спросил он, едва выговаривая русские слова и отставил лопату в сторону. Мальчик взглянул сначала на Алима, затем на Ханифу и пожал плечами. Видно было, что русского языка он не знает.

– Ты назови ему свое имя, – подсказала Ханифа. – Тогда, может быть, он догадается, о чем ты спрашиваешь.

Алим ткнул себя пальцем в грудь и произнес:

– Я – Алим. А-лим!

Мальчишка-казах широко улыбнулся и ответил:

– Айтпай.

Ханифа уже успела спуститься в яму.

– Ты объясни ему, сынок, как-нибудь, что нам котел нужен.

Алим, используя свой скудный запас русских слов, попытался было растолковать «казашонку» суть дела, но тот в ответ лишь улыбался и мотал головой. Видно было, что он не понимает ни слова. Пришлось Алиму пойти к соседям и принести котел. Достав из кармана тряпицу с кольцом, он с помощью жестов принялся объяснять, что готов поменяться.

Мальчик закивал и так же, жестами, пригласил Алима к себе домой.

Через полчаса мальчишки принесли к землянке не только большой казан, но и две железные миски. Алим сиял.

– И кольцо не взяли! – радостно сообщил он.

– Неужели не взяли?

– Валлахи, отказались! – Алим выглядел почти счастливым.

– Да поможет тебе Аллах, Айтпай, – поблагодарила Ханифа мальчишку. – Тебе и твоей семье.

Приобняв, она погладила Айтпая по голове, хотела сказать еще что-нибудь ласковое, но мальчишка неожиданно высвободился и, спрыгнув в яму, схватил лопату и начал копать.

Весть о том, что Ханифе Хасатловой помог какой-то паренек из местных, быстро облетела переселенцев. Не успел Айтпай уйти, как один за одним стали приходиться соседи. Все были рады такому повороту в отно-

пениях с местными. Для переселенцев человеческое участие Айтпая и его семьи было добрым знаком.

– Пусть расскажет своим, что мы не людоеды, – произнес чей-то голос.

Эти слова вызвали у собравшихся громкий смех. Настроение у всех было приподнятым, кое-кто пытался заговорить с Айтпаем, но тот, смущенный общим вниманием, вылез из ямы и поспешил к себе в аул.

– Подумал, наверное, что мы над ним смеемся, – предположил кто-то из соседей.

– Наверняка так и подумал, – с досадой сказала Ханифа. – Она заметила, как с появлением шумных соседей Айтпай совершенно смутился.

4

В ежедневных заботах о быте и хлебе насущном прошла неделя. Землянка была почти готова, оставалось соорудить печку. Соседи не раз приходили посмотреть на новое жилье Хасатловых.

– Да в ней можно скачки устраивать! Так просторно здесь! – восхищенно говорили они.

Кровля из камыша, связанного в крепкие снопы, тоже вышла на славу. Теперь можно было не бояться ни холода, ни дождя. Соседки, которые раньше говорили, что в землянке ни за что жить не смогут, изменили свое мнение. Новый «дом» Ханифы им понравился, и они сожалели, что не открыли себе такие же землянки раньше. Теперь – поздно. Чуть свет они в поле, гнут спину на полях здешнего колхоза. Работа тяжелая. Рыхлить землю под пшеницу приходится кетменем, наконечник которого весит едва ли не полпуда. Солнце жарит немилосердно, а над душой стоит бригадир из местных, – ни дух перевести, ни словом перекинуться. Если бригадиру казалось, что кто-то из женщин работает слишком медленно, он, не выбирая выражений, начинал кричать. Самыми безобидными словами в потоке этой брани были «предатели» и «фашисты». Того же, кто вздумает перечить, мог и плетью ударить – был уже такой случай.

Уставали настолько, что всю обратную дорогу до своих жилищ шли молча. Не тяжелая работа угнетала людей – на родине им приходилось переносить и не такое. Выматывали постоянные мысли о еде, о полуголодных детях, питающихся пустой кашей наполовину с лебедой. В душе Ханифы вновь поселилась тревога. Первое, что она слышала, переступая порог их землянки, это голосок Антисы: «Мама, я хочу кушать».

Продукты не привозили уже больше недели, да и посылки от родственников перестали вдруг приходиться. О причинах можно было только гадать. После работы в первую очередь шли к Хабаше, но тот лишь разводил руками.

– Что я могу сделать? Не отпускают продукты, сколько ни ходи!

Вернулась домой Ханифа поздно – солнце уже почти село. Первым делом надо было приготовить какой-нибудь ужин. Она взяла полотняную котомку, в которой хранила зерно. Пшеницы осталось на одну варку. Если положить побольше лебеды, можно растянуть и на два раза. Как только Антиса увидела в руках матери стебли лебеды, захныкала:

– Мамочка, не клади туда много травы...

– Почему, моя хорошая?

– У меня живот от нее болит.

– Я хорошо проварю – болеть не будет, моя девочка, – Ханифа украдкой вздохнула и стала обрывать листья. Ужин был почти готов, когда появились Алим и его новый казахский друг. Айтпай поздоровался и вынул из-за пазухи большой кусок хлеба.

– Спасибо, сынок, – Ханифа обняла мальчишку. – Пусть этот хлеб вернется к тебе в тысячекратном размере!

Несмотря на уговоры, ужинать Айтпай не остался, пробормотал что-то непонятное и убежал домой.

Ханифа разрежала ржаной кусок на три части, но Алим вдруг заявил, что свою долю он съел по пути сюда. Девочки – Адиух и Антиса, стали требовать хлеба.

– Кто не станет есть хантхупс, хлеба не получит! – прикрикнула на дочерей мать.

5

Через неделю стало совсем худо. Продукты по-прежнему не везли, посылки почты не приходили. Старики пошли к председателю колхоза, надеясь получить хоть какую-нибудь помощь, но вернулись с опущенными головами. Председатель сказал им, что запасы продуктов в районе на исходе. Нужно потерпеть еще немного – ожидаются поступления из других областей. Не все принимали его слова на веру. Люди раздражались. Не могли же они там совсем забыть об их существовании! Кто-то, памятуя о теплых отношениях между председателем колхоза и Хабашей, сказал: «Неспроста у них такая дружба! Они сговорились и продают нашу еду на сторону!»

Затем прошел слух, будто на деньги, вырученные от продажи продуктов на черном рынке, Хабаша хочет купить себе свободу и вернуться в родные края. В таких условиях гнев среди людей распространялся мгновенно. Несколько человек, мужчин и женщин, ворвались в дом Хабашы и пытались найти спрятанные продукты. Однако ничего не нашли, только охапку высохшей лебеды. Тогда кто-то сказал, что посылки, скорее всего, прячет у себя бригадир, но вломиться к нему в дом никто бы не решился. Какой-никакой, а начальник, представитель власти. Даже если бы бригадир и хранил у себя ворованные зерно и хлеб, вряд ли кто-то осмелился бы действовать напрямую. Люди продолжали питаться теперь уже одной лебедой. Скоро стали обменивать на хлеб или крупу более-менее приличную одежду, обувь.

После того как Ханифа обменяла свое серебряное колечко на пшеницу, ее семья продержалась еще неделю. Теперь у нее не осталось ничего, что можно было предложить за еду. Даже Айтпай перестал навещать их. Не появлялся уже два-три дня. «Видимо, и у них голодно», – думала Ханифа. Подошла к концу и собранная накануне лебеда. Да и в поле ее почти не осталось. От постоянного голода стали болеть дети. Безысходность заставляла людей готовить варево уже из других растений. Как-то Алим принес домой небольшую охапку какой-то травы. Ханифа сварила ее и тут же выбросила. Она была явно несъедобной.

– Знаешь, чего я хотела бы, мама? – как-то раз сказала Антиса. Она болела и с каждым днем становилась все слабее.

– Чего, моя девочка?

– Лакумов. Когда нас отпустят и мы приедем домой, ты сделаешь нам лакумы?

– Конечно, моя красавица, – ответила Ханифа. – А чего бы хотела ты? – спросила у старшей, Адиюх.

– А я – теплого хлеба.

– Мама, – тихо спросила Антиса, – а когда мы вернемся в наше селение, ты поведешь нас посмотреть на реку Урух?

– Обязательно поведу! Вот только поскорее бы нас отпустили.

Антисе становилось все хуже. Она уже совсем не вставала с постели, а однажды отказалась есть похлебку. У нее начался жар. Ханифа всю ночь сидела рядом с дочкой – попеременно накладывала ей на лоб смоченные в холодной воде кусочки ткани.

На рассвете Антисы не стало.

6

Алим открыл глаза и увидел мать. Ханифа сидела у изголовья спящей Адиюх, поглаживая ее длинные густые волосы. Они были предметом зависти многих девочек. Еще дома, в родном селе, Ханифа попросила местного эфенди написать для нее два – оберег от сглаза.

«Как же ты изменилась, мама, – подумал он с горечью. – Едва перешагнула за тридцать, а выглядишь, как старушка».

Всего три недели прошло после смерти Антисы. Скорбь по сестренке смешивалась с чувством растущей тревоги за жизнь Адиюх. Та тоже тяжело заболела. Ханифа была в отчаянии, хотя старалась не подавать виду. Приходили соседи, пытались утешать ее. Уходя, оставили кусок хлеба – для больной дочки. Пахучая ржаная пайка лежала на стульчике, рядом с постелью Адиюх. Алим проглотил слюну – со вчерашнего дня он ничего не ел.

– Вставай, мой милый, – сказала Ханифа сыну. – Чует сердце – ночью ветер задует. У нас совсем холодно, нужно сухой травы принести.

Она протянула ему свою безрукавку, сделанную из старого ватника:

– Возьми это, а то замерзнешь.

Алим нехотя встал, оделся. Когда поднимался по ступенькам к выходу, услышал, как мать спрашивает Адиюх съесть немного хлеба.

– Нет, не хочется, мама – отвечала девочка.

– Почему, мое солнышко? Ты целый день ничего не ела.

– Не знаю. Просто не хочу. Отдай Алиму.

Алим остановился и наблюдал эту картину с верхней ступеньки землянки.

– А ягоды поела бы? – спрашивала Ханифа дочку. – Пошлю Алима за тутовником, если хочешь.

– Не знаю...

Ханифа обернулась к сыну.

– Милый, захвати хурджин. Ты говорил, что видел где-то тутовые деревья, нарви немного, если получится.

У выхода из землянки Алим столкнулся с матерью Айтпая. Та, что-то зашебетав на казахском, скользнула внутрь и протянула Ханифе стеклянную банку с белой жидкостью. Из всего сказанного Ханифа поняла только одно слово – «кумыс».

– Моя ты родная, опять ты нас выручаешь, – сказала она срывающимся голосом. В глазах Ханифы стояли слезы. Мать Айтпая подошла к Адиух и, присев на краешек топчана, служившего девочке кроватью, стала что-то приговаривать и гладить ее волосы.

Ханифа засуетилась, открыла банку с кумысом, поставила на стол кружку.

– погоди, сынок. Прежде чем выходить, попей и ты немного.

Алим пил медленно, наслаждаясь каждым глотком еще теплого кобыльего молока.

– Выпей, дочка. Это прибавит тебе силенок.

– Не хочется, мама.

Алим постоял еще мгновение и вышел.

Похоже было, что ветер разыгрался не на шутку. Он постоянно менял направление и дул все сильнее.

«Наверное, буря будет ночью», – подумал Алим. Пыль вперемежку с частицами сухой травы забивалась в глаза и нос. Идти из-за ветра становилось все труднее. Из степи дохнуло настоящим холодом. Алим продрог, продолжая идти почти вслепую.

Тутовник рос в небольшой ложбинке, напор ветра здесь слабел.

Сразу стало понятно, что сюда частенько кто-то навевается – ягоды остались лишь на верхних ветках. Алим подобрал трухлявый сук и швырнул его вверх. Собирая ягоды он считал:

– Одна для Адиух, одна – для мамы, а эта мне, – после чего отправлял в рот сладкий комочек.

Он набрал примерно половину хурджина, а затем стал торопливо собирать осыпавшиеся ветки и сухую траву. По пути домой он почувствовал сильный приступ голода.

«Не надо было пить кумыс, – злился он на себя. – От него еще сильнее хочется есть!»

Голова кружилась, один раз он не сдержался и, достав из хурджина ягоду, торопливо ее сжевал. Но это было всего лишь раз. Пытаясь отвлечься от мыслей о еде, Алим представлял, как обрадуется Адиух, когда увидит, сколько ягод он ей принес. К вечеру как-как дотащился до своей землянки.

Первое, что увидел, открыв люк, – распластанное на полу тело матери. Рядом, на корточках, сидела Дадуся. Смачивая в миске платок, она прикладывала его ко лбу Ханифы.

– Мама! – Алим скатился внутрь, стал трясти Ханифу за плечи. – Что с ней?!

– Успокойся, – вполголоса сказала Дадуся. – Она живая, просто сознание потеряла, а вот Адиух...

Не договорив, Дадуся громко всхлипнула.

– Умерла твоя сестренка...

Алим выпустил из рук хурджин, и черные ягоды рассыпались по полу.

Через мгновение со стоном очнулась Ханифа. Глубоко вздохнув, она повернула свое бледное лицо к Алим:

– Сходи, мой хороший, сообщи Хабаше и Мылию...

Хабаша дома не оказалось. Он в очередной раз уехал в поселок. Зашел к Мылию – тот лежал в постели. Жангуляз тоже была дома. Увидев вошедшего Алима, она сразу почувствовала неладное.

– Что случилось?

– Адиюх...

– Что, ей совсем плохо?

– Умерла, – произнес Алим и, чтобы не показывать нахлынувших слез, вышел и встал у дверей.

– Пойдем дед, – сказала упавшим голосом Жангуляз. – Кроме тебя и Хабаша никому ее хоронить.

– Надоело мне это – Хасатловых хоронить.

– Что ты! Не говори так, бойся Аллаха! – укорила его Жангуляз.

– Ты что, не видишь, в каком я состоянии? Ноги болят, ступить не могу...

Алим, не желая выслушивать жалобы Мылия, ушел домой.

Траурная процессия состояла из трех человек. Впереди, неся завернутое в кусок ткани тело сестры, шел Алим. За ним шли только две женщины – Жангуляз и Дадуся.

– Надо торопиться, – сказала Жангуляз. – Скоро стемнеет.

Алим ускорил шаг. Он был очень слаб и еле удерживал на руках тело Адиюх. В глазах темнело. Обливаясь потом, он сомневался, что сможет дойти до кладбища. Женщины тихо переговаривались между собой, будто и не замечая его мучений. Алим на мгновение замедлил шаги и покачнулся, едва не уронив тело на землю. Только тогда Дадуся спохватилась и сменила его.

В смерти сестры Алим чувствовал и свою вину. «Если бы я так долго не ходил за тутовником, то наверняка застал бы ее в живых, – думал он. – Кто знает, может, и не умерла бы, если бы поела сладких ягод».

– Мы уже почти дошли, – сказала Жангуляз, и знаком показала, чтобы Алим забрал у Дадуси тело Адиюх.

Женщины принялись рыть могилу. Жангуляз торопила:

– Скоро стемнеет, – с тревогой сказала она. – Я слышала, что в этих местах по ночам бродят стаи шакалов. Нужно успеть вернуться засветло.

Женщины опустили тело в могилу и стали засыпать. Алим, вытирая слезы и шмыгая носом, отошел в сторону.

7

Он проснулся, как всегда, с первыми лучами солнца, но вставать с постели ему не хотелось.

«Как тихо стало у нас, – думал он, глядя в потолок. – Не слышно больше голосов сестренки. Никогда я их больше не увижу. Теперь только мы с мамой остались».

Вспомнив о матери, Алим приподнялся на топчане и осмотрелся. Ханифа лежала в постели и что-то тихо бормотала. «Бедные мои девочки...» – услышал Алим.

«Хоть бы отец приехал, – думал он. – Хорошо, если он спасся от немцев. Мама говорит, что Лей жив. Эх мать, мать... В кого ты превратилась за эти дни, и не ешь совсем, за четыре дня лишь кусочек чурека. Да и можно ли это чуреком назвать? Трава одна».

С едой дело обстояло совсем плохо, правда, Хабаша говорил, что продукты вот-вот завезут – не сегодня, так завтра.

Вдруг Алим услышал стук деревянного люка. В землянку спускалась старшая дочь Хабаша. В руках она несла два небольших хурждина.

– Вот, отец велел вам передать.

Ханифа медленно поднялась и стала пересыпать крупу в холщевый мешочек.

– Чтоб ты не знала других забот, дочка.

Встал и Алим. Есть ему не хотелось, он даже не заглянул в мешок. Почти месяц они ждали, когда же им привезут еду. Зерна и крупы привезли больше чем в последний раз, но ни у Ханифы, ни у Алима это не вызвало радости. После смерти Адиух и мать, и сын стали безразличными ко всему.

Алим натянул на себя старый ватник...

– Куда ты, сынок? – спросила Ханифа.

– Пойду, соберу сухой травы или хвороста. Ночью нечем будет топить.

– погоди, поешь сперва. Я сейчас из ячменя похлебку сварю.

– Не хочу, мать. После, когда вернусь. Ты сама поешь.

– Не пушу! – заплакала вдруг Ханифа. – Пока не поешь, никуда не пушу. Не хочу, чтобы и ты умер с голоду!

Алим снял ватник и сел.

– Ешь все, – сказала Ханифа и поставила перед ним наполненную до краев миску.

– А ты?

– Я потом, – сказала Ханифа. – Прилягу пока.

«Когда потом? – думал Алим, помешивая деревянной ложкой дымящуюся похлебку. – Сколько усилий нужно, чтобы заставить ее поесть. Неужто снова Дадусю звать, чтобы она уговорила». – Он бросил ложку.

– Тогда и я не стану есть.

Ханифа посмотрела на сына влажными глазами, налила себе меньше чем полмиски. Присела на скамью, поставив посудину на колени. Алим тоже принялся за еду. Он уже почти доел свою долю, когда его взгляд упал на кусок ржаного хлеба, того самого, который каким-то чудом остался не съеденным. Черная, высохшая пайка сиротливо лежала на остывшей печи. Ханифа поймала взгляд Алима.

– Возьми, сынок, поешь. Пусть этот хлеб достанется душам наших бедных девочек.

Алим взял пайку и, разломив ее пополам, протянул матери.

– Не могу, милый. У меня этот хлеб в горле застрянет. Кушай ты.

Не успела Ханифа убрать со стола пустые миски, как к ним спустились Мылий и Жангуляз.

– Да пребудет ее душа в раю, – почти шепотом сказал Мылий, коснувшись высохшей ладонью плеча Ханифы. – Не обессудь, что не пришли сразу. Болел я, на ногах стоять не мог.

– Пойду я, – Алим бросил на Мылия полный ненависти взгляд и вышел.

Утром, верхом на своей караковой кобыле, появился бригадир. По своему обыкновению он стал кричать и ругаться, требуя от переселенцев немедленного выхода на работу. Все, кто еще мог держаться на ногах, вышли на проселок и побрели по направлению к колхозным полям. Ханифа осталась дома – Жангуляз и Дадуся насилу упросили бригадира не трогать ее сегодня, ведь у нее такое горе. Он долго не поддавался на их уговоры, но затем согласился, при условии, что вместо Ханифы на работу выйдет ее сын.

Как только Алим ушел, Ханифа прилегла на топчан. Хотелось забыться, уснуть, но сон все не шел – никак не оставляли черные мысли. Едва закрывала глаза, как перед ней вставали лица девочек. «Чем же я так прогневила Аллаха? – думала Ханифа. – За что Он послал мне такое наказание?» Когда лежать стало невмоготу, она открыла глаза, села. Взгляду представилось жалкое убранство их подземного жилища, в котором пахло сыростью. «Пойду, пройдусь немного, – решила она. – Все равно не уснуть». Повязав платок и оправив на себе штопанное-перештопанное платье, Ханифа направилась к выходу.

Вокруг было пусто – ни одной живой души, не считая маленькой собачонки, которая, поскуливая, рыла передними лапами сухую землю. «Наверное, из аула прибежала», – равнодушно отметила Ханифа. Казалось, что время остановилось. Это впечатление усугублялось неподвижной духотой, висевшей в воздухе. Скользнув взглядом по серому, безрадостному пейзажу, Ханифа вновь посмотрела на собачку – та возилась с костью, которую, видимо, откопала где-то поблизости. «Откуда здесь могла взяться кость? – удивилась Ханифа. – Уже несколько месяцев, как мы не видели мяса». В следующую секунду ее мозг пронзила страшная догадка: недавно кто-то сказал, что шакалы и одичавшие собаки, не находя пищи, разрывают могилы и поедают человеческие останки. Вернувшись, она второпях накинула на плечи старую шерстяную кофту, взяла стоявший в углу кетмень – в случае встречи с шакалами он мог оказаться очень кстати – и зашагала в сторону кладбища. По пути она то и дело поднимала глаза и смотрела на плывущие по небу серые тучи. «Если начнется дождь – вымокну до нитки, – думала Ханифа, ускоряя шаг. – Ну да ничего, лишь бы могилки были целы».

Не успела она преодолеть и половины пути до кладбища, как налетел колючий азиатский ветер. Чтобы защитить глаза и нос от летящих навстречу клубов пыли, Ханифа прикрыла лицо платком. Кетмень теперь служил ей посохом. «Худо будет, если начнется буря, – думала она, пытаясь разглядеть под ногами тропу. – Даже местные казахи боятся быть застигнутыми ею в пути».

Вот и кладбище. Приблизившись к первым могилам, Ханифа начала осматриваться. Ни собак, ни шакалов поблизости не было, но среди бугорков земли что-то темнело. Издали казалось, что кто-то разбросал здесь какие-то лоскуты.

«Что бы это могло быть? – подумала Ханифа с нарастающей тревогой, – неужели...»

Она сделала еще несколько торопливых шагов и, испуганно вскрикнув, выронила кетмень. Ее самые жуткие опасения подтвердились – вокруг,

там и сям валялись части человеческих тел и обрывки материи. Преодолев приступ тошноты, Ханифа двинулась в глубь кладбища.

– Нет, это не мои девочки! – шептала она, переступая через обглоданные кости. – Не может быть, чтобы это были они!

Ханифа чувствовала, что вот-вот подкосятся ноги. Она знала, что если упадет в обморок, то может стать легкой добычей для своры оголодавших собак или шакалов, и держалась изо всех оставшихся сил.

«Если упаду – конец. Даже тела не отыщут... Мой Алим, мой единственный сынок останется круглым сиротой...»

Приблизившись к тому месту, где, как она помнила, похоронили ее Антису, Ханифа упала на колени и затряслась так, будто через все ее тело пропустили ток высокого напряжения. Среди кусков растерзанной плоти она разглядела вываленные в земле кудряшки своей младшей дочери. Озноб внезапно отпустил. «Где-то здесь, рядом должна быть и Адиюх... нужно найти и ее... нужно собрать части тел и похоронить их как следует...» Останки Адиюх Ханифа отыскала тут же, метрах в полтора от разрытой могилки Антисы. Превозмогая усталость и тяжело дыша, заработала кетменем. Время от времени опускалась на колени и руками выгребала серую землю.

...Наконец обе могилы были готовы, и Ханифа решила передохнуть. Работа успокоила ее. Не чувствовалось больше ни ужаса, ни горечи – только опустошенность. Но нужно было подниматься «Надо закончить все до темноты, – подумала она, – Алим, наверное, уже вернулся с поля, ждет меня...» Сняв с себя ночную рубашку, она разорвала ее на две почти равные части, и аккуратно завернула в них останки своих детей.

«Ну, вот и все, дочки, спите спокойно...» – Ханифа погладила шершавую степную землю на свежих могильных холмиках.

Солнце уже коснулось линии горизонта, когда она отправилась домой. Путь был долгим, очень долгим...

Она пришла в себя лишь по прошествии сорока дней. Первое, что увидела, – лицо сына. Алим пытался влить в ее иссохший рот ложку хантхупса. Иногда она бредила, звала дочерей, после чего вновь приходила в себя и просила попить. Сквозь темень, обволакивающую сознание, до слуха доносились встревоженные голоса соседок. По их интонациям было понятно, что дела ее плохи, но это только прибавляло ей решимости выжить. Ханифа чувствовала, как понемногу возвращаются к ней силы.

И вот однажды она смогла встать со своего топчана. Она выкарабкалась.

*Перевел с кабардинского
Ибрагим Гукемух*

Алим АЛАФАЕВ

Справка

Алим Азретович Алафаев – русскоязычный балкарский поэт, кандидат исторических наук, профессор Академии военных наук, член Союза журналистов России, член Союза писателей России, лауреат Международного конкурса переводов тюркоязычной поэзии «Ак Торна» (Уфа, 2011), преподаватель КБГУ.

Говорю с Кязимом

Суфий, зная тяжкой жизни бремя,
Облегчает бытие другим.
– Нынче в мире правит злое время, –
Веруя в добро, сказал Кязим.

«Злое время» – вороное время:
Смута, революция, война.
Зло с добром скакало стремя в стремя...
Побеждали злые времена.

Говорил ты бедным и убогим,
Счастье не заблудится в горах.
Новую показывал дорогу,
Молот и перо держа в руках.

Испытав с народом ночь изгнания,
Предсказал, что сгинет Сатана...
У твоей Могилы в час свиданья
Вновь душа раздумьями полна.

О, Кязим, мудрейший и любимый,
Выслушай и вразуми меня!
Говорю, что зло неистребимо:
Ночь всегда идет на смену дня.

И добру, и злу совсем не тесно:
Их бессмертье кроется в борьбе.
Близнецы – они навеки вместе,
В каждой человеческой судьбе.

И пока вращается планета,
Повторяя свой привычный круг,

Будут мчаться кони тьмы и света,
Соревнуясь, словно враг и друг.

Ты учил нас жить и верить в Бога,
Много дальних исходив дорог...
О, мудрец, развеи мою тревогу:
Победит ли на земле добро?

2010

У Могилы Кязима

К 67-й годовщине смерти поэта (14 марта 1945 г.)

1

Воспевая светлые идеи,
Ждал, как все, победы славной год.
Почему кремлевские злодеи
В одночасье выслали народ?

Горя нет страшнее, чем изгнание!
В злое время правит Сатана.
И за что такое наказание?
Как в аду, стонала вся страна!

Горцы в ссылке, собираясь вместе,
О родных краях мечтали в дым.
Умер от тоски, слагая песни,
В марте сорок пятого Кязим.

Сталинские сгинули морозы,
Оттепель хрущевская пришла.
И балкарцы возвратились в гнезда,
Отогрев замершие крыла.

Жили гордо, праведно и просто,
Не боясь борьбы и страшных гроз.
Только на закате «девяностых»
Возвратить Кязима удалось.

Дух его, оставшись на чужбине,
Жил в балкарских думах и устах.
Словно факел, символ и святыня,
Привезен из Казахстана прах!

В день весенний, стоя у Могилы,
Что в родных воздвигнута горах,

Старики Творца благодарили
За огонь в сердцах и очагах.

2

Для меня священной и дороже
Места нет, чем горестный Музей.
Со слезами, трепетом и дрожью
Прихожу сюда, как в Мавзолей.

В изумрудном уголке Долинска,
Над которым неба синий шелк,
Под лучами солнечного диска
Я к Могиле с грустью подошел.

Помнит Мать-Балкария седая,
Славный сын родился в октябре.
Пляшут реки, песни напевая,
А Эльбрус сияет в серебре.

У Кязима сердце бьется с силой,
Словно молот и стихи в горах.
Вспоминаю, стоя над Могилой,
Об Эльбруса лучших сыновьях.

Ветерок играет со свирелью,
И Могила слышит новый стих...
Для одних ты стала колыбелью,
Кузницей духовной – для других.

Собираясь на священном месте,
У святой Могилы, дважды в год,
Говорю, увидев горцев вместе:
Жив Кязим – и, значит, жив народ!

Сбросив власти ненавистной бремя,
Россиянин стал уже другим.
Победили горцы злое время,
Потому что жил мудрец Кязим!

3

Я люблю беседовать с поэтом,
Голос горца добрый и родной.
Шлет стихами мудрые советы,
Клекоча бессмертною строкой.

И спросил однажды, очень робко,
Как мне горцем и поэтом быть?
Отвечал Кязим-хаджи негромко:
– Надо горы и народ любить! –

Помню голос суфия Кязима:
– Не забыл народ мой старика,
Краше нет Балкарии любимой,
С ней хочу остаться на века!

На планете воцарится разум,
Канут в Лету злые времена.
Но постройт рай земной не сразу
Солнцем озаренная страна... –

Окрыляют всех, кто стар и молод,
Мысли, что как звезды высоки.
И зовет в полет суфийский молот,
Доносясь из древнего Шики.

Приходите, юные джигиты,
Здесь балкарского пророка прах.
О мечтах Кязиму расскажите –
И поймете, что велик Аллах!

Собираясь на священном месте,
У святой Могилы, дважды в год,
Говорю, увидев горцев вместе:
Жив Кязим – и, значит, жив народ!

21.12.11.

Фатимат АТМЫРЗАЕВА

(с. Кенделен, 1918 г. – с. Кенделен, 2010 г.)

Заполярье

Заполярье, Заполярье,
Воет вьюга воем волчьим.
Заполярье, Заполярье
Обернулось вечной ночью.

Край забытый и тревожный
Плачет-стонет вьюгой злою.

Заполярье, мы так схожи
И душою, и судьбою.

Сердце стало тверже камня,
Принимая жребий тяжкий.
Ах, как трудно старой маме,
Как помочь моей бедняжке?

Ах, отец и мать, и детки,
Пасынки степей, пустыни.
Бьюсь орлицей в черной клетке,
От бессилья сердце стынет.

Заполярье, Заполярье,
Ломит кости лютый холод.

Заполярье, 1950 г.

Заполярье, Заполярье,
Ты – советской власти молот.

Край несчастный и опальный,
Что не спится в непогоду?
Заполярье, ты – печальный
Лик балкарского народа.

Перевел с балкарского Алим Алафаев

Новые посвящения друзьям (2011)

Посвящение как поэтический жанр существует давно, еще с античных времен. Разнообразное по форме и содержанию, оно может быть панегиричным, назидательным, ироничным, льстивым, лукавым, серьезным, шутивным, исповедальным и т. д. – все зависит от целей и задач автора, влекомого волей случая.

Существуют многообразные посвящения, как классиков русской, так и кабардино-балкарской поэзии. В основном, они обращены к тем, кого автор хотел бы, так или иначе, увековечить, почтить своим вниманием. В них раскрываются черты их характера или характер взаимоотношений, звучат признания в самом дорогом и сокровенном.

Жанром посвящений пользуются многие поэты, особенно часто те, у кого светлое и доброе сердце, веселый и острый ум, крылатая и клекочущая философия жизни.

Посвящение на камне

*Аскеру Додуеву,
поэту и переводчику*

Люблю стихи я посвящать
Друзьям, приятелям, голубкам,
И рифмой звонкою вещать
Об их делах, словах, поступках.

А рядом старый друг живет,
Поможет тихо, незаметно,
Положит за меня живот
И на обиду не ответит.

Парит светило из светил,
Служа Эльбрусу без забвенья.
Стыжусь – ему не посвятил
Ни одного стихотворенья.

Мой друг – сын света и добра!
И сердце говорит, поверьте,
Что наточить перо пора
И подарить ему бессмертье!

Но, отложив перо, точку
Стальной резец, трудясь часами...
Прославить друга я хочу
Не на бумаге, а на камне!

Огни талантов

Хасани

Корпел над сложным чертежом
И рубаи кропал при этом.
Но почему-то часто в нем
Ученый побеждал поэта.

Пылая жаром вдохновенья,
Поэт стихи писал запоем.
Потом, издав свои творенья,
Заткнул ученого за пояс!

Изобретатель вскоре вдруг
Стал кандидатом технаук!
Зато поэт – лихой редактор,
Имея солнечный характер,

Собрав романтиков в журнал,
С Эльбруса в космос стартовал...
Пусть ярче звезд горят огни
Твоих талантов, Хасани!

Ода усам

М. Г.

Застыл с улыбкою Эльбрус,
Завидев серебристый ус.
От зависти бледнеют барды,
Глядя на чудо-бакенбарды.

Сказать по правде, кто усат,
Не глуп – умен и хитроват:
Поклонниц пышными усами
Он покоряет, как стихами!

Талант друзей не по стихам
Я узнаю, а по усам.
И если он совсем безусый,
Взираю жалостно и грустно.

Поэт поэту – друг и брат,
Кто настоящий – тот усат.
А коль огромные усищи,
То, значит, гений и силище!

Прекрасен гениев досуг,
Когда танцовщицы вокруг,
Играя бедрами, плечами,
Флиртуют с колкими усами.

Поэт, хвала твоим усам,
Хотя хожу безусый сам!
Надеюсь, с этими стихами
Обзаведусь и я усами!

Молчание

А. А. Мамхегову

В канун счастливый юбилея
Несу стихи в подарок другу,
Чтоб он, с годами не белея,
Услышал солнечную вьюгу.

Ценю высоких гор молчанье,
Оно живей речных потоков.
Речей рычанье и мычанье
Растает в воздухе до срока.

Дружили без словес ненужных,
Вершины покоряли молча.
Не тот хранитель крепкой дружбы,
Кто скажет слаще или громче!

В минуты счастья и печали,
Читая волны чувств во взоре,
Мы были рядом и молчали,
Презрев за говорливость море.

Идем с горы – зияет бездна,
Ценнее друга нет подарка.
Молчанье – гений, слово – бездарь
И ложь на черной иномарке.

По трудной жизненной дороге,
Как братья, мы шагаем двое...
Я понял, что всего дороже
Твое молчание живое!

Снежный барс

*Абдул-Халиму Ольмезову,
дважды покорившему Эверест*

Зовет мечта, орлов смелей,
Ей высота всего милей.
Балкарец я, сын снежных гор,
Отцов земля ласкает взор.

В краю снегов, ветров и гроз,
Среди орлов эльбрусских рос.
Я оседлал, лихой джигит,
Вершины скал, где вечность спит.

Зовет мечта на край небес,
Где – высота, где – Эверест!
Вослед с тоской, не пряча грусть,
Смотрел родной седой Эльбрус.

Я шел, как вол, шел, не спеша,
Рычал, как волк, едва дыша,
Как барс, я полз за облака...
Коснулась звезд моя рука!

Сбылась мечта – взят Эверест,
О, высота, ты – дар небес!
Я в звездный миг молюсь во мгле:
– Пусть будет мир на всей земле,

Пусть будет май в людских сердцах,
И пусть мой край цветет в веках!.. –
Стою средь скал, весь мир у ног,
На пьедестал поднял сам Бог!

Но с высоты мечты любой
Милей всех ты, Эльбрус родной!
Мой взор горит и счастьем полн:
Люблю гранит Эльбрусских волн!

Историк

Х.-М. А. Сабанчиеву

Ученый муж Хаджи-Мурат,
Любимец женщин и друзей,
Достоин песен и наград,
Служа Балкарии своей!

Терновый предпочел венец,
Когда весна зажглась в крови.
Родились книги, как венец
Высокой к родине любви.

Балкария – седая мать!
Страшной изгнанья горя нет!
Пришлось на плахе ей стоять
И правды ждать тринадцать лет.

Прошли балкарцы тяжкий путь
И по пустыне, и степям.
Велик Аллах, что смог вернуть
Народ к тоскующим горам!

Ты изучил с пером в руках,
Как Данте, адские круги.
Труды издал и стал в горах,
Как сын, любимее других.

Я, как коня, дарю стихи
За подвиг славный, друг и брат.
Знай, и Аллах, простив грехи,
Воздаст тебе, Хаджи-Мурат!

Мой отчий дом

*Марии и Виктору Котляровым, авторам книги
«Ключи от тайн мира мертвых» (Нальчик, 2011)*

В родном краю, что краше нет,
Орлом парю, любя рассвет.

О, колыбель и храм могил,
Не раз к тебе я уходил!

Я здесь познал мечту ветров,
Молчанье скал и боль веков.

И, совершив круговорот,
Познал вершин я выход-вход.

Познал любви весенний взгляд,
Стихи в крови ручьем журчат.

Здесь смерти нет, а есть покой,
В чем, как поэт, клянусь строкой!

Любя, тружусь в краю родном,
Седой Эльбрус – мой вечный дом!

Ожив орлом, опять вернусь,
Как в отчий дом, к тебе, Эльбрус!

Придет закат, и грянет гром –
Ключом опять открою холм.

Любовь моя сильнее, чем смерть...
Хочу, молясь, и жить, и петь!

Аминат АТАБИЕВА

О, женщина

Женщины.

Наши бабушки, мамы, тети...

Хочется сказать несколько слов о вас.

Только теперь, став взрослым человеком, услышав много рассказов о жизни знакомых мне близких людей – сестер Мамаы, Папы, соседей, знакомых, рассуждая об их поведении, сравнивая их с нами, современными молодыми и не очень молодыми женщинами, я вдруг почувствовала гордость за них и некоторое чувство тревоги – ведь мы совсем другие. Я не думаю, что правильно было бы сравнивать, считать кого-то лучше, кого-то хуже – это дело не мое, а того, кто сотворил нас...

И все же.

Какими остались они в моей памяти – дорогие моему сердцу люди: бабушки Кесам, Ажака, тетя Фержан – их я знаю только по рассказам, но рассказы были столь показательными, в них столь ярко проявлялся их характер, что у меня чувство, будто я хорошо знала их лично.

Какими запомнила тетушек Фатимат Атабиеву-Аттасаову, Кеминат Азаматову-Бозиеву, Шахидат Азаматову-Мурачаеву, Балкъыз Кудаеву-Чипчикову, Лиму, Галю, Катю Шакмановых, Кулисум Казанчеву, которых хорошо знала, с кем часто общалась.

Какими остаются и сегодня, в нынешних условиях, Фардуз Шакманова-Абдуллаева, моя Мама – Жаннет Азаматова-Атабиева и многие другие их ровесницы, разве возможно назвать всех?!

История жизни каждой из них – сложная, поучительная, щемящая, будоражит мою память. А сколько таких у нашего народа, тех, кто пережил все перипетии 20 века в Великой стране.

Что объединяло вас, что было характерно?

Интеллигентность, не потому, что вас долго этому учили (так сложилось, что было не до учебы, не до игр...); **внутренняя культура, благородство**, переданные практически на генном уровне, с молоком матери, по праву рождения; **преданность, скромность**, – вы никогда не выставляли себя напоказ, не старались произвести впечатление, но почему-то оставались в памяти, и хотелось чаще видеть, чтобы просто черпать из неиссякаемого колодца вашей доброты хотя бы немного этих качеств.

В нужный момент вы находили **мужество** выстоять, выдержать, выжить, но даже это делали спокойно, тихо, без лишнего привлечения внимания, по-женски.

Что помогало вам?

Сила веры.

Веры в Бога, а значит в справедливость.

Вера в судьбу, но не ту, которую слепо назначают, а в ту, которая зависит от поступков человека и играет роль до седьмого колена. Означает это – сопричастность к судьбе своих не только детей, но и внуков, и правнуков, и пра- пра- ...правнуков, как и в твоей судьбе играют роль поступки предков.

Не могли поколебать веру ни боль, ни страдания, ни несправедливость, ни бедность, ни сама смерть. Такое чувство, что она, ошарашенная мужеством хрупких на первый взгляд людей, часто сама отходила в сторону, не смея тронуть.

Сила воли, самодисциплина.

Ведь считалось, что опозориться перед народом, родом своим, так же страшно, как перед самим Господом Богом. Лишь непоколебимая воля могла быть основой вашего мужества перед лицом испытаний.

На полях Казахстана и Средней Азии вы работали на самых тяжелых участках и при этом хватало сил на радость, любовь.

Сила любви.

Любви, которую считалось неприличным демонстрировать, но которая была глубокой и искренней. Потеряв ее, вы даже в мыслях не могли подумать о ком-то еще, кто мог бы занять место в вашем сердце, – вы расценивали бы это как предательство. Те из вас, кто потеряли мужей молодыми на войне, хранили трепетное отношение не только к памяти о них, но и к их родным, почитая последних до конца, будто этим продлевали отношения со своими ушедшими в мир иной мужьями.

Вы верили, что Они Там все знают и видят.

Сострадание.

Не жалость, а именно сострадание.

Сострадание ко всему живому – собаке ли бездомной, поломанному ли под напором ветра дереву, оставшемуся без матери олененку... – ибо вы ценили жизнь и считали все вокруг живым.

В самые жестокие периоды, умирая от голода и несправедливости, вы не бросали друг друга в беде, не бросали детей – о своих такая мысль не могла родиться ни при каких обстоятельствах, не бросали и чужих детей, оставшихся без родителей.

Трудолюбие, творчество.

Не жалость к себе, не слезы о том, что случилось, а труд. Ваши руки умели творить чудеса – прясть, вязать, шить, вышивать... Умели вы «из камня выжать воду». Разве не это помогло выжить в годы войны, репрессий.

Несчастье заставило стать одной большой семьей тех, кто вместе выживали, независимо от национальности.

Меня поражало, сколько трепетной любви сквозило в ваших воспоминаниях, с какой радостью вы встречались, общались даже через много лет, как интересовались жизнью детей, внуков, запоминали их имена, потому как небезразличны они вам и как искренне радовались их достижениям.

Разве сейчас мы умеем так радоваться успехам друг друга?

Вас слушали и слушались не потому, что боялись, а потому, что любили, уважали, боялись обидеть.

Меняется жизнь, привычки, обычаи, взгляды...

Мы все меняемся.

Проще стали взаимоотношения мужчины – женщины, родителей – детей, учителя – ученика...

Проще, значит легче.

Легче не обременять себя обязательствами, обязанностями.

Не модными стали те качества.

Но не теряется ли что-то незаменимое, глубокое, истинное?

Не теряется ли цельность личности, ценность жизни, высокий, особый смысл понятия человек?

Течет река времени.

Течет независимо от нас.

Мы только успеваем обращаться назад и лишь потому, что успели сделать, можем судить много или мало «времени» прошло. Не потеряно ли оно в дороге, в суете, в погоне за мнимыми благами.

Течет река времени народа моего. И, обернувшись, я вижу, что много утекло воды в реке той вечной, и была она, где-то – полноводной, а где-то – притесненной в узком ущелье времени. И течь будет та река, пока угодно это будет Всевышнему.

Течет река времени народа моего. Много пришлось пережить ему, маленькому, охраняемому некогда родными горами от глаз людских, жадных и завистливых. Жил он высоко, добывал хлеб свой честный, вкусный, потому что был тот хлеб добыт трудом невероятным, и каждая крошка, прежде чем стать хлебом, с любовью в землю родимую зернышком была вложена и семь раз потом омыта. В местах, где другие просто пройти бы не решились, на камнях и горных склонах выращивали зерно, сено косили, стада пасли. Ароматные травы и цветы служили постелью, пусть не мягкой, но исцеляющей, туманы укрывали тело, а звезды были так близко, что, казалось, стоит лишь руки протянуть, и они в ладони посыпятся – хоть ожерелье собери из них для любимой.

И любить здесь умели глубоко и искренне, и почтение было к возрасту за опыт богатый, за мудрость и терпение. Не было дворцов каменных, но стояли строения, где крыша одного служила двором для другого. И все вместе они представляли нечто общее, мощное, что не могло рассыпаться от землетрясений частых, к которым привыкли и считали их просто вздохами Земли-Матери. Защитой служили не только крепости, сотворенные смельчаками, но и нерукотворные, подаренные Богом, – стеной стояли скалы вокруг.

Но жаден глаз человеческий до добра чужого. Был выкинут народ мой из лоно родной земли на землю дальнюю. И выстоял он, не сдался, не сгинул, не стал черствым и злым, не искал виноватых в тех злоключениях. Научился ценить истинно ценное.

Стала земля, до того неведомая, родиной второй.

Ценою невероятной, большими потерями та победа досталась нам.

Вновь заискрился рассвет, вернулся народ мой в края отчие, где испокон веков проживал.

С радостью встретила земля детей своих, заново пробилась и зажурчали ручьи, иссохшие, спрятавшиеся в глубинах скал в их отсутствие. Пустили побеги молодые ростки в землю родимую.

И вновь ожили дома, запели песни неумолкающие реки горные, несущие вести с гор в долину и к морю дальнему, горные родники и сам воздух помогают страждущим, а у тех, кто впервые попал сюда, от высоты головы кружатся.

Повзрослели те, кто родился вдали от родины. Их дети уже обзаводятся семьями...

Течет река времени.

Ускоряется бег ее.

Много соблазнов готово поглотить нас.

Но верю я, живы в генах наших и любовь, и вера, и сила, и смелость, и мудрость отцов наших. Потому жить нам, пока река времени не оскудеет.

А она, Бог даст, не оскудеет никогда.

Всплела

Современный супермаркет стоял на трассе, проходившей по окраине поселка. Он сверкал стеклом и разноцветными рекламными объявлениями. Здесь было все: от картофеля до одежды, и многие проезжие заходили за необходимым.

Покупатели сновали по отделам. Им не было дела ни друг до друга, ни, тем более, до пьяного мужчины, который стоял почти у входа в магазин.

С лысиной и кожей, коричневыми и дубленными от постоянного пребывания на солнце и ветру, грязный, оборванный, сорока пяти лет от роду, он просил деньги у прохожих.

– Что, жалко? Не можете, что ли, несколько рублей дать?! Какие сытые! Небось пообедали... А я, вот, не успел...

Его знали все в поселке.

Продавцы и хозяйка супермаркета гнали его, ругали, несколько раз его забирала милиция, но ничего поделать с ним не могли.

Ругались:

– Надо же! И под снегом и под дождем в своем тряпье выживает!

– Вот, «синяк», совсем не просыхает и не болеет.

– Никогда его чихающим не видели.

Изредка у него бывали проблески сознания. Тогда он говорил связно, даже мог выдать умные мысли.

В этот день он, как всегда, клянчил деньги на кусок хлеба (так называлась бутылка пива или стакан вина).

Никто не подавал, даже не слышал его слов.

Он ждал, смотрел стеклянными, ничего не выражающими глазами на окружающих. Жизнь его тоже казалась никчемной и стеклянной.

Покупатели суетливо заходили, выходили и шли мимо.

Подъехал красивый черный автомобиль, удлиненные гладкие закругленные формы, мягкий ход и такая же мягкая посадка.

Он как будто подплыл, а не подъехал. Из него вышла высокая статная женщина.

Мельком бросив взгляд на окружающих, она быстро пошла к входу.

Увидев новое лицо, мужчина «проснулся» и стал монотонно повторять заученные слова, обращаясь даже не непосредственно к женщине, а в пространство вокруг себя.

Женщина даже внимания на него не обратила. Запах духов легким шлейфом потянулся за ней.

Что-то насторожило мужчину. Он не мог понять, в чем дело. Какое-то волнение, что-то давно забытое волной пробежало по телу. Он ничего не понял, но стал лучше соображать.

Через некоторое время, держа в руках небольшой пакет, женщина показала в дверях.

Мужчина бросился к ней.

– Дайте на хлеб. Вы же добрая... Что-то я вас здесь раньше не встречал, – пробормотал он.

Женщина смотрела сквозь него. Взгляд был совершенно спокоен, но жалость к человеческому существу, потерявшему себя, сквозила в нем.

Она, не останавливаясь, ничего не говоря, протянула ему деньги и скрылась за широкой дверцей автомобиля.

Он держал в руках купюру, но до сознания не доходило, что это деньги и на них можно купить несколько бутылок жидкости, которая заменила ему и семью, и родных, и даже самого себя.

В другой раз он очень обрадовался бы и кинулся за покупкой, но сейчас что-то случилось...

Он долго не мог двинуться с места. Кто она? О чем она напомнила ему? Что за волнение, даже можно сказать – трепет, пробежали по его телу? Да, что же это такое?

Машина уплыла так же легко и быстро, как и появилась.

Мужчина какое-то время еще постоял, затем автоматически сунул деньги в карман старых оборванных грязных брюк и пошел неровным шагом в сторону дома.

Дом стоял в квартале от магазина, такой же обшарпанный и облезлый, как и его хозяин.

Окна с разбитыми стеклами были похожи на старые разбитые очки. Над ними были видны следы сажи, поднимавшиеся в виде отдельных языков вверх – результат пожара, в котором и дом и его хозяин чудом выжили благодаря соседям, заметившим дым и вызвавшим пожарную бригаду.

Забор обвалился. Ворот давно не было. Вместо них деревянные, наскоро сколоченные крестом доски перекрывали вход во двор. Перешагнув через них, мужчина, шатаясь, прошел в дом.

Его мозг, за долгие годы бездействия отвыкший анализировать и принимать решения, отказывался работать. Мужчина, как был в одежде и обуви, упал на кровать и скоро заснул.

Яркий солнечный свет вливался в окна.

За окном шумели деревья, песнями переговаривались птицы, а аромат цветов доносился с каждым дуновением ветерка. Было так празднично и светло на душе.

Мальчик собирал книжки и тетради в портфель. Наскоро выпив чаю с бутербродом, крикнув: «Я побегал, мам!» – он выскочил на улицу. Нужно было успеть – девочка с зелеными глазами и рыжими косичками, которая так ему нравилась, сейчас пройдет мимо. Если успеет вовремя, они пройдут рядом эти три квартала до школы, и его сердце будет замирать каждый раз, когда она мимоходом взглянет на него.

Он стеснялся и боялся говорить о своих чувствах.

Потом – школьный выпускной вечер. Он пригласил ее на танец. Последний их танец.

Они танцевали, он смотрел ей в глаза, и свет ее глаз наполнял его, делая сильным. Ему хотелось подняться над землей, танцую со своей любимой.

Счастье наполняло весь мир, всю Вселенную...

И тут он проснулся.

Проснулся в холодном поту.

Взгляд!

Это была ОНА – та, которую он больше никогда не видел. Она уехала учиться в далекий город, вышла замуж, потом уехала с семьей за границу...

Солнце заливало комнату, пели птицы, в воздухе царили радость и возбуждение.

По телу разливалось давно забытое ощущение. Душа пела.

– Птицы... Как давно я не слышал пения птиц. Я-то думал, что их теперь и вовсе нет, – подумал он.

Вдруг он вспомнил и стал судорожно искать купюру, которую дала ОНА. Руки не слушались.

– Неужели уронил, потерял.

Наконец нащупал комок в одном из карманов. Он нежно разгладил бумажку, положил ее в целлофановый пакет, попавшийся под руку.

– Ну, ничего. Мы еще встретимся, и уж тогда она тоже меня узнает... – подумал он уверенно.

Волнуца

Шел третий год войны.

Отец воевал на фронте. Последний раз он был дома около полутора лет назад, когда, после ранения в ногу и лечения в госпитале, его отправили на долечивание домой. Здесь он пробыл около двух месяцев и, как только рана зажила и восстановилась способность нормально передвигаться, снова вернулся в свою роту, война еще была в самом разгаре.

Теперь он снова воевал с фашистами. Короткие письма приходили редко и снова стали главными событиями в их жизни.

Двенадцатилетний Ануар и восьмилетняя Зайнаф были главными помощниками матери. Они, как и все дети войны, рано повзрослели.

Ануар помогал по хозяйству и умел почти все, чем занимались мужчины, живущие в селе: ухаживать за скотом, косить сено, работать на огороде... Он опекал маму и сестренку.

Зайнаф помогала готовить, прибираться дома, а если мать бывала занята чем то, девочка умело ухаживала за своими младшими сестренками.

Они и в школе учились хорошо, старались, чтобы радовать отца письмом.

Восьмого марта мать встала очень рано. Нужно было перемолоть немного зерна, а то кормить детей будет нечем. Самой было трудно управиться, да и совсем темно еще было, страшно одной, и она взяла с собой Ануара. Еще не было четырех часов, когда они выехали на подводе. Она хотела успеть вернуться до того, как проснется младшая – семимесячная доченька. По дороге, уже далеко от села, им встретились высокобортные грузовые машины, которые ехали в сторону села. Сердце матери забилося в тревоге – что случилось? Военные действия на территории республики давно закончились, что они здесь делают? Зачем ехать так рано? Но потом она сама себя успокоила, подумала, мало ли какие дела – может, что-то строить будут в горах... Может какой-то секретный объект...

Военный...

Если бы она могла знать...

Если бы....

С утра самочувствие Зайнаф было неважным, болела голова, поясницу ломило.

– Наверное, вчера устала, слишком трудный достался участок, пришлось чуть ли не на четвереньках ползать, пропалывая свеклу, – думала она.

Но пропускать работу было нельзя, и она намотала на поясницу старый шерстяной платок, наскоро накормила, чем могла, младших сестренку и пошла.

– Смотрите, если что-то не будет получаться, обратитесь к тете Нуржан. С огнем осторожно!

– Подросли помощницы мои, им уже восемь и шесть лет, выживем, – думала она, прикрывая калитку.

В этом году выделили участок, который они должны обрабатывать, чтобы получить трудовни. Надо же как-то существовать. Зайнаф вышла на работу наравне со взрослыми женщинами.

Жили они в бараке, в большой комнате размещались двенадцать человек. Пока она была в поле, тетя Нуржан, соседка, пожилая женщина, которая из-за возраста в поле не выходила, присматривала за девочками.

– Бедные, смогут ли они выжить? Тут и взрослые умирают от голода и болезней, как же они выдержат?! Хотя бы кто-то из их родни попал в эти края. И мать, несчастная, если жива, не знает, где ее дети. Бедная, бедная...

А эта девочка, сколько всего ей пришлось пережить ...

Сама еще дитя, ей бы сейчас учиться, баловаться, купаться в любви родителей, – качая головой, часто сокрушалась она, жалея девочку, оказавшуюся в Казахстане с двумя младшими сестренками на руках.

Работы было много, нужно было управиться в срок. Поясница болела, и Зайнаф с трудом пропалывала ряд за рядом, лишь слегка перекусив скудным обедом.

Она вспоминала родительский дом, далеко, вечность назад.

Вот отец, обнявший ее перед отъездом на фронт.

Она, полусонная, провожает маму с братом, затемно отъезжающих на телеге.

Грохот подъезжающих военных грузовиков.

Крики, слезы, суматоха, солдат, помогающий ей одеться и одеть плачущих сестренку; малышка, наспех закутанная в одеяльце, прижимаемая ею к сердцу.

Огромный грузовик, куда закинули их грубые мужские руки;

Поезд, движущийся по бесконечно длинной дороге, и неподвижный комочек в руках; она радовалась, что Айжаякь перестала плакать, не понимала, что та успокоилась навсегда; с трудом оторвали из ее рук безжизненное тельце, ей так и не сказали, куда подевали его потом;

Голод, голод, голод...

Душу ее одолевала тоска, а тут еще и боль досаждала, и слезы застилали глаза. Смахнув слезы кулаком, она взяла себя в руки и, продолжая работать, начала молить Бога:

– Я потерплю и эту боль, и тяжелую работу, Господи, только помогите нам, сделай так, чтобы когда-нибудь мы смогли увидеться с родителями и братом. Я потерплю. Я сделаю все, что Тебе будет угодно, только бы обнять маму, папу, Ануара. Я все выдержу...

О них она ничего не знала.

– Живы ли они, здесь или остались дома, жив ли отец, если жив – куда он отправился после окончания войны. Некоторые с фронта вернулись в ссылку, а о нем ничего не слышно...» – думала она.

За своими горькими рассуждениями она и не заметила, как стемнело. Уже невозможно стало различать траву и свекольную ботву. И только тут, разогнувшись, она увидела, что никого вокруг нет.

Все давно ушли с поля.

Девочка испугалась.

– Ну, ничего, дорогу знаю хорошо, о, Аллах, помоги мне! Как же я так задержалась?! – подумала она.

Впереди послышался шорох и тихое рычание. Подняв взгляд, Зайнаф увидела два зеленых огонька, уставившихся на нее.

Кто это?

И вдруг до ее сознания дошло – волк. (Здесь нередки были случаи, когда люди погибали от клыков волков.)

Голодные глаза следили за ней.

Она остолбенела.

За миг перед взором промелькнули, наезжая друг на друга, картинки ее короткой жизни.

Мысль работала с невероятной скоростью. Но что она могла сделать, одна, в поле, ночью.

В какой-то момент пришла мысль:

– Ну и пусть, по крайней мере, от всего разом отделаюсь.

Но тут перед ней встал образ девочек, ждущих ее, тех, для которых она была сейчас и матерью, и отцом, и сестрой...

– О, Аллах, помоги... Только бы вырваться отсюда...

Снова шорох. Огоньки медленно, как будто раздумывая, стоит трогать эту одинокую фигурку или нет, приближались. Потом замерли.

Вдруг страх прошел. Девочка, не мигая, не двигаясь, теперь уже совершенно уверенно смотрела в самое дно этих огней, постепенно увеличивающихся в ее сознании в размерах. Она как будто проникла в их глубину, растворилась в них.

– Я не имею права умереть сейчас. Понимаешь, не могу. Айжаякь умерла. Саният и Бахат не выживут без меня. Понимаешь? Уходи! Уходи. У тебя же есть дом! У тебя тоже есть дети! – волчата ждут тебя. Иди к ним. Иди! Саният и Бахат ждут меня. Отпусти меня к ним.

Волчица остановилась.

Как замороженная, долго, упорно, не отводя взгляда, смотрела она на это хрупкое существо, в котором чувствовала нечто близкое ей самой. Она стояла еще какое-то время, потом развернулась и засемила в сторону.

Когда зеленые огоньки взметнулись в сторону, и послышался шум удаляющихся шагов, Зайнаф пришла в себя.

Она не помнила, как оказалась дома, и только обняв своих родных, смогла осознать, что случилось.

А впереди были долгие годы спецпереселения, встреча с братом и матерью, возвращение на родину, замужество, дети и внуки, которые любят слушать ее рассказ о той волчице.

Галина ГОРБАЧЕВА

Колесо жизни

На колесо похожа жизнь
От первых дней к последним.
Оно летит то вверх то вниз,
Сидим на нем и едем.

Ни спрыгнуть, ни сойти нельзя,
Куда б ни шла дорога.
Мишина времени, друзья,
Увозит от порога.

Ее нельзя остановить,
Замедлить иль ускорить.
И ко всему готовым быть.
Ведь с нею не поспорить.

Взлетаем ввысь под облака,
И радуга искрится.
До солнца тянется рука, –
На месте не сидится.

И вот вершина, наконец,
С огромной полной чашей.
Но это вовсе не конец,
А продолженье наше.

Мудрее стал ты и смелей
И смотришь очень гордо.
Здесь ветер крепче и сильней,
Но ты стоишь так твердо.

Слегка захватывает дух,
Вокруг так чисто, ясно.
И громко произносишь вслух:
«Как наша жизнь прекрасна!»

Тишина

*Посвящается воину,
погибшему в Афганистане*

Грустная, далекая земля
Утонула в вечной темноте,
И сложилась песня в тишине,
Друг мой, это танец о тебе.
Вижу я тебя сквозь черный дым,
Только навсегда пропал твой след.
Ты ушел, оставшись молодым.
В двадцать лет последним был рассвет.

Припев: Белый танец, белый танец...
Я стою одна.
Надо мною в небе кружит
Желтая луна.
И оркестр все тише, тише,
Вот уж он совсем не слышен,
Потому что плачет тишина,
Это плачет, плачет тишина.

И, как прежде, свет в твоём окне,
Чуть от ветра ставенки скрипят.
И шумит, шумит зелёный сад,
Вспоминая песню о тебе.
Тишина... и звезды, и луна.
Тишина... и осень, и зима.
Я теперь одна и не одна,
Потому что плачет тишина.

Припев: Молча я стою у белых плит,
Тишина со мною говорит.
Минута молчанья...
Минута молчанья...
Вечный огонь горит,
Вечный огонь горит,
Память хранит о тебе.

Батал ШУЛУМБА

Маленький принц

Утро выдалось пасмурным. Солнечные лучи, едва успев согреть обитателей маленького городка, исчезли, уступив место вмиг собравшимся в одно большое, черное облако – тучам. Проснувшийся город вновь погрузился во тьму.

Начался ливень.

Из приспущенного окна стоявшего на обочине дороги такси вылетела недокуренная сигарета – знак того, что водитель больше не намерен ждать. Медленно тронувшись, машина стала удаляться, оставляя за собой две параллели на дороге.

Мальш, уткнувшись в пуховое одеяло ярко-оранжевого цвета, напомиравшее кожуру апельсина, сидел на подоконнике и почти без интереса наблюдал за действием на улице. Мысли его были заняты совсем другими вещами.

С раннего утра он так и просидел у окна, потому что совсем неудобно было спать на полу: приехавшая вчера тетя Люсия заняла его постель. Нет, он не ненавидел ее за это, а всего лишь немного злился, хотя и понимал: у тети Люсии больная спина, и ночь, проведенная на полу, для нее могла бы стать последней... ну, скорее для ее спины.

Мальш сам по себе был очень добрым и умным мальчиком. Но, как и все дети, пока многого не знал.

Из кухни донеслись знакомые звуки. «Мама начала печь булочки!» – пронеслась радостная мысль в голове мальчика. Каждое утро его мама пекла булочки, затем уносила их к метро на продажу. Полдня она стояла с подносом в руках и за гроши предлагала булочки. Редко у нее что-то оставалось, но когда пара булочек все-таки не находили своих поедателей, они по праву доставались малышу, который караулил маму у дверей.

Мальш почти всегда был дома. Но был ли он одиноким? Я не знаю.

Все время, пока мама готовила, мальш не заходил на кухню: знал, что она этого не любит и он ей мешает. А может, ей просто было больно, что приходится готовить для чужих людей, а не для своего ребенка...

Управившись с делами на кухне, мама стала спешно одеваться.

«Боже! Сколько же лет этой куртке, в которую она с мастерством фокусника, в мгновение просовывала руки», – думал мальш.

Все потрепанная, изношенная, прошитая! О, как ему хотелось сжечь эту куртку и купить маме теплое пальто: чтобы она больше никогда не садилась в последние ряды в церкви и автобусе, надеясь, что ее никто не заметит. Неожиданно к горлу малыша подкатил ком.

«Люсия! Пригляди за малышом, – голос матери вернул малыша в комнату. – Он у меня самостоятельный мальчик, но с тобой ему не будет скучно».

Мальш давно не говорил маме, как любит ее, как хочет ей помогать, ког-

да вырастет. Сейчас же ему очень этого захотелось, но не смог: что-то сдерживало его... Может, он думал, что матери сейчас не до него и она не хочет его слышать. Только после того, как хлопнула дверь, малыш сказал: «Пока».

Посмотрев в окно, он увидел, как забавно дождь барабанит по крышам, по раскрытым зонтам прохожих, которые бежали куда-то, как муравьи.

Похоже, малыш не знал, что в минуты одиночества все видится иначе...

Сзади неслышно к нему подошла тетя Люсия, она постаралась нежно погладить его по головке, но не получилось: малыш от испуга дернулся.

Тетя Люсия. Какой она была?

Как бы она того ни желала, к сожалению, в ней не было никакой мягкости, свойственной, казалось бы, всем женщинам. Ее знаки нежности были чем-то средним между самой нежностью и грубостью. У нее были мужские повадки, характер и голос.

«Ну что, сверчок! Всю ночь так и просидел у окна?» – сказала ехидным голосом Люсия, поправляя на себе до безумства длинную майку.

Разглядев ее при дневном свете, Малыш заметил, что его тетя стала намного больше; и просчитал, что срок жизни их дивана, где она ночью почивала, намного сократился.

«Да! Я всю ночь вас караулил, – ответил малыш, положив начало плану мщения за ее ехидность. – Я сидел у окна, чтобы грабители вдруг не забрались в дом и не утащили вас через окно», – продолжал наступление наш маленький герой.

Лицо тети моментально изменилось, она буквально полсекунды смотрела на маленькое окно; затем, вспомнив свое последнее отражение в зеркале, поняла, что мальчик только что ей здорово отомстил.

«Мой мальчик Генри, – начала процесс примирения тетя Люсия, – скоро Рождество, и ни один ребенок не хочет остаться без подарка», – ее слова прозвучали как ультиматум, который и стал решающим шагом в их примирении.

«Лучше пойдем на кухню, позавтракаем, потом тебе расскажу фильм, который смотрела у подруги», – предложила тетя. Идея пришлась малышу по вкусу. Он обожал слушать, как она увлеченно, с разными гримасами, передавала содержание картины; у нее даже голос менялся, отчего малышу было очень весело и забавно за ней наблюдать. Наблюдавшие со стороны наверняка сказали бы: «Они счастливы»...

Завтрак был окончен. Малыш достал свои комиксы про «принца городских улиц» и, уже в который раз, перенесся в мир удивительных картинок и приключений. Он с восхищением смотрел на своего кумира – Принца, который спасал маленьких гномов от злобных машин.

Вы даже представить себе не можете, как он хотел быть на его месте! Нет, не сомневайтесь, у него хватило бы храбрости и мужества защитить тех, кто нуждался в покровительстве Принца. Малыш был готов хоть сейчас приступить к своим обязанностям! Но у него не было главного – короны.

А вы видели принца без короны? Я – нет. Вот и наш малыш такого не знал.

– Что ты смотришь, Генри? – прервала его мысли тетя Люсия.

– Я хочу стать принцем городских улиц, – ответил он.

– Ты уже и так принц, мой мальчик. Для меня и своей мамы, – убедительно произнесла тетя.

– А тогда где моя корона?! – прозвучало от малыша почти в отчаянье.

– Генри, поверь, это не такая неразрешимая проблема. Погоди немного, в Рождество всегда бывают чудеса, – сказала тетя таким успокаивающим и, как никогда, мягким голосом, что Генри даже показалось, будто перед ним добрый дед Санта Клаус, правда, почему-то в образе его тети Люсии.

Вернувшись домой, мама принесла малышу целых три булочки. Малыш сел на свое любимое место около окна и стал с жадностью их уплетать. Но в секунду его внимание было переключено на соседского мальчика, который бегал по двору своего дома в ярко-фиолетовом плаще... и с золотой короной на голове. Та самая, с которой можно стать принцем... Малыш больше не хотел есть. Он все думал: как же так? Не могут на одной улице да еще и по соседству жить два принца! Такого не бывает, такого просто не должно быть! Крутилось все это в голове мальчика, пока от тяжести мыслей он не уснул, на жестком матрасе, расстеленном на полу.

А вы знаете, что значит для ребенка желанная игрушка? Нет, это не каприз. Это символ его фантазии, это составная часть жизни, в которой он живет. В жизни, где он еще может быть тем, кем захочет... Малыш не знал взрослой жизни, он был просто маленьким мальчиком, который решил стать принцем.

На следующий день малыш остался один. Тетя Люсия куда-то убежала, второпях, ничего ни сказав. Малыш присел около своего окна с куском душистого хлеба и любовался процессом подготовки к рождеству. Большие дома уже облачились в разноцветные гирлянды, многие деревья были украшены цветной бумагой.

Надеюсь, для Санты Клауса не имеет значения, в какой дом приходить, подумал малыш, оглядев свою невзрачную комнату. Решив, что пора немного прогуляться, малыш надел свою тоненькую курточку, коричневые ботинки, подаренные мамой на прошлое рождество. На улице было холодно, но малыша сразу заморозил нескончаемый поток людей с сумками, набитыми подарками. Лица прохожих были настолько радостными и счастливыми, что где-то внутри Малышу стало тепло...

Его взгляд оказался на соседском доме, где жил тот самый мальчик, второй, ненастоящий Принц. На колонне, у входа в дом, неаккуратно лежали плащ... и корона. Малыш решил, что именно в Рождество, когда исполняются все мечты, если он не станет Принцем, то он им никогда не сможет стать.

С этой мыслью, как только мог, как только могли его ноги, он кинулся к своей заветной мечте. Вмиг очутился рядом с короной, взяв ее в руки, он почувствовал себя счастливым... Принцем.

Пожалуй, никто и не заметил бы этого маленького превращения, если бы внимание всех прохожих не привлек визг тормозов и звук скользящей резины... выбегающий из машины таксист, схвативший себя за голову, прохожие, бросившие свои сумки и кинувшиеся в его сторону... крик женщины...

«Малыш! Генри! Ты меня слышишь, мой мальчик?! Генри!» – голос тети он узнал бы из тысячи других голосов. Рядом лежала ее сумка, из которой выглядывала золотистая, такая же красивая корона, как и та, которую он сжимал в руке.

«Каково быть принцем с двумя коронами», – едва успев пронестись, оборвалась мысль в голове у Генри.

Маленький мальчик, который может и был одиноким... мальчик, который просто хотел стать принцем... маленьким Принцем.

Елена ГУБАШИЕВА

Писатель и время: из истории кабардинской советской литературной критики

(к 100-летию со дня рождения Хачима Теунова)

История кабардинской литературной критики занимает одно из важнейших мест в литературной жизни КБР XX века. Опыт оценки нового писательского имени, нового текста, направления, владения разными способами сопоставительных разборов, квалифицированного направления читательских интересов был всегда востребован. Во все времена критика постоянно сопутствует литературе, осмысляет и, по сути дела, контурно воссоздает, оформляет историю литературы.

Судьба кабардинской литературной критики неразрывно связана с именем Хачима Теунова (1912–1983). После окончания Московского литературного рабфака (1932) и курсов редакторов политотдельческих газет при Московском институте журналистики (1934) Хачим Теунов начал заниматься журналистской деятельностью. Он писал очерки и статьи на самые различные темы в местные газеты, был корреспондентом «Комсомольской правды». Советская литература и литературная критика 30-х годов прошлого века отмечены созданием и внедрением концепции социалистического реализма, приведшей к унификации нашей культуры. Этот термин – «социалистический реализм» – и вложенные в него идеи определили на долгие годы судьбы отечественной словесности, давая литературным критикам право то распространять его на все произведения, произросшие на советской почве, то отторгать сочинителей, не вписавшихся в строгие каноны социалистического реализма.

В течение тринадцати лет (1938–1951) Хачим Теунов возглавлял Правление Союза писателей КБАССР. Он принимал активное участие в воссоединении кабардинских и балкарских советских писателей. Следует подчеркнуть, что большой союз кабардинских и балкарских писателей создавался не вопреки, а в соответствии с чаяниями и мыслями многих литераторов. Но когда речь заходила о литературной критике, писатели сетовали на то, что писательские репутации нередко зависят от критического своеволия. Речь шла о полном и безнадежном отсутствии серьезной критики. Итак, после объединения писателей в единый Союз, после сплочения их вокруг общей эстетической методологии, начинается литературная эпоха, при которой писатели Кабардино-Балкарии хорошо сознавали, что должны подчиниться некой программе творческого и человеческого поведения.

На протяжении многих лет – с 1930 до начала 1950 годов, кабардинская

советская критика была представлена преимущественно докладами и речами, партийными резолюциями и постановлениями. Литературная критика имела возможность реализовать свои творческие потенции в интервалах от одного партийного постановления до другого, и потому справедливо может быть названа партийной литературной критикой.

Даже писательская литературная критика, отмеченная обычно чертами индивидуальности, представляет в эти годы образцы речей и выступлений, соответствующих общему духу времени. Хачим Исхакович Теунов свою литературно-критическую деятельность начал с 1932 года. Он сотрудничал в таких местных газетах, как «Ленинский путь», «Социалистическая Кабардино-Балкария», а также на «Боевом участке», «Баканстрой» и др. Хачим Теунов осваивает традиционный жанр литературной критики – жанр очерка.

Первые очерки Хачима Теунова по преимуществу публицистические, выражающие злободневный интерес к определенному состоянию или тенденции развития социальной жизни в республике.

Очерки содержат общие рассуждения автора или героев, анализирующих или оценивающих изображаемую жизнь (например, очерк «Дружба», рассказывающий об изменившейся жизни после революции в родном селении писателя Арике; очерк «Кенженцы», в котором запечатлены приметы нового времени). Но бывает очерк чисто документальным, точно воспроизводящим реальные факты и явления, часто, однако, в сопровождении прямого истолкования или оценки автора. Такой очерк обычно рассматривают как жанр публицистики. Некоторые исследователи только его и считают подлинным очерком, а специфически жанровым признаком очерка – документальность. Расцвет очеркового творчества в истории кабардинской литературной критики советского периода возникает в 30–50-е годы XX в. Художественный и художественно-публицистический очерк стал одним из ведущих жанров Хачима Теунова. История кабардинской литературной критики, сравнительно слабо пока еще разработанная, включает представления об истории, этнографии, фольклоре, культуре, эстетике. Каждая эпоха выражалась в литературной критике. Развитию кабардинской литературной критики способствовала монография Х. Теунова «Литература и писатели Кабардино-Балкарии» (Нальчик, 1955)¹. Насущной задачей критики 1950-х годов становится определение перспектив историко-литературного развития, что требовало осмысления уже пройденного кабардинской словесностью и оценки состояния новой советской кабардинской литературы. Первая глава монографии так и называется «Пути развития кабардинской литературы» (краткий обзор).

Перевел обзорную статью с кабардинского языка В. Гоффеншефер². Обзор тоже является жанром литературной критики, который впервые ввел Хачим Теунов.

Писатель характеризует процесс становления устно-поэтического творчества кабардинского народа, от героического эпоса «Нарты» до исторических, лирических песен о Великой Отечественной войне. В критическом обзоре «Кабардинская письменная литература», которая примыкает к первой работе, рассматривается совокупность произведений таких кабардинских

¹ Теунов Х. Литература и писатели Кабарды. Нальчик, 1955.

² Гоффеншефер В. О задачах изучения кабардинской литературы и книги Хачима Теунова. В кн: Хачим Теунов. Литература и писатели Кабарды. Нальчик, 1955.

просветителей XIX в., как Шора Ногмов, Кази Атажукин, народный поэт Аргошоков, Амирхан Хавпачев, Бекмурза Пачев, Алим Кешоков, Али Шогенцуков, Зарамук Кардангушев, Зелимхан Аксиров, Адам Шогенцуков, Бетал Куашев и др.

Вторая часть монографии Хачима Теунова посвящена выдающимся деятелям духовной культуры адыгов – первого кабардинского историка и филолога Шоры Ногмова, основоположников кабардинской литературы Бекмурзы Пачева и Али Шогенцукова, патриарха кабардинской поэзии Алима Кешокова. Вошедшие в монографию художественно-публицистический очерк в переводе М. Киреева, называется «Свет с Севера» (Шора Ногмов).

В художественно-публицистическом очерке Х. Теунова «Свет с Севера» (Шора Ногмов), вошедшем во вторую часть монографии Х. Теунова «Литература и писатели Кабарды», творчески воссоздается художественный образ великого просветителя Шоры Ногмова, жившего во второй половине XIX века.

В художественном образе Ш. Ногмова, воссозданном Х. Теуновым, слиты объективно-познавательные и субъективно-творческие начала.

По Гегелю, художественный образ стоит «...посредине между непосредственной чувственностью и принадлежащей области идеальной мысли» и представляет в одной и той же целостности как понятие предмета, так и его внешнее бытие»¹.

Художественная специфика образа определяется не только тем, что он отражает и осмысливает существующую действительность, но и тем, что он творит новый, небывалый, вымышленный мир.

В своей книге Хачим Теунов стремится понять и объяснить художественные произведения. Его литературоведческие труды можно отнести к писательской критике. В творческой практике Х. Теунов следует традициям русской писательской критики.

Писательская критика подразумевает литературно-критические и критико-публицистические выступления писателей, основной корпус творческого наследия которых составляют художественные тексты (в России это, к примеру, литературно-критические статьи, рецензии В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Н. А. Некрасова, Ф. М. Достоевского, И. А. Гончарова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. С. Лескова, А. А. Блока, Д. С. Мережковского, О. Э. Мандельштама, Н. С. Гумилева, А. М. Горького, Б. Л. Пастернака, А. П. Платонова, А. Т. Твардовского и мн. др.). В творческой практике некоторых авторов складывается относительное равновесие между поэтическим и литературно-критическим творческим (А. С. Хомяков, И. Аксаков, Ап. Григорьев, Ин. Анненский, К. Чуковский).

Итак, Хачим Теунов определил дальнейший путь развития кабардинской литературной критики в книге «Литература и писатели Кабарды» и первый высказал следующие суждения:

1. О «быстром» (ускоренном) развитии кабардинской литературы;
2. О влиянии русской классической литературы на ускоренное развитие кабардинской литературы.

Начинания Х. Теунова получили свое продолжение в критической деятельности многих литературоведов КБР.

¹ Гегель Г. В. Ф. Эстетика. Т. I. М., 1968. С. 44; Т. 3. М., 1971. С. 385.

ОТАРОВ Керим Сарамурзаевич

В поэзии Отарова в полной мере нашла отражение та эпоха, в которой он жил и творил, со всеми ее достижениями и противоречиями. Как и его народ, он испытал тяготы несправедливой депортации. В его творчестве нашли отражение мотивы долгой разлуки с родной землей, долгой тоски по ней. Он создавал своеобразную летопись жизни своих современников.

Несмотря на пережитое, поэт не сетует на судьбу, не брюзжит. Он пишет о том, что судьба то делала его несчастным, то счастливым, то «радостью пытала, то – бедой». Но несмотря на то, что на жизненном пути ему «крепко доставалось», поэт ценит жизнь, относясь к ее коллизиям философски.

Личная судьба поэта переплелась с судьбами многих людей. Он старался показать большой и трудный путь, пройденный народом, всегда верил в свой народ и не отделял свою судьбу от его судьбы.

Но все же над всем трудным и горестным преобладают в поэзии Отарова уверенность в бессмертии жизни, преемственности поколений, чувство ответственности за судьбы людей, народа. Его не покидает мужество перед лицом любых испытаний. В его стихах – сдержанность и суровость человека, который много пережил. Герои его стихов никогда не падают духом, отличаются большим жизнелюбием. История родной страны, все большие перемены в ней, неповторимые особенности времени, в котором жил поэт, находят отражение в его поэзии.

Керим Сарамурзаевич Отаров (1912, пос. Гирхожан, Баксанское ущелье, 1974, Нальчик, КБР), – балкарский поэт.

Керим рано остался без отца. С детских лет проявлял большой интерес к художественному слову и народному творчеству. После окончания учительских курсов и Нальчикского педагогического техникума при ЛУГе (1934) он несколько лет преподавал балкарский язык в школе, работал преподавателем балкарского языка и литературы в медицинском и педагогическом техникумах, в Высшей коммунистической сельскохозяйственной школе. В это же время приобщается к литературному творчеству. На формирование поэта большое влияние оказала русская литература, особенно творчество М. Лермонтова и С. Есенина.

В первые же дни Великой Отечественной войны Отаров добровольцем уходит на фронт. В 1943 г. после тяжелого ранения был демобилизован и вернулся домой. За боевые заслуги был награжден орденом Красной Звезды и медалями.

За долгие годы творчества поэтом издано более двадцати сборников на балкарском и русском языках.

Отаров известен как переводчик на балкарский язык произведений классиков русской поэзии: А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Некрасова, Т. Шевченко, В. Маяковского, А. Твардовского, М. Исаковского и др.

За творческие достижения и заслуги перед балкарской литературой Керим Сарамурзаевич был награжден орденом Трудового Красного Знамени, ему было присвоено почетное звание народного поэта КБР.

БАЛКАРОВА
Фаусат Гузеровна

Фаусат было всего 14 лет, когда в газете «Кабардинская правда» было опубликовано ее первое стихотворение «Шу» (Всадник). Тогда же его положили на музыку – песня стала популярной. В 1958 г. выходит первый сборник стихов. Книжки, изданные на кабардинском языке, были переведены на русский и изданы в Москве. Ее стихи переведены не только на разные языки стран СНГ, но и на английский, арабский, венгерский, немецкий, испанский, турецкий, польский, чешский и др.

Фаусат Гузеровна Балкарова (27.03. 1932 г., сел. Кишпек Баксанского р-на КБР – 20.05.2009 г. Нальчик), – первая адыгская поэтесса. По окончании средней школы заочно училась в педучилище и затем в КБГУ. В годы учебы в университете она становится консультантом по вопросам культуры в Совете Министров Кабардино-Балкарии. На четвертом курсе заочного обучения в КБГУ поступает в Литературный институт им. Горького и с отличием оканчивает его (1957–1960). По завершении учебы – редактор отдела журнала «Юашхъэмахуэ». С 1967-го по 1970 г. – очная аспирантура в КБГУ. С 1971-го по 1978 г. – старший научный сотрудник КБНИИФЭ. Здесь завершается работа над диссертацией на соискание ученой степени кандидата филологических наук по теме «Становление кабардинской драматургии». Член Союза писателей СССР (1959), ей присвоено почетное звание «Народный поэт КБАССР» (1982), она – лауреат премии Союза писателей РФ.

Поэзия Фаусат Гузеровны богата символами, что характерно для кавказского художественного мышления. Тема покоренной высоты – преодоление препятствий извне, но главное – в самом себе: достижение нового уровня сознания семантически фокусируется в таких символах, как холм, высота, вершина: («Холм», «Высота»). Взволнованно, глубоко прочувствованно звучат стихи о своем поэтическом призвании. Этой теме посвящены стихи «Родина», «Радуйся мне, золотая заря», «Долго шла я к тебе» и др.

Балкарова достигла высокого мастерства в большом поэтическом жанре. Она – автор множества прекрасных поэм. Более восемнадцати из них переведены на русский язык. Они касаются больших социальных, исторических, лирических, личных проблем, но доминирующей является судьба женщины-кабардинки. Через постижение своей «малой» родины Фаусат Балкарова вырастает до глобального осмысления Вселенной: ощущение это не локализовано, оно – беспредельно: «Устремляешься в космос ты, / На луне твои дети встанут» («Родина в полете»).

За долгие годы творчества Балкарова сложилась в высокопрофессионально-оригинально мастера поэтического слова. Понимание сложной противоречивости жизни, яркое восприятие феноменальных жизненных конфликтов придают особенную глубину ее оптимизму и жизнеутверждающей вере. Счастливая полнокровная жизнь, радость бытия, глубокая преданность национальным традициям, своей земле и народу, любовь и сочувствие людям мира, полнота женской любви, страстное материнское чувство и ответственность за все на свете – вот только некоторые аспекты огромного многоликого поэтического мира поэтессы.

ЖУРТОВ
Биберд Кумыкович

Журтов Биберд Кумыкович (1937–2003, с. Аушигер Советского р-на КБР) – кабардинский прозаик, драматург. В 1964 г. окончил историко-филологический факультет КБГУ. Работал литературным сотрудником газеты «Ленин гъуэгу», затем корреспондентом, старшим редактором Кабардино-Балкарского Гостелерадио. С 1982-го по 2003 г. был редактором отдела детского журнала «Нур».

В 1991 г. ему присвоено звание «Заслуженный деятель искусств КБР». С 1962 г. – член Союза журналистов СССР, с 1980 – член Союза писателей СССР.

В прозе Журтова с любовью описываются народные обычаи, нравы, традиционный быт адыгов. Он нашел свой собственный стиль в историко-революционной тематике. Социальная активность его персонажей определяется не возрастающим классовым сознанием, а исторической неизбежностью выбора своего пути в необычной обстановке. Журтов убеждает, что зло вызревает не в классовом противостоянии, а в извращенном понимании сути противоборства.

В драматургии писателя отразилось многое из пережитого им в детстве и юности. Большинство пьес Журтова – сатирические. С тонким чувством юмора высмеивает автор меркантильность, алчность, ханжество своих современников. В сатирико-юмористических пьесах главный герой выступает как незаурядный рассказчик, которому сопутствует неизменный успех. Достаточно назвать полюбившийся читателям и зрителям образ старика-балагура Хацу Маленького из пьесы «Си унэц1э дыдэр» (Моя настоящая фамилия), имя которого стало нарицательным.

Комедия Журтова «Трудный долг» о том, как потерпела жизненное крушение девушка Марят в погоне за красивой жизнью. Человек, за которого девушка пошла бы не оглядываясь, оказался подлецом, жуликом, вовлекшим ее в неблагоприятные дела. Но это лишь занимательная сюжетная канва, говорящая о более серьезных вещах – о вере в то, что можно быть свободным «от всего»: от людей, от дома, от каждодневных забот, от обязанностей, от дружбы, от трудностей. Такое отношение к жизни ошибочно, оно лишает ее смысла. К этому приходят герои пьесы. Однако за постижение этой истины они платят слишком дорогой ценой.

Пьесы Журтова говорят о том, как важно вовремя увидеть главное в судьбе человека, который рядом с тобой, о том, как необходимо всем нам душевное тепло, о том, как не надо скупиться на хорошие, добрые слова, душевную чуткость к людям, которые нас окружают. «Это нужно каждому из нас», – утверждает драматург и заставляет задуматься: всегда ли мы помним, что жизнь быстротечна, не размениваем ли ее на пустяки, не принимаем ли порой показной блеск за истинные чувства. «Над всем этим стоит поразмышлять», – призывает автор.

Журтов известен и как переводчик. Им переведены на кабардинский язык произведения А. Толстого, М. Шолохова, Ч. Айтматова, Н. Думбадзе, М. Карима.

Хусейн ЗАНКИШИЕВ

Я ШЕЛ ПО ДОРОГАМ ЖИЗНИ

Отрывок из повести

Стояла ранняя сухая осень 1965 года. Стояли жаркие дни второй жатвы, как окрестили уборку кукурузы. Все силы города и села были направлены на скорейшее завершение осенней страды. Тогда Кабардино-Балкария собирала самые богатые урожаи кукурузы в стране, обеспечивала многие регионы огромного Советского Союза семенами. Постепенно за ней закрепилось название «кукурузной республики».

Прости меня, дорогой читатель, за экскурс в недавнее прошлое. Мне кажется, без этого был бы неполным рассказ, который я собираюсь поведать тебе. Редактор «Кабардино-Балкарской правды» Борис Петрович Черемисин был верен духу и букве своего времени. Четко придерживался линии обкома партии, органом которого являлась руководимая им газета.

Так, сентябрьским утром редактор распределил нас по районам. Мне достался Баксанский район, точнее, районное управление сельского хозяйства, как было тогда. Подписывая командировочное удостоверение, Черемисин поставил передо мной жесткие условия: «Все десять дней будешь находиться там. Разрешаю приезжать по вечерам домой, чтобы за ночь мог отписаться, а утром сдать материал на машинку».

Моя командировка, как обычно, проходила нормально... Я собрал факты для очередного номера газеты и уже шел к остановке. Не успел ступить на трассу, как в нескольких метрах от меня резко тормознула «Волга». Остановился и «Москвич», шедший за ней. Из машин вышли мои старые приятели. Они были одеты празднично, их лица сияли, настроение у всех было приподнятое. Я понял, что мои приятели собрались на какое-то торжество, и не ошибся.

Первым ко мне подошел редактор газеты «Коммунизмге жол» («Заман») Черкесов Сарби Маштаевич. Пожимая мне руку, он сообщил радостную весть:

Хаким Сафарович Депенуев – заместитель командующего войсками Туркестанского, Среднеазиатского военных округов, кавалер орденов Ленина, Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды, двух орденов Красного Знамени, ордена Трудового Красного Знамени и высоких правительственных наград Югославии и Польши

– Едем к генералу Хакиму Деппуеву, который отдыхает в Кисловодске. Садись в машину. Ты же давно мечтаешь встретиться с ним...

Предложение было заманчивым. Я много слышал и читал об армейском генерале из Кабардино-Балкарии Хакиме Деппуеве. И вот, наконец, я на пороге осуществления своей давнишней мечты. Через час-другой могу встретиться с прославленным танкистом! Это радовало и звало меня в дорогу. Но в то же время сдерживало, останавливало то, что завтра утром я должен сдать материал в номер, который я напишу этой ночью. А Сарби Маштаевич все настраивал на поездку:

– Не упускай возможности повидаться с генералом. А статью напишешь после возвращения из Кисловодска. Мы же не собираемся ночевать там... А не успеешь в этот номер, она пойдет в следующий...

Горячее желание встретиться с генералом из нашей республики и уговоры старших товарищей взяли верх над мучившим меня «если вдруг...».

...Впервые имя Хакима я услышал весной 1956 года. После исторического XX съезда КПСС, разоблачившего культ личности Сталина, подул свежий ветер демократии. Облегченно задышали спецпереселенцы. Я помню, когда в Киргизии вышла на карачаево-балкарском языке книга с патриотическим названием «Жашауубузну байрагъы» («Знамя нашей жизни»)! Этот поэтический сборник был дорогим подарком для бесправных горцев Кавказа, которые со времени депортации не имели своего печатного издания на родном языке. Здесь я и прочитал стихотворение Кайсына Кулиева «Дивизияны командири Деппуев Хахимни жыры» («Песня командира дивизии Хакима Деппуева»).

Мы, пацаны-балкарцы, ходившие в киргизские и русские школы, из рук в руки передавали эту «Первую ласточку» на нашем языке. Скажу больше. Мы, старшекласники, по вечерам, усевшись на траву, что росла по берегам арыка, организовывали громкие читки стихов карачаево-балкарских поэтов. А к «Песне командира Деппуева» был особый подход. Исхак Гузеев, Хызыр Таукенов, Ахмадия Маммеев, Хамит Малкондуев, Камо Курманов, Жамал и Кемал Гузеевы, построившись в два ряда, маршировали под известную мелодию. Кто-то из мальчишек поочередно исполнял роль балкарского военачальника Хакима Деппуева, ведя команду вдоль арыка: «Раз, два, три...».

Людям старших поколений те далекие картины из нашего детства на чужой земле покажутся смешными. Но что было, то было. Тогда все одинаково радовало нас, детей спецпереселенцев: и реабилитации наших родителей, и выход книги на родном языке, и популяризация видных национальных кадров... Ведь возвращение на землю предков, возрождение культуры и искусства моего народа началось с тех незабываемых дней и событий.

Прошли десятилетия. Жизнь на исторической родине претерпела радостные перемены. Время, этот справедливый ценитель творческого труда, определило долгую жизнь стихотворения Кайсына. На его слова Омар Отаров создал чудесную песню, вдохновенно исполнив ее. «Песня о командире дивизии Хакиме Деппуеве» попала в «золотой фонд» республиканского радио.

Но, к сожалению, К. Кулиев не оставил нам русского варианта, что украсил бы рассказ о нашем легендарном генерале. Пусть простят меня русские читатели за то, что я вынужден включить в книгу слова «Песни» на родном языке:

*Жигитлик бла игилик – бирди,
Сен – жигитлени бирисе
Дивизияны аллында, кызыл
Байракъ тюбюнде жюрюйсе.
Халкъ жырлар кибик, жыр этилирге
Хар адам болмайд тийишли,
Жыр игилени, жыр жигитлени
Болад дуняда юлюшю.
Игеледенсе, жигитледенсе,
Къулдукъ этесе кыралгъа,
Андан этеме ма бу жырымы
Мен ана тилинде санга.
Таймай бийикде тутуп келгенсе
Сюйген халкъынгы намысын.
Мен жырым бла иеме санга
Битеу халкъынгы алгъышын.
Жолунг жигитликге элтсин дайым,
Хорлаугъа элте барсын,
Сени жолунга бир заманда да
Къара къанатлы къонмасын,
Сени жолунгу хар заманда да
Насыбны кюню жарытсын,
Жарыкъ болсунла кеченг, кюнюнг да,
Тангынг къууанч бла атсын.
Сен – таулуланы бек игисисе,
Санга къууана жашайбыз,
Сени ёмюрюнг узакъ болсун! – деп,
Биз жырны алай бошайбыз.*

Но вернемся к той волнующей встрече с Хакимом Деппиевым в Кисловодске. Мы, никогда не видевшие друг друга, обнялись крепко, как старые друзья. Обнялись так, как обнимаются отец с сыном после долгой разлуки. Держа мою руку в своих теплых ладонях, генерал спросил:

– Как там Кайсын?

– Он – в зарубежной командировке, – ответил я.

Хаким Сафарович вопросительно посмотрел мне в глаза.

– Можно я приглашу на нашу встречу знакомого генерала?

– Поступайте так, как Вы считаете нужным, – вырвалось у меня.

Вскоре Деппиев вернулся с мужчиной атлетического телосложения, которого под руку вела женщина высокого роста. Я догадался: «знакомый генерал» явился с супругой.

В непринужденной обстановке за обильным балкарским столом (на-

циональные блюда мы привезли с собой и организовали стол) произносились прекрасные тосты. Наконец, слово взял «знакомый генерал». А когда он произнес тост, мы были ошеломлены: «Хаким Сафарович Деппуев – один из лучших моих генералов. Спасибо балкарскому народу, вырастившему такого сына, горячего патриота нашего Отечества!».

Мы удивленно переглянулись, поняв, что перед нами выступил крупный военачальник. Позже я узнал, что «знакомым генералом» оказался сам командующий войсками Туркестанского военного округа генерал-полковник Н. Лященко. Опережая события, напоминаю, что через два года после той встречи «знакомый генерал» поздравил своего заместителя с полувековым юбилеем Страны Советов и награждением его орденом Ленина. Это случилось 1 ноября 1967 года.

Знали, ценили, любили Х. С. Деппуева в аппарате министерства обороны СССР, маршалы Советского Союза. Вот какую телеграмму направил в те праздничные дни в его адрес Маршал Советского Союза А. Гречко:

«Хаким Сафарович! Сердечно поздравляю Вас с 50-летием Великой Октябрьской социалистической революции.

Желаю Вам доброго здоровья и дальнейшей плодотворной работы по укреплению Вооруженных Сил, на благо советского народа, во имя торжества коммунизма в нашей стране.

Министр обороны

Маршал Советского Союза – А. Гречко».

«ПОБЕДИТЬ ИЛИ ЛЕЧЬ КОСТЬМИ...»

Очерк

Памяти М. О. Башиева

Огурлу, значит, добрый...

Нас разъединили. Не стало огромного, могущественного Советского Союза. Но время, прошедшее после распада нашей державы, показало стремление народов к совместной жизни, к единству. Именно единство, могущество страны позволило выстоять и победить в Великой Отечественной войне. Победа была добыта общими усилиями всех граждан державы и общей останется навсегда. И люди помнят своих героев, в каких бы республиках и странах они ни жили.

Вот один из примеров. В газете «Советская молодежь» была опубликована любопытная заметка руководителя поисковой группы школы № 50 города Херсона А. Цитрона. В ней говорилось: «Навечно останется

в памяти подвиг славного сына Кабардино-Балкарии Федора Куянцева, совершенный им в годы войны на юге Украины.

Артиллерист Куянцев вел бой в течение двух часов против целой вражеской роты, но фашистов не пропустил. После боя его товарищи увидели вокруг павшего советского воина трупы 32 гитлеровских солдат и двух офицеров, два станковых и шесть ручных пулеметов, другое оружие. Федор Куянцев за этот бой на Херсонщине посмертно был награжден орденом Отечественной войны первой степени.

Геройски сражался и другой славный сын Кабардино-Балкарии – Магомет Огурлуевич Башиев. Он был комсоргом батальона. При штурме Сапун-горы у Севастополя первым поднялся в атаку. Три ордена Отечественной войны и семнадцать медалей – убедительное свидетельство боевых заслуг уроженца Черекского района Магомета Башиева».

К счастью, ему повезло: назло всем смертям, с тяжелым ранением он вернулся с кровавых полей живым. Рана оказалась не из легких, врачи не решились извлечь осколок. И металл сидел в теле фронтовика до его последних дней, все чаще напоминая о себе.

С Магометом Огурлуевичем Башиевым я беседовал за несколько лет до ухода его из жизни. Он сказал тогда: «Годы берут свое. Сегодня у меня уже нет той молодецкой удалы, хватки, сноровки...»

Но до последнего дня Башиев сохранял подтянутость, аккуратность и ясность мысли. Не по годам крепкая была память у ветерана. Говорил Башиев тихим, ровным голосом, медленно, делая длинные паузы. При этом порой он мысленно уходил в далекую юность, в родные горы...

Родился Магомет в Черекском районе, в ауле Зарашки. У него были три брата и сестра. Отец, Огурлу, стремился обеспечить семью всем необходимым, хотел, чтобы его дети получили образование, верой и правдой служили своему народу. Аульчане уважали и ценили Огурлу за доброту и честность. В данном случае было полное соответствие имени и поступков – «Огурлу» в переводе с балкарского – добрый.

В тридцать седьмом аульчане проводили в последний путь Огурлу Башиева. Магомету тогда едва минуло пятнадцать. Лишенный отцовской поддержки, он не опустил руки, учился прилежно, старательно. В сороковом окончил педучилище. Работал в райкоме комсомола, заведовал орготделом, был инициатором многих хороших дел. Но вот грянула война...

Магомет Огурлуевич рассказывал:

– Дежурный по райкому сообщил, что немцы напали на нашу страну. Мы разбежались по домам. Сборы были недолгими. Через день забрали в армию одного из моих братьев – Адрахмана. Службу он начинал в

**Башиев
Магомет Огурлуевич**

Майкопе, в четвертом кавалерийском корпусе. Забегая вперед, скажу, что до последних пор мы ничего не знали о его судьбе, и только недавно в газете «Заман» я обнаружил имя брата в списке погибших. А погиб он, оказывается, в сорок третьем. На восьмой день войны забрали старшего брата Зашку. Последним ушел на фронт я. Старшим мужчиной в доме остался несовершеннолетний брат Хызыр, на попечении которого были теперь мать Налмас и сестра Фатимат.

«Рота! Слушай мою команду!»

Магомет Башиев попал в 448-й отдельный батальон 417-й дивизии. Она входила в состав третьей гвардейской армии. Боевое крещение получил под Моздоком. Вместе с другими воинами он стойко сдерживал натиск немцев, рвавшихся к грозненской и бакинской нефти. На всю жизнь запомнились Башиеву бои за Моздок. 20 сентября 1942 года фашисты неоднократно атаковали позиции красногвардейцев. Но, слегка потеснив части, враг не смог добиться успеха. К десяти утра Моздок был очищен от оккупантов.

Так начался боевой путь сына балкарского народа, прошедшего в составе нескольких фронтов от Терека до Югославии. Магомет принимал активное участие в освобождении многих городов и селений.

Даже в самые трудные дни борьбы с коварным врагом наши воины находили время для хорошей, душевной песни, искрометного танца. Армейские поэты выступали с новыми стихами, вспоминал Башиев. Так, дивизионный поэт Павел Вяжевич написал стихотворение «Вперед, вперед!», ставшее потом любимой песней дивизии:

*Где мутные воды хлестали о берег,
В долине шел бой, и суров и жесток, –
Ты билась у Терской, сражалась за Терек,
Ты первой вступила в горящий Моздок.*

Победа под Моздоком окрылила бойцов, укрепила их веру в разгром врага. Преследуя гитлеровцев, Башиев и его фронтовые товарищи продвигались вперед, на запад. Но за каждый населенный пункт, за каждую пядь родной земли приходилось ожесточенно драться. И никто не знал, да и не мог знать, где, на каком участке оборвется его жизнь. «Во что бы то ни стало выполнить приказ командира – вот о чем мы думали прежде всего на войне, – продолжал вспоминать Башиев, – там нет гарантии, что вернешься с очередного задания живым и невредимым...»

Не раз встречался Магомет лицом к лицу со смертью, и каждая встреча могла оказаться последней. Например, он мог погибнуть в одном из боев под Сталинградом, где под ураганным обстрелом многократно налаживал телефонную связь между командным пунктом и частями первого эшелона.

...Храброго связиста, комсорга батальона, направили на краткосрочные курсы по подготовке политсостава. Вернулся Башиев в свою часть в звании лейтенанта и стал комсоргом стрелкового батальона 1376-го

полка. Вскоре он отличился в сражении за Кантемировку. Магомет личным примером вдохновлял бойцов и вскоре был выдвинут на должность комсорга полка.

Река Молочная, города Мелитополь, Перекоп, Чонгар, полуостров Крым... На всю жизнь запомнил их Башиев. Особую зарубку в памяти оставил у него Крым.

Стояла ранняя весна сорок четвертого. Шел густой влажный снег. С востока дул холодный ветер, и снежные хлопья слепили глаза фашистам. Полк, в котором служил Башиев, утром захватил плацдарм на противоположном берегу реки. Но враг предпринял контратаку, применив мощную боевую технику. Наши воины успешно отразили ее, уничтожив сразу десять танков противника.

Расширив плацдарм и перегруппировавшись, продолжали наступление. Наткнувшись на минное поле, залегли, ждали, пока саперы и переправившиеся с трапами танки проделали проходы. И все это происходило на виду у гитлеровцев, которые с высоты вели шквальный огонь. Надо было подавить огневые точки противника. Кто выполнит это опасное задание? Комсорг полка Башиев с группой смельчаков пошел в обход дзотов на высоту. Пустили в ход гранаты, и оба дзота, наконец, замолчали. Солдаты ворвались на высоту и уничтожили оставшихся в живых гитлеровцев. Путь для дальнейшего наступления был открыт. Вечером освободили город Джанкой, а через три дня и Симферополь.

Предстояли ожесточенные бои за Севастополь – город русской морской славы. Подступы к нему прикрывала Сапун-гора. Здесь, у легендарной горы, Магомет вновь отличился, проявив героизм. Случилось это 17 апреля 1944 года. Сперва потрудились артиллерия и авиация, которые в течение часа обрабатывали позиции фашистов. После этого дивизия начала штурм. Враг упорно сопротивлялся.

А когда героически погиб командир роты старший лейтенант Ткаченко, Башиев встал во весь рост и крикнул:

– Рота, слушай мою команду! Вперед!

Резким броском рота достигла подножия Сапун-горы. Фашисты пошли в рукопашный бой, в котором Башиев убил четырех гитлеровцев. Но вражеский пулеметчик, продолжая строчить, не давал бойцам поднять головы. Башиев установил место, откуда тот вел огонь, и решил его уничтожить. Вместе с двумя бойцами он пополз туда, откуда бил фашист. После короткой схватки пулемет был уничтожен.

– На второй день я очнулся на раскладушке в лесу, – рассказывал Башиев, – и больше ничего не помню. Не помню, как меня подобрали. Ранение оказалось серьезным. Долгое время лежал в госпитале...

Встреча с Кайсыном

Шли бои за освобождение Крыма. Темной апрельской ночью Башиев форсировал «гнилой Сиваш», как назвал это мертвое озеро Кайсын Кулиев. Он тоже переходил вброд холодный Сиваш, только в другой день и с другой группой бойцов. Героям этого легендарного перехода замечательный

поэт-фронтовик посвятил целый цикл прекрасных стихов, объединив их под общим названием «На Сиваше».

*Ночной Сиваш перед нами.
По горло в воде
батальоны,
Неярко белеют звезды,
вода тиха и черна,
Есть только два варианта:
победить или лечь
костьми.*

Магомет Огурлуевич рассказывал:

– Я иногда читал газету нашей 51-й армии «Сын Отечества». В ней печатались стихи и статьи моего даровитого земляка Кайсына Кулиева. Я догадывался, что он служит где-то рядом, недалеко. Но фронт большой, как разыскать любимого поэта? Позвонил в штаб нашей армии, где мне дали координаты Кайсына. Я застал его в землянке, он писал материал для газеты. Радость встречи была омрачена известием об изгнании нашего народа с исторической родины. Кайсын сказал тогда: «Это произвол, каких мир не знал! Но даже самый малочисленный народ живучее любого тирана!.. Мы еще вернемся к тебе, милая Балкария! А пока надо гнать гитлеровских головорезов со священной советской земли».

– Я так и делал, пока не был ранен, – рассказывал Башиев спустя много лет. – Последний раз лежал в госпитале в Днепропетровске. Когда поправился, наша часть уже воевала на территории Болгарии. Но быстро нашел боевых друзей.

Потом бились с фашистами в Югославии, Австрии, Венгрии, Чехословакии. И через полвека я не забыл радушие, гостеприимство югославских друзей. С какой радостью встречали они нас! Там я был удостоен ордена Отечественной войны. Имею также правительственные награды за взятие Вены и за освобождение Праги. До сих пор снятся мне бои в районе венгерского озера Балатон, на берегу которого погибли мои фронтовые товарищи.

Победу Башиев встретил на земле Чехословакии. Он был с теми, кто после девятого мая добивал остатки гитлеровцев под Прагой.

– Позднее в составе сорок шестой армии нас везли на восток, – продолжал свой рассказ Магомет Огурлуевич. – Предстоял разгром милитаристской Японии. Но воевать с японцами мне не пришлось. Победа застала нас в пути. Повернули назад. В Красноярске дислоцировалась наша часть. Демобилизовался я в конце 1946 года. Потом мучительно долго искал своих родных в степях Средней Азии...

Из одного металла льют...

Пока Башиев и его земляки воевали, их отцы и матеря, жены и дети, весь народ насильно были вывезены в степи Казахстана и Средней Азии.

«Отец народов» не пощадил и инвалидов войны, награжденных орденами и медалями.

Вместе со всеми была депортирована и Налмас Хуртуевна Башиева, воспитавшая и благословившая на защиту Родины своих сыновей Зашку, Адрахмана и Магомета. Зашка вернулся домой инвалидом, Адрахман пал смертью храбрых. И вот он, Магомет, сын Налмас, солдат-победитель, долго искал своих родных. Наконец, нашел их в колхозе имени Чапаева Наукатского района Ошской области. Теплая встреча. Слезы радости...

Вчерашний фронтовик включился в мирную жизнь. Работал заместителем председателя областной промкооперации, директором мебельной фабрики, строительством которой руководил. По его инициативе был построен стекольный цех в Оше, обеспечивший посудой всю область. Его направили на годовичные курсы при ЦК партии. После возвращения в Нальчик Магомета Огурлуевича назначили директором промкомбината, который он преобразовал в кожгалантерейную фабрику.

В течение шестнадцати лет Магомет Огурлуевич был министром бытового обслуживания населения Кабардино-Балкарии. Здесь полностью раскрылись его организаторские способности.

К трем орденам Отечественной войны майора запаса Башиева прибавились ордена Трудового Красного Знамени и Дружбы народов. Поистине, «из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд»!

Но и после ухода на пенсию Магомет Огурлуевич Башиев не знал покоя. Много времени и сил он отдавал военно-патриотическому воспитанию подрастающего поколения. Тепло встречали героя минувшей войны в школе № 14 города Нальчика. С большим интересом слушали мальчишки и девчонки бывшего фронтовика, восхищались подвигами Башиева и его однополчан.

Ждали Магомета Огурлуевича и в средней школе № 10. Здесь частенько собирались ветераны 417-й дивизии. Той дивизии, где прошла боевая молодость Башиева. Не случайно он был избран председателем Совета ветеранов этой дивизии.

Да, старый воин дорожил встречами в кругу однополчан, боевых друзей. А дома его ждали дети, внуки. Магомет Огурлуевич и его жена Абидат Шииховна вырастили троих детей.

Итак, все, как и должно быть в жизни. У детей Магомета Огурлуевича растут свои дети. Род Башиевых продолжается. «У меня четыре внука и две внучки, – радовался глава семейства, – они так дороги мне. Им нет цены! За это стоило жить и бороться...»

Да, Башиев в жестокой борьбе отстоял право на долгую и счастливую жизнь. Жить бы да жить в кругу своих детей, внуков, правнуков этому мужественному, доброму, уважаемому в республике человеку. Но смерть беспощадна...

24-го июля 1997 года перестало биться мужественное и доброе сердце М. О. Башиева.

Светлая же память о Магомете Огурлуевиче навсегда осталась с нами.

Борис ЕВГЕНОВ

Борис Терентьевич Евгений – командир корабля МИ-8 (вертолет), двадцать пять лет летал на трассах Севера – Красноярского края, налетал более 15-ти тысяч часов, награжден орденом Красного Знамени.

Ко Дню воздушного флота России

Посвящается другу

Порой с тоскою смотришь в небо,
Глаза, как в юности, горят.
Не полететь тебе, как прежде,
И не вернуть тех лет назад.

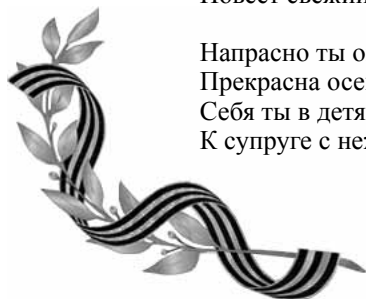
Все двадцать пять – в Аэрофлоте.
Ты в небо соколом взлетал,
Парил, кружил, любил МИ-8,
На трассах Севера летал.

Тебе «вертушка» подчинялась,
Ты классно ею управлял,
В туман, в нелетную погоду
На запасной ее сажал.

Бывал и в страшных переделках,
Но оставался жив всегда.
Хранила и спасла от смерти
Тебя счастливая звезда.

Промчится осень золотая,
Заглянет к вам на огонек.
Листвой дорогу осыпая,
Повеет свежий ветерок.

Напрасно ты опять вздыхаешь,
Прекрасна осень, улыбнись!
Себя ты в детях повторяешь,
К супруге с нежностью прижмись.

Геннадий КОММОДОВ,
*основатель школьного
историко-краеведческого музея,
руководитель поисковой работы,
с. Шалушка КБР*

ЕСЛИ ОЖИВИТЬ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ...

*К 70-летию героической обороны Киева
и в память о 175-й стрелковой дивизии
из Кабардино-Балкарии, вставшей
на пути врага и 83 дня оборонявшей
столицу Украины*

23 июня 1941 года, на второй день войны, в Кабардино-Балкарии объявлена мобилизация резервистов. Нужно было срочно дооформить 175-ю стрелковую дивизию. Она в комплектации располагалась под городом Прохладный. По республике прокатилась волна митингов: в Нальчике, Прохладном, во всех районных центрах выступали работники обкома, райкомов ВКП(б), комсомольцы, рабочие и колхозники. Они говорили о вероломном нападении гитлеровской Германии на Советский Союз. Старики, матери, жены давали уходящим на войну наказ беспощадно громить фашистов.

В дивизию влились более 8 тысяч жителей республики. По повесткам не явились только два человека: они лежали тяжело больные.

В дивизии шел прием мобилизованных. Чувство патриотизма, боевой настрой бойцов нарастали с каждым часом... Желание скорее вступить в схватку со смертельным врагом было велико. Очень серьезно шла боевая подготовка.

4 июля на разъезде Шорданово состоялись проводы. Дивизия направлялась в распоряжение Юго-Западного фронта, под Киев. С напутственными словами обратились первый секретарь Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б) товарищ Кумехов и командующий СКВО генерал-лейтенант Рейтер. Они поздравили с завершением доукомплектования дивизии, выразили уверенность в успехе борьбы с немецкими оккупантами. Командир дивизии полковник С. М. Гловацкий от всего состава бойцов и командиров заверил, что достойно выполнят долг перед матерью-Родиною, не пожалеют своей жизни во имя победы над ненавистным врагом.

...Медленно качнулся перрон и отплыл куда-то. Эшелоны стали набирать скорость. Как только мобилизованные разместились в вагонах, наступила тишина. В одном из вагонов изредка слышался чей-то тяжелый вздох – все еще были под впечатлением прощания с близкими.

Скоро ребята освоились, собрались группкой. Нашелся шутник и

Разъезд Шарданово. Однополчане. 12.05.82 года.

Отсюда 6–7 июля 1941 года отправляли полки 175-й стрелковой дивизии под Киев

весельчак, который оживленно что-то рассказывал. К ночи в вагоне затихло, но заснули не сразу.

В штабном вагоне сквозь шторы светомаскировки все-таки пробивалась неяркая полоска света. Командир дивизии, Гловацкий С. М., замполит полковой комиссар Шенгай В. О., начштаба подполковник Буянов В. Ф. и начальник политотдела старший батальонный комиссар Штанев К. В. обсуждали боевую готовность полков, вооружение, обеспеченность боеприпасами, техникой, продовольствием. Главное, что заботило командный и политический состав, то, что в дивизии много бойцов, прошедших только кратковременную боевую выучку. Есть бойцы слабо или вообще не владеющие русским языком. Это необходимо было серьезно учитывать при укомплектовании оружейных и пулеметных расчетов, других подразделений и максимально использовать костяк дивизии, командный и политический состав...

На одной из кратковременных остановок эшелона познакомились два человека. Он – помощник начальника штаба 560 стрелкового полка Андрей Лобанов и хирургическая сестра санбата Людмила. Встреча была мимолетной, но оставила глубокий след в сердце каждого...

9 июля, ночью, по вагонам объявили: через полчаса – выгрузка. В полной темноте покидали вагоны, строились в колонны. Вдруг загудели моторы самолетов. От взрывов бомб задрожала земля. Несколько человек убиты, ранены. Это были уже не учения – это была война.

Бои шли в районе Фастов – Белая Церковь. От границы враг дошел

сюда за 19 дней. Нависнув над берегами Ирпени, своим бронированным кулаком дерзко стучался в ворота столицы Украины. Нужно было стремительным броском на запад остановить врага, удержать за собой переправы, не допустить продвижения противника на восток, к Днепру южнее Киева.

Сыны кавказских гор в первом же стремительном броске ошеломили зарвавшихся фашистов и встали на рубеже Жерновка–Княжичи–Музычи–Мотовиловка–Великая Мотовиловка–Перевоз–Кошечевка...

Утром 10 июля 1941 года на только что подготовленные рубежи 2-ой роты 728-го стрелкового полка двинулись густые цепи немецких солдат. Они шли в полный рост, некоторые сходились попарно – чувствовали себя в безопасности.

У пулеметчика сержанта Хаконова была хорошая позиция. Он подождал, когда солдаты в жабьего цвета мундирах подойдут ближе, и начал косить их из пулемета.

Шквальный пулеметный и винтовочный огонь усеял трупками врага поле. Наконец, наступавшие повернули назад и побежали. Некоторые бросали оружие.

Бойцы роты ринулись в атаку, но пришлось залечь: с чердаков окраинных домов села Звонковое немцы открыли плотный пулеметный огонь, с другого берега реки Ирпень летели мины.

В бой вступила батарея 635 гаубично-артиллерийского полка. Первый же залп поднял в воздух крыши двух домов вместе с пулеметчиками. Орудия меткими выстрелами заставили замолчать немецкие минометы.

Под прикрытием артиллерийского огня паши бойцы достигли села. Первым ворвался прохладянин Володенко. Он увидел убегающего немца. Тот скрылся за угол сарая. Володенко подбежал к сараю, выглянул, немца нигде не было. Около огорода – колодец. Цепь на воротах вся раскручена, туго натянута и мелко подрагивает.

Володенко заглянул в колодец. Так и есть!

На пятне отсвета устья колодца видна голова в темно-зеленой пилотке. Вытащить немца Володенко один не смог. Помогли подбежавшие бойцы Шадов и Газаев. Втроем еле-еле подняли. Как только ворот и цепь выдержали!

Мокрый до головы, смертельно бледный, немец упал на колени.

– Nicht schieben! Nicht töten! Schonen Sie! (Не стреляйте! Не убивайте! Пощадите!) – истошно кричал он, по-немецки, протягивая к бойцам трясущиеся руки. По земле от него растекалась лужа.

Эту сцену сфотографировал оказавшийся рядом корреспондент дивизионной газеты. Пленного отправили в тыл.

На следующий день вся дивизия читала боевой фельетон «Не спасла фрица наша водица!» Бойцы хохотали, передавая друг другу фотографию немца, стоящего на коленях в луже, натекшей с него.

...17 июля в бою Лобанова ранило в голову. Рана сильно кровила: его отправили в медсанбат. Так произошла вторая встреча с той самой Людмилой. Оба были молоды, решительны. Поняли, что друг для друга на всю жизнь. Через три дня – поженились. Свадьба прошла в медсанбате, очень скромно. Но все было, как надо. Посаженным отцом стал начальник

Лобановы:

Андрей
Петрович
и
Людмила
Демидовна

медсанбата военврач Смельников. Командир полка прислал комиссара Хазраила Огурлиева, старшего политрука. Подруги сшили из тюлевой оконной занавески фату. Была даже бутылка французского коньяка: его передали на свадьбу разведчики полка. Прямо со свадьбы Лобанов и Огурлиев отбыли в полк...

Под Великой Мотовиловкой по призыву своего командира бойцы поднялись в атаку. В этот момент разрывная пуля пробила каску Лобанова и ударила в левую сторону лица. Он упал, обливаясь кровью. Атака захлебнулась. Под страшным огнем противника пришлось отступить. Лобанова вынести с поля боя не удалось. Но бойцы видели, какую смертельную рану он получил, и об этом доложили вечером. Так Андрей Петрович попал в списки погибших.

Людмиле Деомидовне сначала не сообщили о несчастье, но потом от раненых она все-таки узнала. Страшная весть сдавила горло, слезы застилали глаза. У нее опустились руки, она не знала, что делать! Но ей не позволили остаться со своим горем наедине. Военврач Смельников вызвал ее и довольно резко отчитал:

– Это война, фронт. А на фронте гибнут люди! Вон в санбате у нас десятки раненых. Раненых – значит живых! О них надо думать, им нужна помощь!

Только потом Людмила Деомидовна поняла, что этот разговор был помощью ей. И работа отвлекла ее от личного горя.

...31 июля был одним из самых тяжелых дней обороны Киева. Он начался длительным артиллерийским и минометным обстрелом позиций дивизии. В воздухе образовалась карусель из 30 самолетов. Они сбрасывали сотни бомб. Из-за перелеска двинулась пехота. Ее поддерживали танки. Их было много. Они шли через равные интервалы. Когда гитлеровцы подошли близко, заговорили пулеметы Гетежева, Манжоса, Чмихайленко и Хаустова. А по танкам неожиданно стало бить наше ору-

дие. Это наводчик Джамиев опустил ствол своей зенитки и встретил бронированные чудовища уничтожающим огнем. Его примеру последовало и другое орудие – Абазова Мухажа. В мирное время никто, никогда не учил применять зенитные орудия против танков, но война учит! Запылал танк, второй, третий! Атака гитлеровцев успешно отбита. Его отчаянные попытки неизменно кончались поражением. Враг на этом участке не смог прорвать нашу оборону ни 1-го, ни 2-го августа, ни весь месяц.

В это время в Киеве налаживалась жизнь: ученики пошли в школы, стали работать театры, учреждения.

17 августа ЦК партии и Совнарком Украины в письме к воинам Красной армии объявили благодарность личному составу наиболее отличившихся соединений и частей. На следующий день этим частям и соединениям вручали Красные Знамена.

Такое Красное Знамя получила и 175 стрелковая дивизия.

Оборона Киева сыграла колоссальную роль. Более 100 тысяч солдат и офицеров врага нашли свой конец на подступах к Киеву. За 83 дня обороны уничтожены сотни танков и самолетов противника. Киев приковал к себе более чем на 2,5 месяца мощную группировку фашистских войск. Это ослабило их возможности на главном, московском направлении.

Немцы, не сумев взять Киев в лоб, 10 сентября замкнули кольцо его окружения. Наше командование отдало приказ об оставлении города. Остаткам 175 стрелковой дивизии пришлось пробиваться с боями из окружения. Это осуществлялось отдельными группами. Несколько групп смогли соединиться с частями Первого Белорусского фронта. Среди них был и медсанбат, где работала Лобанова. Они вынесли с собой тяжело раненного военкома Киевского укрепрайона Иллариона Федоровича Евдокимова. Этим спасли ему жизнь. Медсанбат дошел до Берлина. В середине апреля 1945 года Людмила Деомидовна получает письмо... от мужа. Она не верила своим глазам. Но почерк действительно его.

Оказывается, тогда в 41 году, тяжело раненный Андрей Петрович пролежал около леса всю ночь. Он потерял много крови. Утром его подобрала местная жителя, выходили, скрывали. В 1943 году Васильковский район освободила наша армия. Лобанов снова стал в строй, дошел до Германии. В конце 1944 года опять был ранен. Из госпиталя стал писать родственникам и узнал номер полевой почты жены. Встретились они только в 1946 году, вместе демобилизовались и вернулись в родной Нальчик... Но это было потом.

Группу бойцов 630-го легкоартиллерийского полка фашисты загнали в болото близ села Каржи. Боеприпасы скоро кончились. Артиллеристы утопили материальные части орудий, 5 дней дрались врукопашную. Истощенных, измученных оставшихся в живых немцы захватили в плен. Среди бойцов был один из командиров – Виктор Никитич Кличев. Все попали в концлагерь под Ровно. Пленных держали в помещении большого товарного склада, на бетонном полу, без всякой подстилки. В лагере более 30 тысяч человек. Ежедневно умирали 200–300 пленных.

Начальник лагеря штурмбанфюрер Кюль случайно увидел что-то, написанное Кличевым. Ему очень понравился удивительно правильный,

Кличев Виктор Никитич –
заместитель командира
630-го легкоартиллерийского
полка

орденом Красной Звезды, а 9 мая 1945 года получает медаль «За победу над Германией».

За героизм и мужество около 1 000 солдат и офицеров 175-й стрелковой дивизии были представлены к награждению боевыми орденами и медалями.

ВСЕМ СЕРДЦЕМ И ДУШОЙ!

Поиск по этому направлению группа юных краеведов Шалушкинской средней школы № 1 начала с 1972 года.

Узнали: была 175 стрелковая дивизия, в ней были шалушкинцы. В первые же дни войны из родного села на фронт в составе дивизии уходят подводчик Шис Каширгов, член колхозной строительной бригады Мазан Лиев, животноводы братья Хажберд и Алисах Варитловы, механизатор Зрамук Керевов. Установили, что в составе 175 стрелковой дивизии – 78 шалушкинцев. Только двое – Хамзет Каширгов и Хабала Бирсов вернулись живыми после войны домой. Эти двое назвали нам ветеранов дивизии в Нальчике: Савелий Борисович Акиев, бывший командир батареи 630 легкоартиллерийского полка, Виктор Никитич Кличев, заместитель командира того же полка, Хазраил Хапажеевич Огурлиев, политрук 560 стрелкового полка, супруги Лобановы. Они стали нашими большими друзьями. С их помощью мы познакомились с Илларионом Федоровичем Евдокимовым,

бывшим военкомом Киевского укрепрайона, одним из руководителей всей обороны Киева. Сейчас он почетный гражданин Киева.

Все это помогло нам составить большую карту-стенд «Наши односельчане в героической обороне Киева». На стенде карта боевых действий 175-й стрелковой дивизии и всей обороны столицы Украины.

Руководитель историко-краеведческого кружка – учительница истории Ольга Федоровна Коммодова предложила совершить поездку в Киев, встретиться с И. Ф. Евдокимовым, побывать на местах боев 175 стрелковой дивизии, поклониться братским могилам, записать рассказы жителей сел, где наши земляки держали оборону, найти могилы погибших односельчан. Предложение было восторженно принято. Еще бы, такое живое, замечательное дело! От желающих не было отбоя. Пришлось отбирать. Право участвовать в поездке получили 27 лучших кружковцев и членов поисковой группы.

О наших планах узнали в селе. В школу пришел инженер Шалушкинского кирпичного завода Владимир Дзагов. Он принес мешочек с землей.

– Может, могилу отца найдете, высыпьте там землю. Это с могилы дедушки.

Мешочек с землей принес и Хажисмель Варитлов.

– У меня два брата погибли на берегах Ирпени. Захороните родную землю у братской могилы, а нам привезите земли с Украины.

С подобными просьбами обратились 38 родственников погибших. Они принесли мешочки земли с родовых кладбищ Шалушки. Наша поездка наполнилась новым смыслом. Забегая вперед, скажу, что тяжелый чемодан с мешочками земли стал предметом спора между юношами-участниками поездки за право нести его.

В день отъезда, утром, нас провожала вся школа. Пришло очень много взрослых. Возник митинг.

Дальше рассказ о поездке я хочу вести не от своего имени. Это были бы впечатления, чувства только мои, только одного человека. Я даю возможность рассказать о нашей поездке ее участникам, юным краеведам. У нас давняя традиция: участники поездок, встреч с интересными людьми пишут сочинения. Но не отчет, а то, что особенно запомнилось, то, что глубоко прочувствовал. Я выберу наиболее живое, интересное. Далее будут говорить внуки погибших о впечатлениях, чувствах, родившихся в сердце каждого за время 10-дневной поездки, на отчетном вечере в школе, куда пришли не только ученики всей школы, но очень много взрослых. На вечере не только рассказывали, но показали снимки, карты, схемы, дали прослушать магнитофонные записи, вручили всем родственникам погибших под Киевом мешочки с украинской землей. Было много слез – святые слезы.

Рита Шаваева. ...В 8 часов 15 минут все учащиеся построились во дворе. У входа в школу, на столе – букеты цветов, две красные ленты: «Нашим односельчанам, погибшим в героической обороне Киева», и 38 мешочков с родной землей.

Света Гергова. ...На школьном митинге меня очень взволновала речь Хамзета Каширгова. Я впервые увидела слезы на глазах мужчины. Как этому человеку хочется поехать туда, куда едем мы! Я поняла: он как своих

детей посылает на выполнение боевого задания. Я почувствовала себя сильной! В эту минуту я гордилась: нам, мне доверяют большое, важное дело! Очень захотелось скорее и лучше оправдать надежды, возложенные на нашу поездку. Да, это дело нашей комсомольской чести!

Лиза Шаваева. ...К автобусу нас провожала вся школа, все участники митинга. Когда ехали по селу, автобус часто останавливали старики, желали счастливого пути. Группа женщин вручила большой пакет с конфетами «Кабардинка».

– Раздайте детям в селах, где будете!

Зоя Чеченова. ...И вот «мчат нас колеса чугунные». Мы с Асей смотрим в окно вагона. Сколько городов и сел осталось позади! Любуемся сосновыми и березовыми лесами. Деревья стройные, будто кабардинские девушки в плавном танце. Перестук колес: «Бы-стрей, бы-стрей, бы-стрей!».

Рита Коммодова. ...Наш односельчанин поэт Алим Кешоков пишет: «Киев – глаза Украины». Мы заглянули в эти глаза. Город встретил немолчным гулом, яркими огнями праздничной иллюминации, необычным для нас плотным движением транспорта. Везде счастливые лица, смех. Мы попали в Киев предпраздничный, устроились очень хорошо, в гостинице «Первомайская», на Крещатике, в самом центре города. Ольга Федоровна и Геннадий Константинович поехали к Евдокимову – договориться о встрече назавтра.

Лейла Хайят. ...Иллариона Федоровича ждали к 10 часам утра. Он приехал на 10 минут раньше, чтобы иметь время на розыск нашей группы. Я представляла его высоким, широкоплечим, в военной форме, с орденами. Он оказался небольшого роста, в гражданской одежде. Ему было лет за 70. Группа наша ему явно понравилась: все в национальной одежде, сразу уселись, с блокнотами, тетрадками, «ловят» каждое слово. А как потеплел его взгляд, когда узнал о целях нашего приезда. Увидев мешочки с землей, он опустил голову, но скрыть сильное волнение не смог. Да, для него это свято! Он негромко заговорил. Мы записали его слова на пленку:

– Вы приехали в город-герой Киев, город, который 83 дня штурмовали фашистские полчища. И не смогли взять! Не смогли! Фашистские десантные группы уже видели окраины города, они уже считали: «Мы в Киеве!»

В этот тревожный момент прибыла 175 стрелковая дивизия. Она прибыла полнокровной. Бойцы дивизии остановили фашистов и отбросили. Представьте себе, сотни трупов гитлеровцев усеяли подступы к Киеву. Пришлось создавать команды, чтобы зарыть эту нечисть. Завязались тяжелейшие бои. От Трасовки до Днепра, какие-нибудь 22 километра, фашисты бросили 6 дивизий. Плотность их наступления колоссальная.

Фашисты назначили на 8 августа военный парад в Киеве. Гитлер сам будет принимать. Все солдаты и офицеры, что войдут в Киев, получают в награду земли и по 10-15 рабов. Вот что готовили нам фашисты!

Мера Кунижева. ...Я обратила внимание, как говорит Илларион Федорович. У него очень выразительное лицо, жесты. Когда он говорит о гитлеровцах, у него морщится лоб, глаза закрываются, слова цедит сквозь зубы, лицо становится маленьким, и сам кажется совсем старым. А когда

начинает говорить о героизме наших солдат, о том, как трудно приходилось тем, кто защищал Киев, морщины на лице исчезают, лоб становится высоким, глаза загораются, и сам как-то молодеет, распрямляется.

Лейла Хайят. ...Илларион Федорович рассказывает, как гитлеровцы не раз пускали в ход мощные громкоговорители. Они рассчитывали, что воины 175 стрелковой дивизии, представители разных национальностей, поддадутся на лживые воззвания и геббельсовские разглагольствования о «национальном гнете» в СССР. Но просчитались: их ненавидели люди всех национальностей нашей страны. На фронт приходили полные ненависти письма от стариков, матерей, жен.

Алла Коммодова. ...Мы рассказали Евдокимову, что у нас в школьном музее бережно хранится одно из таких писем. А Борис Шанбеев прочитал письмо Мурата Шанбеева своему сыну Каншоби.

Света Гергова. ...Я спросила Иллариона Федоровича, как тяжело ему вспоминать о войне.

– Тяжело, – ответил он, – но нельзя забыть. Это незабываемое!

Лейла Хайят. ...Наша встреча продолжилась в парке Вечной Славы. В центре его – 26-метровый обелиск. Он воплотил все: славу, непоколебимость, гордость и честь победителей. Здесь же, в парке, памятник командующему Первым Украинским фронтом генералу армии Ватутину. О нем рассказал Евдокимов. И к обелиску, и к памятнику я от всей группы возложила цветы.

Равида Чеченова. ...Из парка Евдокимов повел нас в музей КВО (Киевский военный округ). Музей только для военных, но нас с Илларионом Федоровичем приняли. Более того, экскурсию вели два полковника: сам Евдокимов и дважды Герой Советского Союза легендарный политрук Семен Прокофьевич Серых. В музее 14 залов, более 3000 экспонатов. Это подлинные документы, фотографии, схемы, боевые знамена, ордена, оружие, а во дворе – боевая техника. Больше всего заинтересовал 6-ой зал. Он посвящен обороне Киева, 175 стрелковой дивизии. На огромном графито в большом перечне частей, оборонявших столицу Украины, наша дивизия названа третьей.

Леня Соблиров. ...С какой гордостью мы смотрели на фотографии своих земляков: командира 632 стрелкового полка капитана Маженкова, пулеметчика Хаконова, артиллериста Бетрозова, командного состава дивизии. Когда закончилась двухчасовая экскурсия, начальник музея Герой Советского Союза Максимов вручил красочную книгу «По залам музея КВО» с памятной надписью. Какой драгоценный экспонат для нашего школьного музея!

Олег Князев. ...Мы подарили всем троим значки «Кавказ», обещали оформить и прислать в музей альбом с материалами нашего поиска по 175 стрелковой дивизии, фотографиями наших односельчан, оборонявших Киев в 1941 году.

(Мы сдержали свое обещание: такой альбом экспонируется теперь в шестом зале музея КВО, по нему экскурсоводы ведут интересный рассказ.)

Рита Кучменова. ...6 ноября. Весь день посвящен поездке по местам боев под Киевом. Наш экскурсовод Илларион Федорович. Тогда в июле-сентябре 1941 года, ему, руководителю обороны Киевского укрепрайона,

часто приходилось бывать на участке фронта, с которого так и не отошла 175 стрелковая дивизия. Мы подходим к высоте, где был расположен дот 210. Дот взорван немцами, так они отомстили за то, что долго не могли взять ни штурмом, ни бомбовыми ударами, ни обстрелом из тяжелых орудий. Но и руины дота величественны!

Руслан Глунов. ...Около села Тарасовка – второй дот. Он сохранился. Его защищал батальон капитана Ветрова. Гитлеровцы здесь понесли огромные потери. Вокруг дота насчитали 1603 воронки от бомб и снарядов. Дот захватили только через месяц: фашисты смогли подобраться и через амбразуры выжгли гарнизон огнеметами.

Света Гергова. ...В селе Вета Почтовая подходим к большому памятнику на братской могиле. Я жадно читаю фамилии, выбитые на граните. Вдруг сразу несколько человек разом выкрикнули: «Браев!» В Шалушке есть Браевы. Когда я высыпала землю из нескольких мешочков, руки не слушались, дрожали.

Лейла Хайят. ...В Юровке, на братской могиле, стоит бронзовый солдат. Солдат, ты грудью своей защищал каждую пядь земли Родины!.. Мы включили магнитофонную запись реквиема Балова. К нам подошла женщина. Она заплакала. Плакали и наши девчонки. Женщина на украинском языке рассказала:

– Недалеко отсюда, в лесу, был сильный бой. Там погибло много наших солдат. Немцы не разрешали хоронить убитых. Я с братиком пробралась туда, мы сховали несколько человек. Там теперь памятник стоит, очень красивый. Но фамилий нет: не до того было. Туда ходят наши ученики, с цветами ходят.

Мы отдали женщине пакет с конфетами «Кабардинка». Она проговорила:

– Сшас пиду, одягну усе чистое и усим дитям конхветки раздам.

Руслан Глунов. ...Когда подходили к памятнику в селе Перевозы, сердце бешено колотилось, а вдруг увижу фамилию родного дяди. Нет! На плите выбито: «Здесь похоронены 22 неизвестных солдата». Кто знает, может, среди них лежит и Глунов!

Канишоби Варитлов. ...Мы должны привезти в Шалушку земли с Украины. Нашу шалушкинскую землю рассыпали на братских могилах нескольких сел. До чего трудно было, когда наполняли мешочки украинской землей. Появились слезы. Но плакать я не позволил себе. Мне как будто говорил кто-то: «Выше голову, парень! Смотри на будущее! Ты не должен плакать, а должен гордиться своими земляками, их подвигами. Ты должен расти смелым, любить труд! Ты должен рассказывать о нас детям своим!»

Лейла Хайят. ...Вечером возвращаемся в Киев. Кругом поля, осенние, пустые. Осенний закат в полнеба. Стаи ворон кружат над полями. Они считают себя хозяевами. Наверное, так же кружили в сорок первом, когда на полях лежали сотни убитых.

Ася Кучменова. ...На обратном пути Илларион Федорович сообщает, что Совет ветеранов Киева приглашает группу в Жовтневый дворец культуры (это как Дворец съездов в Москве) на праздничный концерт

и время дают, чтобы выступить! Скорее в гостиницу – надеть нашу национальную форму!

Рита Коммодова. ...Мы приглашены в центральный Зал Украины! Нам предложили выступить! Решили: я расскажу о Кабардино-Балкарии, Нальчике и родной Шалушке. Ася и Света споют песню «Мой аул», группа девушек исполнит «Девичий танец». Во дворце предупредили: выход после выступления известного певца Гуляева... Какая огромная сцена, софиты слепят! Страшно! Начинаю говорить. Рассказываю о Нальчике, городе роз и цветов, о горах, седых от вечных снегов, о Шалушке, утопающей в зелени садов, о нашем воздухе, «хоть клади его вместо сахара в чай!». Все это встает перед глазами. Я не слышу себя. Вижу громадный зал, тысячи людей. Как хочется, чтобы они полюбили мой край! Мне кажется, что плохо говорю, что сейчас сорвусь. Гром аплодисментов радует. Я справилась! Зал принял рассказ!

Рита Кучменова. ...Выступающих оставили на сцене. Остальных провели в зал. Я никогда, наверное, не увижу такого: тысячи людей, огромные люстры, телевизионная аппаратура... Меня бьет какая-то нервная дрожь. Почти, не воспринимаю выступления на сцене. Жду наших! И вот Рита. Ее звучный голос заполняет зал. Молодец, красиво говорит! Я бы так не смогла... Никогда не подумала бы, что Света и Ася так поют! Аплодисменты заглушили мелодию «Девичьего танца», как только наши девушки показались на сцене. Провожали их настоящей бурей, многие аплодировали стоя. Мы смогли представить республику!

***

Вскоре после возвращения домой школа получила письмо из Киева: – Дирекция Октябрьского дворца выражает благодарность группе учеников средней школы с. Шалушка за красочное, содержательное выступление во время праздничного концерта, посвященного 57 годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Концерт состоялся 6 ноября 1974 года.

Письмо подписано руководством дворца.

Весь ноябрь группа напряженно работает, готова традиционный отчетный вечер в школе и большую передачу по республиканскому телевидению. Юные краеведы увлеченно пишут сочинения, снова и снова переживают впечатления, проявляют фотопленку, печатают снимки, редактируют магнитофонные записи.

Поездка дает богатейший материал для школьного музея.

Ольгу Федоровну Коммодову, Зою Блитовну Шакову и меня – руководителей поездки и всей поисковой работы – безмерно радует: юные краеведы испытали чувство сопричастности подвигу, глубоко сопереживали, прониклись гордостью, благодарностью к тем, кто защитил жизнь, счастье. Ребята волнующе сумели передать все это в сочинениях, на вечере в школе и в передаче по телевидению... сотням своих сверстников, тысячам взрослых.

Наша 10-дневная поездка дала учащимся и взрослым неизмеримо больше, чем полторы-две страницы школьного учебника истории, характеризующие всю Великую Отечественную войну.

Владимир КУДАЕВ

ДАРЯЩИЙ СВЕТ

Такой холодной, ветреной зимы не помнят даже старики. Монотонное завывание ветра и поднимаемая им метель в тиши городских квартир воспринимается как нечто отдаленное, на касающееся нас явление. И, хотя уже хорошо за полночь, сна ни в одном глазу. Два молодежьавых крепких мужика, под аккомпанемент метели, негромко и очень приятным голосом поют:

*Е-ей, мэл Гэхуушэ, фехьуэрэхьуэкьыт
Псынэм фыкьефэ уей.
Ди ежьэжьыгьуэм кьэсащ и палъэри,
цэхэр зытефлэхьэ, уей...*

Это моя любимая песня, а один из поющих – Ахмед Хамуков – тогда генеральный директор Каббалкэнэнерго. Он рос здоровым и любознательным, учился хорошо. Особенно легко ему давались математика, физика, география.

В эти дни Ахмед Цацуевич принимает поздравления от друзей, родственников и просто знакомых. Пришел с поздравлениями и я. Давно его не видел и был приятно удивлен, увидев того же крепыша, которого все знают. Практически ничего не изменилось ни в облике, ни в характере, ни в образе мышления. Он вдумчив, как и полагается в его годы, но эта вдумчивость – не дань моде или возрасту, этим Ахмед отличался всегда. Никто не вспомнит, чтобы он изрек фразу под чьим-то нажимом или поспешно. Привыкший руководить большим коллективом, а, значит, и нести ответственность за дела в коллективе, он еще с молодых лет научился управлять своими чувствами, основательно обдумывать свои слова и действия.

Также характерной чертой Ахмеда является его обстоятельность, что отлично сочетается с его вдумчивостью. Самой большой бедой его подчиненных всегда считалась требовательность генерального директора, необходимость учитывать абсолютно все нюансы дела. Для него не существует понятий «мелочь» или «не очень важно» – любое дело должно быть продумано от начала и до конца, просчитано до единой копейки и до последнего аргумента. Программа реализации энергетической программы Кабардино-Балкарии до 2015 года, разработанная под его руководством,

как раз отличается своей основательностью, обстоятельной подготовкой и очевидной реальностью воплощения.

Надо полагать, что данная Программа – главный документ для Ахмеда Хамукова. Он всю свою сознательную жизнь посвятил тому, что шел к его принятию, а затем и к реализации. Родившись и повзрослев в селении Каменномостское Зольского района, он в 1968 году успешно окончил электроэнергетический факультет Ивановского энергетического института им. В. И. Ленина по специальности «инженер-электрик». Учеба на этом не закончилась – он постоянно самосовершенствовался, изучал все новое, передовое. В 1993 году обучался в Шотландском политехническом институте, стажировался в США, Швейцарии и Франции. Все время работал в системе энергетики Кабардино-Балкарии, начав с самого «низа» – старшего инженера службы станций и подстанций. На этой должности Ахмед Цацуевич получил основательную практику и необходимые навыки, что способствовало успехам в остальной жизни. В 1974–1983 годах он работал заместителем директора, а затем два года – главным инженером Кабардино-Балкарских электрических сетей. В те годы заместителем директора, а потом директором работал небезызвестный Мухажид Кушхов, который сыграл определенную роль в становлении, возмужании Ахмеда Хамукова как руководителя. Его доброжелательные подсказки, внимательное отношение подстегивало молодого специалиста, подвигало к эффективной работе. В 1985 году А. Ц. Хамуков был назначен директором Кабардино-Балкарских электрических сетей. Заметим, тогда Кабардино-Балкарские электрические сети вовсе не были нашими, т. е. не были самостоятельными и входили в РЭУ «Ставропольэнерго».

На этом следует остановиться особо, так как зависимость от Ставропольского начальства никогда не предполагала особого развития нашей энергетической системы. Только создание самостоятельной структуры могло дать возможность строить какие-то планы развития, какую-либо осязательную перспективу.

Ахмед Цацуевич занялся этим делом. Трудно было убеждать консервативно настроенное руководство менять структуру. И в Москве, и в Ставрополе всех устраивало существующее положение вещей. Еще тяжелее было объяснить Ставропольскому начальству свое стремление к самостоятельности. Находилось множество причин, из-за которых то там, то тут вдруг срывалось решение важных вопросов. Ставились необоснованные препоны в работе, и все это только из-за желания обрести самостоятельность. Тем не менее, создание самостоятельной энергосистемы РЭУ «Каббалкэнерго», несмотря ни на какие трудности и препятствия, продолжалось. И здесь проявилась еще одна черта нового руководителя – завидное упорство, с которым он преодолевал все препятствия одна за другой.

Наконец, все формальности были решены, самостоятельная структура, действующая как энергосистема Кабардино-Балкарии и подчиненная непосредственно Министерству топлива и энергетики СССР, создана, а ее основоположник А. Ц. Хамуков назначен генеральным директором. Позже, в 1988 году, она была еще раз переименована в производственное

объединение энергетики и электрификации «Каббалкэнерго», а в 1993 году акционирована. До 2002 года Ахмед Цацуевич руководил акционерным обществом «Каббалкэнерго».

Возвращаясь к истокам создания самостоятельной энергосистемы следует заметить, что А. Ц. Хамуков свою работу начал с укрепления материально-технической базы как в самом объединении, так и в районах и городах республики. Это было самое важное. Ведь даже на текущий или послеаварийный ремонт линий электропередач, трансформаторов и подстанций уходило много времени, так как наследство «Ставропольэнерго» представляло собой жалкое зрелище. В районных подразделениях это часто были две бригады «аварийщиков» на какой-нибудь убогой «полторке», чья деятельность в основном зиждилась на ура-патриотизме.

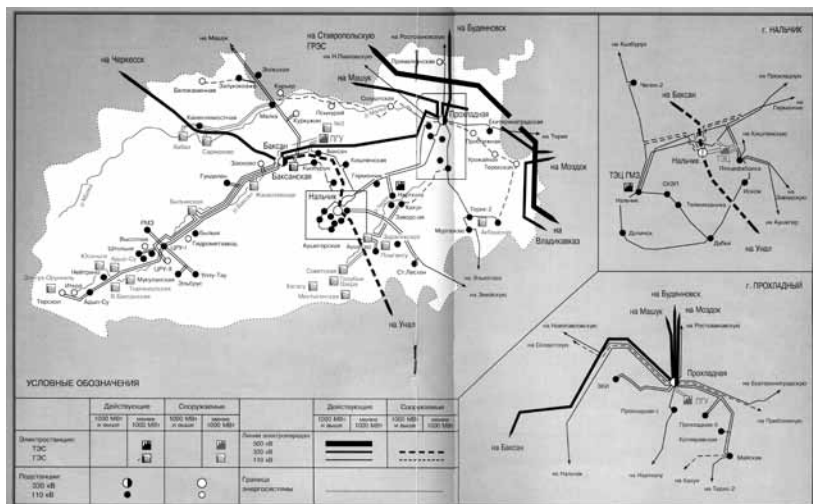
Но упорства и напористости Хамукову не занимать – не зря его прозвали Наполеоном. Некоторые называли за глаза, а первый президент Кабардино-Балкарии В. М. Коков при встречах, улыбаясь, всегда тепло его приветствовал:

– Как дела, Наполеон?

Как правило, прозвище спонтанно не присваивается. В Ахмеди Цацуевиче тоже было немало наполеоновского: та же смуглость и приземистость, грандиозность планов и бескомпромиссность, упорство для достижения своих целей.

Для претворения в жизнь задуманного, в первую очередь, необходимо было значительно укрепить материальную базу, новой, по сути, отрасли Кабардино-Балкарии.

Поэтому везде в городах и районах начали создавать или реконструировать свои производственные базы. Конечно, для этого нужно было еще сделать так, чтобы выделили необходимые лимиты, чтобы они были

Энергосистема КБР

отоварены и освоены. Но эти лимиты не выделялись, а «выбивались», на что, как правило, уходило много времени, нервов и сил. Необходимо было иметь большие связи, и неслабые. Вот здесь в полной мере проявилось упорство Ахмеда Цацуевича, сумевшего доказать кому надо, уговорить кого надо и достать все необходимые материалы для строительства производственных баз, и, главное, для оснащения их необходимым оборудованием.

Например, параллельно с каскадом ГЭС на реке Черек строилась в Нальчике, в районе Затишья, рядом с центральной электроподстанцией «Нальчик» ремонтно-эксплуатационная база, которая предназначалась для ремонта электросетевого оборудования, для ремонта гидротурбин, генераторов, крупных силовых трансформаторов. Ничего подобного у нас, естественно, никогда не было, и хотя значимость этого объекта трудно было переоценить, препятствия начались уже на стадии выделения участка – территории бывшего гортопсбыта и прилегающей захламленной территории. Ахмед Цацуевич снова проявил свою настойчивость, настоял и добился своего.

Несмотря на то, что от той базы сейчас уже ничего не осталось, ее можно считать великим вкладом А. Ц. Хамукова в дело укрепления энергосистемы Кабардино-Балкарии. Ведь после окончания строительства в электротехническом цехе ремонтировали силовые трансформаторы мощностью от 25 до 50 000 кВа весом до 160 тонн. Во втором цехе производили ремонт гидротурбин до 70 тонн. По сути, здесь был самостоятельный завод, оснащенный современным оборудованием. Однозначно, это была самая лучшая база в северокавказском регионе.

Здесь же, рядом, вырос поселок электриков, где 150 семей были обеспечены комфортабельным жильем. За эти годы энергосистема Кабардино-Балкарии ощутило шагнула вперед, став абсолютно надежным поставщиком электроэнергии потребителям. Без колебания можно утверждать, что это стало возможным благодаря умелому руководству А. Ц. Хамукова, его организаторскому таланту, способности вычленять главные направления деятельности и правильно сосредотачивать усилия коллектива.

Сам собой успех не приходит. Успех – всегда результат правильно спланированных действий, помноженных на прилагаемые усилия и использование определенных знаний и опыта. Хорошо знал это и А. Хамуков, когда в начале 90-х вместе со своими специалистами начал разрабатывать энергетическую программу Кабардино-Балкарии на период до 2010 года. Она была выработана и довольно помпезно утверждена совместным постановлением правительства КБР и правлением РАО «ЕЭС России». На помпезности настояло РАО «ЕЭС России», так как в те лихие девяностые по всей стране ни один регион не занимался развитием электроэнергетики и поэтому торжественность имела показательные цели. Особенностью утвержденной программы было то, что в ее основе лежало использование главным образом местных, постоянно возобновляемых, экологически чистых гидроэнергетических ресурсов, потенциал которых оценивался в 19 млрд кВт/часов. И цель программы была благородной –

энергетическое самообеспечение Кабардино-Балкарии и одновременно улучшение энергобаланса всего северокавказского региона.

Данная программа отличалась от многих других документов того времени еще и тем, что ее начали претворять в жизнь практически сразу после утверждения. Уже в 1995 году после реконструкции введена в строй Акбашская ГЭС, в 2000 году пущен первый агрегат малой ГЭС-3 на канале Баксан-Малка, была сдана в эксплуатацию первая очередь каскада Нижне-Черекских ГЭС – Аушигерская 60 МВт. Параллельно строилась Кашхатауская ГЭС (тогда называлась Советская), которая к моменту пуска Аушигерской ГЭС имела 70-процентную готовность и намечалась к сдаче в 2005 году. Также была подготовлена проектно-сметная документация на строительство малой Зарагижской, Сармаковской и Адыр-Су ГЭС.

Здесь следует подчеркнуть, что, наряду с этими новыми для нас строительствами, была создана организационная, производственная и техническая основа, необходимая для обеспечения реализации программы. Это и создание квалифицированного коллектива гидростроителей, и привлечение к работе строительных и промышленных предприятий республики, и обеспечение их заказами, и многое другое.

Юбилеи даются еще и для того, чтобы человек мог подводить некоторые предварительные итоги собственной жизнедеятельности. Сегодня Ахмед Цацуевич вправе гордиться своими добрыми делами на благо Кабардино-Балкарии, тем, что дарил свет, а значит, и тепло людям. Именно в его бытность генеральным директором ОАО «Каббалкэнерго» мы достигли наивысших показателей по потреблению и экономии электроэнергии. В те годы потери электроэнергии в сетях составляли лишь 12–14 процентов от потребления.

Следует сказать и о большой социальной работе, проводимой в коллективе. Можно начать с того, что работа в объединении всегда считалась престижной, труд хорошо оплачивался, нуждающиеся получали возможность лечиться и отдыхать в санаториях, турбазах. Построено много жилых домов в Затишье и Александровке, Тырнаузском проезде в Нальчике, все нуждающиеся из числа работников районных подразделений были обеспечены жильем. Объединение постоянно принимало долевое участие на строящихся объектах жилья. Все работники были обеспечены местами в дошкольных учреждениях. Ничто не пропадает бесследно. Не остался незамеченным и труд А. Ц. Хамукова. В 1995 году он стал лауреатом Государственной премии КБР в области науки и техники. Он неоднократно награждался Почетными грамотами органов власти, в том числе и Почетной грамотой Правительства КБР, удостоен званий «Почетный энергетик СССР», «Заслуженный работник Единой энергосистемы России». Ему по праву присвоено высокое звание «Заслуженный энергетик КБР», он избран членом престижной Международной энергетической академии.

В своей жизни Ахмед Цацуевич много делал на общественных началах – еще со времен Советской власти. Всегда помогал нуждающимся, деятелям культуры, спортсменам. Во всех районах республики объединение имело подшефные колхозы и школы и всегда оказывало им ощути-

мую помощь. Избирался депутатом Совета представителей Парламента Кабардино-Балкарии.

Ахмед Цацуевич ни одного дня не сидел без дела. Правительство республики в 2005 году учредило ГУ «Инвестэнерго», которое он возглавил. Учреждение очень эффективно занималось изучением проблем гидроэнергетических ресурсов, вносило немало хороших предложений в органы власти. В короткий срок проделало большую работу, разработав Концепцию использования гидроэнергетических ресурсов на реках Малка и Урух (в пределах нашей республики).

В настоящее время А. Ц. Хамуков – председатель Совета директоров ООО Энергетическая Компания «Энергоресурс». Кстати, генеральным директором здесь его сын Аслан, уверенно идущий по стопам отца. Окончив Московский энергетический институт, он успел проработать в системе на различных должностях, пока не создал свое дело. Отец и сын, вместе с коллективом единомышленников, уже разработали концепции использования гидроэнергетических ресурсов в Дигорском ущелье (Осетия) на р. Урух с его притоками, установленной мощностью 300 МГВ с выработкой около 2 млрд. кВт/часов в год. И уже на одном из этих притоков построена частная гидроэлектростанция «Фаснал». Эта же компания сегодня проектирует на притоке р. Баксан в районе Тырнауза еще одну частную малую ГЭС. Это МГЭС уникальна по своим параметрам: напор воды 180 м, мощность порядка 4000 квт с выработкой 30–35 млн/час в год. Есть и другие заказы. Ахмед Цацуевич так же энергичен и напорист, как и в былые годы. Увлекается шахматами, любит конный спорт, ездит – когда возможно – на охоту.

Пение старинных кабардинских песен, оказывается, тоже его конек, но только в кругу близких и под настроение. Мою любимую – про чабана – обещал скоро исполнить.

Султан ПШИБИЕВ

Возвращение домой

Весна 1947 года. Всего два года минуло с тех пор, как закончилась Великая Отечественная война, и раны, ею оставленные в душах людей, все еще кровоточили. Уже отгремели последние залпы, уже вернулись домой эшелоны с теми, кому удалось выжить, но страшный поток похоронок и извещений о без вести пропавших, не иссякал. Те, кто получал эти извещения, продолжали надеяться. Надеялись, вопреки... Как же не надеяться, если спустя целых два года советские солдаты продолжали возвращаться к своим родным очагам, в разоренные войной города и селения? Кто-то возвращался лишь после долгого лечения в госпиталях, а кого-то по соображениям службы не отпускало начальство.

Я был ранен незадолго до окончания войны, и, отлежав положенный срок в передвижном госпитале-летучке, был демобилизован по состоянию здоровья и направлен домой. Путь был опасным. Немцы, чувствуя приближение своего конца, дрались отчаянно, фанатично. Их самолеты то и дело атаковали наш эшелон – бомбили, обстреливали из пулеметов. Гром бомбовых разрывов, стрекот очередей в такие минуты смешивались с проклятиями, молитвами демобилизованных солдат и командиров. Оно и понятно! Выжив в аду передовой, человек не хотел, не мог себе позволить умереть в тот момент, когда до встречи с близкими оставались считанные дни.

***

На войне друзьями становились люди разных национальностей. Прощаясь, обменивались адресами, приглашали к себе в гости. Для нас, фронтовиков, расстояние в таких случаях не имело значения, и в послевоенное время бывшие однополчане часто ездили друг к другу – иногда через всю страну.

Однажды я получил письмо от моего друга антифашиста Франца Зукко. В письме Франц спрашивался о моей семье, о здоровье близких, о работе, писал, что хочет меня познакомить со своими родителями, родственниками, друзьями, и приглашал к себе, в Восточную Германию.

Образовалась, однако, загвоздка. Как известно, после войны Германия была поделена державами-победительницами на сферы влияния. Франц жил в Германской Демократической Республике, в советской зоне. Я поделился своей радостью с домашними, рассказал о приглашении своего немецкого друга, но ни моим родителям, ни жене письмо не понравилось. Западная Германия не оставляла своих претензий на территорию ГДР и, не скрывая реваншистских настроений, вела активную пропаганду против Советского Союза. Разведкам западных держав, действовавшим на сопредельных с ГДР территориях, противостояли наши спецслужбы. В общем, обстановка была накалена, и существовала большая вероятность того, что НКВД под каким-нибудь предлогом откажет мне в выезде. Откажет, несмотря на мои фронтовые заслуги. В НКВД могли поинтере-

ваться, почему вдруг этот немец – Франц Зукко – стал тебе другом? При каких обстоятельствах вы познакомились? На войне? Но во время войны большинство немцев – моих сверстников – были нашими врагами, почему же ты не убил этого фашиста?

В то время этого было достаточно, для того, чтобы отправить меня и мою семью в Сибирь или на Колыму. Обдумав возможные последствия, я решил отказаться от поездки к Францу в гости.

Прошли годы, восточная и западная части Германии снова стали единым целым. Между объединенной Германией и Россией установились тесные политические, экономические и торговые отношения. Граждане обеих государств теперь получили право свободно посещать друг друга.

Как-то раз, много лет спустя, я вновь получил письмо от своего немецкого друга. Он писал: «Через наше посольство нашел твой адрес, и вот решил поделиться с тобой радостью. Мой внук женится, и мы приглашаем тебя и всю твою семью на свадьбу...». Я и моя супруга Варвара очень обрадовались этому письму, и вскоре отправились в путь. О своем приезде сообщили Францу письмом. Его родственники встретили нас очень тепло и радушно. Встречающих была целая делегация.

***

Когда завершились все мероприятия, связанные с женитьбой внука, Франц настоял, чтобы мы еще неделю погостили у них. В течение этих нескольких дней мы ближе познакомились с родней моего друга. Во время одного из застолий один из них спросил меня:

– Расскажите, как вы познакомились с Францем?

– Много лет прошло с той поры. Многих вещей я уже не помню в деталях, но кое-что в памяти осталось. Начну с того, что сам я родом из Сибири, зовут меня Давид Сорокин. В 1942 году полк, в который меня призвали, бросили под Сталинград. Я был в самом пекле. Много наших ребят там полегло, тяжело раненных было еще больше. Без сна и отдыха, замерзшие и голодные, мы сражались за каждый рубеж, за каждый овраг или высоту. Иногда один окоп по несколько раз в сутки переходил из рук в руки. Немецкие бомбардировщики закрывали все небо, насколько хватало глаз. Танки утюжили наши позиции, а по расположению моего полка, не умолкая, работала тяжелая артиллерия. Дни почернели от пороховой гари и копоти, а ночь, напротив, пылала кострами горящих машин и непрерывно освещалась ракетами. Помню тела вражеских солдат, которыми было усеяно все пространство перед нашими траншеями, помню горящие немецкие танки и бронетранспортеры. Помню жидкие колонны плененных немецких солдат. Однако противник был полон решимости сбить нас с позиций. Большие потери его не останавливали. Но нам удалось выстоять! После Сталинграда была короткая передышка, а затем, погрузив в товарные вагоны, нашу дивизию отправили на Левобережную Украину. Ночью наш эшелон подвергся бомбардировке с воздуха. Машинист и кочегары выжимали из паровоза всю возможную скорость, но одна бомба все же угодила в эшелон. Последним, что я увидел и услышал перед тем, как потерял сознание, были мелькающие перед глазами горящие вагоны, фигурки медсестер, крики и стоны раненных бойцов.

В себя я пришел в госпитале, на следующее утро. Дела мои были пло-

хи – я не мог пошевелить ногами. Одним словом, к дальнейшей службе я стал непригоден, и после лечения меня отправили домой. С вещмешком за спиной, пешком, на костылях отправился я в путь. Дорога вела на север – в противоположную от железной дороги и шоссе сторону. Паровозные гудки и шум проезжающих грузовиков понемногу стих. Я наслаждался окружающей меня тишиной и почти физически чувствовал, как война откатывается все дальше. Думал я, конечно, о доме, о том, как обрадуются родные, и как обрадуюсь сам при встрече с ними. Это придавало мне сил, и хотя я ковлялся на костылях, усталости почти не ощущал.

Когда день стал клониться к закату, я увидел у дороги неподвижно стоящую телегу. Она была запряжена парой лошадей, одна из которых была убита. В телеге лежал труп. Это был советский солдат. Рядом с окоченевшим телом лежали вилы, лопата, коса, топор. В телеге было немного сена. Топором я перерубил ремни, выпряг лошадиный труп, привел в порядок сбрую и пустился в путь. Немногим ранее я увидел вдалеке одиноко стоящее дерево, и теперь направлялся к нему. Здесь я вырыл могилу и похоронил солдата. Хотел было оставить какую-нибудь метку, но в карманах у убитого я не нашел ни удостоверения, ни продовольственного аттестата. Я оторвал от телеги небольшую доску, и, нацарапав на ней звезду, воткнул ее у изголовья могилы. Дальше дорога вела через лесок, по которому протекал ручей, и выводила в поле. Над полем кружились вороны. Когда я подошел поближе, взору представилась печальная картина – всюду лежали трупы немецких солдат. Черные птицы выклевывали им глаза и громко каркали, будто давали мне понять, кто здесь хозяин. «А вдруг среди немцев лежат и наши раненные бойцы?» – подумал я. Остановив телегу, я спрыгнул на землю и стал осматривать одно тело за другим. Наших солдат я не нашел и уже зашагал к телеге, как услышал протяжный стон. Стонал тяжело раненый немец. Он мог говорить и даже немного лопотал по-русски, но дела его были плохи. «Не жилец», – подумал я. Немец просил его добить. Я растерялся и, чтобы что-то сказать, произнес:

– Ты фашист?

– Наин... Их бин антифашист... – выговорил он, превозмогая боль. Он сказал, что на войне не по своей воле, сказал, что никого не убивал. Мне стало жаль его. Перетащив немца в телегу, я потянул за построжки и поехал дальше. Иногда он терял сознание, но каждый раз приходил в себя и что-то говорил на смеси русского и немецкого языков. Из его слов я понял, что до того, как его призвали, он работал школьным учителем. Когда стемнело, я увидел вдали огонек и стал править к нему. В чистеньком немецком домике жили старенькие супруги и их единственная дочь. Там мы и переночевали. Утром с помощью раненного немца, я объяснил хозяевам, что оставляю его у них на руках. Там же я оставил и лошадь, и телегу, а потом вдруг решил черкнуть старикам и свой адрес. «Кто знает, вдруг еще свидимся?» – подумал я, прощаясь. Солнце поднялось уже довольно высоко, нужно было идти дальше.

– Чем же все закончилось? – спросил родственник Франца, дослушав мой рассказ.

– Франц поправился, а что было потом, вы знаете лучше меня, – сказал я, завершая свою историю, – даже находясь по разные стороны баррикад, можно стать фронтовыми друзьями.

Жамал АТТАЕВ,
главный редактор газеты «Заман»,
заместитель председателя
Общественной палаты КБР

МИССИЯ ДРУЖБЫ И ДОБРА

Жизнь любого человека делится на определенные вехи, этапы. И каждый из них значим, неповторим, важная ступень на пути познания самого себя и других людей, в процессе обогащения и совершенствования.

...Весна 1992 года. Я тогда работал заместителем редактора газеты «Кабардино-Балкарская правда». Скажу без обиняков, время было сумбурное, разнузданное, иллюзорное. То, что тогда творилось вокруг, несколько лет тому назад не могло присниться даже в самом кошмарном сне. Казалось, что чья-то дьявольская рука широко распахнула ящик Пандоры. Просто невозможно было узнать тех людей, с которыми вчера общался, здоровался, делил хлеб-соль.

Какое-то представление о тех днях могут дать заголовки некоторых газетных публикаций: «Попытки переворота, или О том, кто и как добивается власти» (материал Владимира Кудяева), «Кто остановит противостояние?», «Быть и казаться» (статьи автора этих строк). Мне тогда все чаще и чаще приходили на память строки моего любимого поэта Сергея Есенина: «Ах, родина! Какой я стал смешной. На щеки впалые летит сухой румянец. Язык сограждан стал мне как чужой, В своей стране я словно иностранец».

Ну да ладно. Это, так сказать, лирическое отступление, предисловие. Перейдем, что называется, к сути. Где-то, наверное, в начале апреля мне позвонили на работу и сказали, что со мной хочет встретиться Емужов. Я знал о том, что было создано министерство внешних отношений и по делам национальностей, знал, кто его возглавил. Однако лично с Анатолием Гузеровичем не был знаком.

Все детали трудно сейчас восстановить, но, если не ошибаюсь, я, Юрий Пилипенко и еще несколько претендентов встретились с министром в первый раз в институте повышения квалификации учителей, где он являлся ректором. Разговор состоялся обстоятельный. Анатолий Гузерович произвел на меня впечатление образованного, степенного, основательного человека, хорошо знающего, чего он хочет и как этого добиться. И не ошибся. Потом много раз убеждался в истинности сложившегося тогда мнения.

Как и при организации любого нового дела, конечно, перед министром и его заместителями возникало много вопросов. Чем мы будем заниматься? Каковы основные приоритеты? Что надо ставить во главу угла? Анатолий Гузерович в одном из первых интервью газете так изложил

свое видение: «Мы должны дипломатическими средствами и дозволенными методами защищать суверенитет, территориальную целостность, безопасность и неприкосновенность границ Кабардино-Балкарии, ее политические, торгово-экономические и иные интересы как на международном уровне, так и в рамках РФ. Везде будем отстаивать интересы граждан КБР в соответствии с существующим законодательством...»

А кто будет осуществлять эти доселе невиданные, необычайные для республики функции. Анатолий Гузерович и здесь оказался на высоте. Объявил конкурс на замещение вакантных должностей, условия опубликовали в «Кабардино-Балкарской правде» (сейчас этим никого не удивишь, а тогда...). Критерии отбора – уровень профессиональной подготовки, знание иностранных языков, деловые качества.

И через некоторое время была создана такая команда профессионалов, что просто диву даешься, откуда взялись у нас в тот момент столь подготовленные люди. Чуть ли не каждый владел несколькими языками, имел опыт работы за рубежом, был на ты с компьютером. Не уверен, что подобные кадры есть даже в сегодняшних министерствах и ведомствах.

Каждый из них заслуживает отдельного рассказа. К сожалению, рамки небольшой статьи не позволяют реализовать мое желание. Но не могу не отметить, что это были надежные, компетентные, талантливые ребята. На них можно было полностью положиться. Они везде и всюду достойно представляли Кабардино-Балкарию. К ним я всегда испытывал и испытываю чувство глубокого уважения и любви. Назову имена некоторых из них. Это Юрий Пилипенко, Борис Кудяев, Сергей Акопов, Алим Зумакулов, Юрий Семенов, Жанна Тхамокова, Альберт Кетов.

Где-то через год-полтора наше ведомство было преобразовано – оно стало министерством иностранных дел. Понимали, что слишком громко звучит, но такова была ситуация, таковы настроения в ту пору. Хотя, положив руку на сердце, скажу, что в разговоре с представителями МИДа страны, в общении с коллегами из других субъектов всегда употреблял словосочетание «внешних связей». Оно больше соответствовало подлинному статусу нашей республики.

Название названием, а правда такова, что в тот период очень активно налаживались контакты, отношения со странами ближнего и дальнего зарубежья. Делегации КБР выезжали в Саудовскую Аравию, Иорданию, Турцию, Сирию, Германию. К нам довольно часто приезжали сотрудники посольств многих государств, бизнесмены. Я уже не говорю о наших соотечественниках, которых приходилось встречать чуть ли не каждый день.

И, надо сказать, что Анатолий Гузерович чувствовал себя в этой, казалось бы, суматошной обстановке спокойно и комфортно. Придавали ему уверенность, давали возможность добиваться нужных результатов и великолепное владение английским языком, и опыт, накопленный в обществе «Родина», где он не один год трудился, и чувство юмора, которым он обладал.

И еще. Не только ему, но и всем сотрудникам принимать гостей с достоинством и честью позволяли, скажем так, обустройство «территории» министерства. Анатолий Гузерович вдобавок ко всему оказался толковым

хозяйственником и незаурядным организатором. В каком крыле, на каком этаже Дома правительства ни располагалось бы ведомство, оно выделялось порядком, чистотой, уютом. Помню, как руководители различных уровней валом валили посмотреть наши апартаменты.

Внешнеполитическая деятельность, что и говорить, интересна, заманчива, но тем не менее министерство первостепенное внимание уделяло внутренним, российским проблемам. Мы хорошо понимали, что после развала Союза практически рухнули все связи между субъектами федерации. Каждый варился в собственном соку, выживал кто как мог. В этих условиях возникла настоятельная необходимость восстановить традиционные контакты, совместными усилиями выводить из тупика производство, торговлю, культуру.

В те годы появилось такое понятие, как создание «пояса добрососедства». Никогда не забуду, как мы, не жалея ни сил, ни времени, вели переписку, общались с коллегами из республик, краев и областей, готовили соответствующие документы, уточняли даты встреч первых руководителей.

И прилагаемые усилия воплощались в конкретные документы. За сравнительно короткий срок были подготовлены, согласованы и подписаны договоры о дружбе и сотрудничестве с Адыгеей, Карачаево-Черкесией, Дагестаном, Абхазией, Южной Осетией, Ингушетией, Калмыкией, Ставропольским и Краснодарским краями и Ростовской областью. Поверьте, это не формальные акты. Они приводили к активизации социально-экономического развития, увеличению количества породненных городов, к сближению людей и народов.

С тех пор утекло немало воды, многое изменилось. Нет и самого министерства. Мои друзья и коллеги трудятся в других сферах, живут другими заботами. Но мне кажется, то, что было сделано тогда, не потеряло своей значимости и сегодня. Больше того, последовательная работа по укреплению стабильности, доверия, толерантности и межнационального согласия актуальна и важна как никогда.

Период моей жизни, о котором идет речь, вспоминаю с большой теплотой и нежностью. Я познакомился с замечательными людьми, профессионалами высокого класса. Мы работали поистине в министерстве дружбы и сотрудничества, строили мосты, стремились утвердить идеалы мира, взаимопонимания и взаимодействия, распространить свет добра и любви. А что может быть выше и лучше этой миссии на земле?!

Мусаби ШХАНУКОВ

СОЛДАТ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Хажнагов
Барасби Хамзетович

Летопись Великой Отечественной пишут сегодня тысячи авторов. В жестокой схватке с фашизмом миллионы людей проявили беззаветную преданность партии и народу, любовь к Родине. И нам надо знать о них как можно больше.

Вот что нам рассказал солдат Великой Отечественной войны Барасби Хамзетович Хажнагов. До войны он работал в колхозе звеньевым, выращивал высокие урожаи кукурузы. В то время имя колхоза «Заря социализма» с. Малка прозвучало на всю республику и далеко за ее пределами. Немалая заслуга в этом звеньевого Барасби Хажнагова и его звена.

Кипучая колхозная жизнь была прервана начавшейся Отечественной войной. С поста бригадира, в числе первых 6 тысяч мобилизованных из Кабардино-Балкарии, 26 июня 1941 года уезжает на фронт 35-летний Барасби. Распределение проходило в Ростовской области, в лесу. Барасби был отправлен в Ленинградском направлении. В городе Калининне формировался корпус.

Хажнагов вспоминает: «Вскоре корпус попал в окружение. 18 суток, отбиваясь от численно превосходящих нас фашистов, находились мы в окружении. Ценой больших потерь вырвались из кольца.

Когда переходили реку Волгу, мы попали под бомбежку. Нас, 44 человека, ранило осколками. После оказания первой помощи раненых отправили на лечение в сторону Москвы, но эшелон снова попал под бомбежку, и мы задержались в пути. Наше лечение проходило в Челябинске.

После выздоровления меня направили под Москву».

Барасби принимал активное участие и в обороне столицы нашей Родины, и в наступлении наших войск. Чуть больше месяца оставалось до освобождения Московской области, когда его тяжело ранило осколком авиабомбы в правую ногу. Было это 8 марта 1942 года.

В составе полковой разведки 16-й гвардейской стрелковой дивизии много ратных подвигов совершил каш земляк, за что получил несколько благодарностей от командования. В числе наград Барасби есть медаль «За отвагу».

Ветеран рассказывает, за что была вручена ему эта медаль: «Послали нас в количестве шести человек на разведку в одну деревню, в которой располагалось два батальона немцев. На окраине деревни стоял немецкий дзот. Мы сняли охрану и забросали дзот гранатами. В это время нас

обнаружили фашисты и открыли ураганный огонь. Но задание свое мы выполнили. Отстреливаясь, уходили в лес. В этой переделке мы потеряли трех боевых товарищей. За выполнение задания нас троих, оставшихся в живых, наградили медалью «За отвагу»...

Много повидал Барасби в годы войны, многих дорогих товарищей потерял. Во время общего наступления наших войск 23 января 1942 года Хажнагоев потерял двух своих земляков-односельчан. Назир Шаов погиб утром, а Хабас Апигов умер под вечер прямо на руках у Барасби. Тогда он дал слово отомстить за погибших односельчан и сдержал свое слово.

После лечения, 11 мая 1942 года Хажнагоева отправили домой, на тыловые работы. Фронтовик хорошо знал обстановку на фронте и работал, не щадя себя. Снова стал бригадиром колхозной бригады, потом работал животноводом.

За хорошую работу был премирован дойной коровой, был участником ВДНХ.

За добросовестный и честный труд награжден медалями «За трудовое отличие», «Ветеран труда».

Сегодня Барасби Хажнагоева нет с нами. Но мы всегда помним и будем помнить его как достойного сына своей страны.

Вспоминая таких людей, как Барасби Хамзетович, хочется обратиться к молодежи, ко всем людям: для того чтобы сохранить для будущих поколений уходящие голоса войны, надо почаще встречаться с ветеранами, собирать и бережно хранить все, что они рассказывают, вспоминают. Запечатленная память – это письма в будущее!

***

В 1939 году Каральби Хамшутевич Дугужев добровольцем уходит в Красную Армию, оставив учебу в Нальчикском сельскохозяйственном техникуме. Поступает в военное пехотное училище, после окончания которого ему присваивают звание лейтенанта и назначают командиром взвода 960-й стрелковой дивизии.

Боевое крещение молодой лейтенант Дугужев получил под Брянском. Ворвался тогда его стрелковый взвод в первую траншею, выбил из нее гитлеровцев. Взвод готовился к штурму, но в это время в небе появились вражеские бомбардировщики. Сильной взрывной волной лейтенанта отбросило в сторону. Что произошло потом, командир взвода не помнит. Очнулся в госпитале.

В январе 1943 года разгорелись ожесточенные бои за станцию Назия, недалеко от Ладожского озера.

Батальон старшего лейтенанта Дугужева (это большое доверие – в звании старшего лейтенанта командовать целым батальоном) вырвался

**Дугужев
Каральби Хамшутович**

вперед под огнем вражеской артиллерии. Гитлеровцы отчаянно сопротивлялись. Но отважные солдаты шли вперед. Боевая задача была выполнена с честью.

За проявленное мужество, стойкость и отвагу при освобождении станции Назия, Дугужев был награжден орденом Красной Звезды, ему было присвоено звание капитана. Следует заметить, что еще до этого награждения наш земляк, за взятие сильно укрепленной деревни Виняголово Ленинградской области, из рук командира дивизии полковника Симонова получил памятные часы с благодарственными словами.

Но вскоре, получив ранение, отважный Каральби Хамшутович попал в госпиталь.

После излечения, в марте 1943 г., Дугужева направляют в распоряжение командования Волховского фронта, а затем – на военные курсы.

С 15 октября 1943 по 25 апреля 1944 года он – слушатель курсов «Выстрел» имени маршала Шапошникова, После успешного завершения учебы Каральби Хамшутович едет на Первый Украинский фронт. Здесь его назначают командиром стрелкового полка 21-й запасной стрелковой дивизии...

После демобилизации Каральби Дугужев работал в Эльбрусском райвоенкомате, а с 1960-го был военкомом Баксанского района.

Более двадцати лет безупречно прослужил К. Дугужев в военкоматах Кабардино-Балкарии. И них шестнадцать – военным комиссаром.

Работа военкома нелегкая, сложная и многозначная. Но, как и на фронте, он всегда успешно справлялся с поставленными задачами.

Большую работу он проводил с допризывниками. И свидетельство тому – благодарности и грамоты. Вот лишь некоторые из них.

От Генерального штаба Вооруженных Сил: «За безупречную службу в Вооруженных Силах СССР».

Письмо из военного округа: «Военный Совет и Политическое Управление Северо-Кавказского военного округа поздравляют Вас с высокой правительственной наградой – медалью «За боевые заслуги». Желаем Вам доброго здоровья, новых успехов в деле дальнейшего укрепления Вооруженных Сил».

В последние годы К. Х. Дугужев работал в Баксане, в системе гражданской обороны. Он оставил добрый след на земле. Таких людей нельзя забывать.

Из села Малка Каральби Дугужев – первый военком и первый полковник. Это тоже страница истории села.

Жамбулат СОКУРОВ,
член Союза журналистов России

Я счастлива... Нашла отца

Пройдут годы, тысячелетия, но люди никогда не забудут огненные 1418 дней и ночей 1941–1945 годов. В ожесточенных боях с немецко-фашистскими захватчиками, показывая образцы мужества и героизма, сражались и воины-малокабардинцы. Они громили врага у стен Ленинграда и Сталинграда, освобождали Украину, Белоруссию, Прибалтику, участвовали в разгроме милитаристской Японии. Немало написано о них, отстоявших честь и независимость нашей Родины, многим не суждено было вернуться домой, – вечная им Слава. Но, к сожалению, среди них есть еще много воинов, о которых мало что известно.

Из одного только Терского района с войны не вернулось домой свыше трех тысяч человек, многие пропали без вести. Из одного только рода Алагировых, которые проживают в селении В. Акбаш, на фронт ушли – 20, а возвратились – 9.

В то время, когда шли ожесточенные сражения на всех фронтах, в районный военкомат пришло письмо от Хажбары Алагирова: «Прошу отправить меня на фронт. Даю слово, пока дышу, пока бьется мое сердце – буду уничтожать фашистов». Но, к сожалению, не суждено было осуществиться его мечте.

Впервые, в 1919 году, когда организовывали отдельный полк в борьбе против войск Серебрякова, Хажбара Алагиров первым вступил в него. Тогда, как и во многих селах, в В. Акбаше (Астемирово) белогвардейцы вели пропаганду: «Серебряков просит сельчан не бояться, не прятать ни скота, ни имущества, не покидать свое жилье, – он дал слово никого не обижать». В это тяжелое время Хажбара ночами обхо-

дил дворы своего села и внушал односельчанам не верить ни одному слову белых, не вступать в их ряды, вести борьбу против них. «Красная армия всех сильнее, мы победим», – говорил он. И когда недалеко от селения В. Курп белогвардейцам дали сокрушительный отпор, Хажбара показал образцы героизма, но в другой схватке, получив ранения, ему пришлось оставить поле боя.

Алагиров
Хажбара Асхадович

За мужество и отвагу в боях, за преданность, честное и добросовестное отношение к порученному делу Хажбара был принят в ряды ВКП(б) и в этом же году, (1924) поступил в кузницу кадров республики – Ленинский учебный городок. После успешного окончания учебы он работает секретарем партиячейки в своем родном селе Астемирово. После Хажбара успешно заканчивает Ростовскую краевую партийную школу, и в 1937–1942 годах работает секретарем парторганизации и председателем сельского Совета в селении В. Акбаш. Будучи на этих постах, он встретил Великую Отечественную войну, и по указанию Терского райкома партии его оставили в подполье со специальным заданием. Как свидетельствует архивный документ, по донесению бывших тогда полицаев братьев Тетовых был схвачен немцами и после жестоких пыток, не выдав ни одного секрета, со словами: «Мы победим, да здравствует наша Родина!» – умер. Сейчас в «Дубках» в честь погибших воинов Терского района установлен памятник славы, где, наряду с другими, золотыми буквами высечены слова – Хажбара Алагиров. Никогда безлюдным не бывает это священное место – тут постоянно дети, молодежь, пожилые люди.

**Хить Генриетта
Леонидовна (Хажбаровна)**

Весной 1983 года, когда все цвело, было красиво, многие жители селения В. Акбаш, как всегда, пришли на кладбище почтить память родных, близких, родственников. Старшие делали намаз, молодые занимались уборкой, женщины плача гладили надгробные плиты.

В это время из подъехавших машин вышли несколько человек и направились к надгробной плите с надписью «Алагиров Хажбара Асхадович». Собравшиеся, конечно, заметили, что это дочери Хажбары – Раиса, Римма, Зоя, и сын Ким, но среди них была одна женщина лет 60-ти, которая здесь появилась впервые. «Кто эта незнакомка, откуда пришла, почему раньше ее не видели?» – спрашивали друг у друга многие, но

на этот вопрос никто не мог ответить.

Но скоро завеса тайны приоткрылась: жена Хажбары – Катерина, собрала своих детей, старших в роду, и сказала: «Дорогие мои дети, грудью своей, материнским молоком я вскормила вас, если это для всех свято, если меня любите – любите и ее, которая сидит рядом, она ваша родная сестра. Пусть этот день и для нашей семьи, и для всего рода станет счастливым». Правда, Катерина давно покинула этот мир, но умные, золотые, мудрые слова этой женщины и по сей день помнят односельчане.

Кто же эта женщина, которая пополнила, стала любимой сестрой рода Алагировых, которые проживают в селении В. Акбаш, и почему до сих пор об этом никто не знал? Но прежде чем ответить на все эти вопросы, представим ее читателю.

Она не только в России, но известная во всем мире ученый, доктор исторических наук, профессор, ведущий сотрудник Московского института этнологии и антропологии имени Миклухо-Маклая.

Генриетта Леонидовна (Хажбаровна) Хить родилась 10 марта 1930 года в городе Нальчике. Ее мать, молодая, жизнерадостная учительница младших классов, по направлению министерства просвещения России была направлена в Кабардино-Балкарию, работала в селении В. Акбаш (Астемирово) Терского района. Знакомая с произведениями великих русских классиков А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, с еще большей глубиной ознакомились с жизнью, культурой, обычаями кабардинцев. Живая, влюбленная в свое дело, она доходила до каждого ученика, дети овладевали русским языком, а сама она старалась овладеть кабардинским языком. За ее доброту, любовь к детям, очень быстро и ученики и родители полюбили молодую учительницу. И, что интересно, сельчане часто приглашали ее к себе домой, знакомили с кабардинской национальной кухней, со своей жизнью, но из-за нехватки времени ей приходилось многим отказывать.

В самый разгар занятий, к полудню, оставив все свои дела, Хажбара зашел в школу ознакомиться с работой учителей, и тут же он познакомился с молоденькой русской девушкой, и что интересно, после этого, куда бы он ни ходил, что бы ни делал, мысль о ней не покидала его. И вот так началась любовь кавказского джигита и русской девушки, но, к сожалению, не суждено было им долго быть вместе – они расстались.

В 1931 году Вера позвонила по телефону Хажбаре и сказала, что у него есть дочка и что он никогда не увидит ее. Так Вера Ивановна с маленьким ребенком начала хождение по России, работала в Ставрополе, Краснодаре, потом перебравшись в Воронежскую область, работала учителем до 1945 года. Таким образом, детские и юношеские годы Генриетты пришлись на трудные военные и послевоенные периоды, но никакие трудности не смогли сломить ее. После окончания 7 класса, они переезжают в Москву, где жила сестра Веры Ивановны с семьей, и в 1948 году девочка успешно оканчивает среднюю школу.

После окончания школы, долго не думая, Генриетта поступила на биолого-почвенный факультет МГУ, прослушала много интересных лекций, особенно талантливой девушке понравились лекции в Политехническом музее, который читал знаменитый Я. Я. Рогинский. Это и привело ее на кафедру антропологии. Здесь она принимает активное участие во всех экспедициях, которые проводила кафедра. Генриеттой тщательно была проанализирована возрастная динамика – 22 измерительных и описательных признака на материале более чем 8.5 тысяч человек, в 8-ми этнических группах, собранная авторами по унифицированной методике.

Поездка на Памир, первые сборы отпечатков кисти руки в 1957 году, работы по серологии оставили у Генриетты неизгладимое впечатление, и в течении трех полевых сезонов она работает на Памире. Ее научные разработки тогда были новыми, пионерскими, специальных исследований групп крови в то время в нашей стране не проводилось. Но целеустрем-

ленная, настойчивая кабардинка на этом не останавливается – занимается исследованием народов европейской части от Прибалтики до Украины, народов Кавказа, Алтая, пишет о возникновении народов Тувы, сибирских татар и многое другое. В 1964 г. ей присуждают степень кандидата биологических наук, а в 1984 г. она защищает докторскую диссертацию и получает степень доктора исторических наук. Она автор более 150 статей, куратор дерматоглифических разделов многих кандидатских диссертаций, благодаря ее вкладу во многих республиках, а теперь и в странах ближнего зарубежья, возникли и развивались исследования. Это Грузия, Украина, Узбекистан, даже Мали. Г. Л. Хить – член Американской дерматоглифической ассоциации, неоднократно участвовала и участвует в международных конгрессах и симпозиумах. Она работала в Германии, Болгарии, Японии.

«Генриетта Леонидовна относится к немногочисленной и, увы, по-немногу исчезающей категории ученых, которые самозабвенно служат своему делу, – говорит доктор филологических наук, профессор, зав. сектором Адыгского фольклора КБ института гуманитарных исследований Адам Гутов. – Если некоторым «кабинетным» исследователям представляется достаточным просто открыть форточку, чтобы установить контакт с действительностью, она в течение десятилетий собирала свой бесценный фактический материал, для чего исходила и извездила чуть ли не весь континент. Это бесконечные экспедиции в жаркие и морозные края, в горы и пустыни, равнинные селения и таежные дебри. Я готов назвать имена многих здоровых мужчин, которые робеют перед такого рода задачами, а она все-таки хрупкое создание, женщина. Но это только начало работы, ее черновая стадия. Главное заключается в том, чтобы грамотно систематизировать и «прочитать» огромный по объему собранный материал. Надо сказать, что именно здесь Генриетта Леонидовна на протяжении многих лет показывает высший пилотаж: ее исследования не просто опираются на убедительную базу аргументов, но еще содержат такие обобщения и теоретические выкладки, которые ставят ее в один ряд с ведущими антропологами мирового уровня. Ее разыскания и обобщающие умозаключения фактически невозможно оспаривать, поскольку они опираются на два надежных основания: огромный интеллектуальный потенциал и математически выверенные данные, достоверность которых не подлежит сомнению.

Есть люди, которые в миг какого-то высокого эмоционального напряжения способны совершить яркий подвиг, и этот подвиг достоин восхищения. Но есть подвиги, которые совершаются всечасным напряжением ума, воли и физических сил на протяжении всей долгой жизни. Таков, мне кажется, бесспорно, яркий и беспримерный подвиг Генриетты Леонидовны».

«Генриетта Леонидовна Хить – одна из старейших работающих сотрудников нашего отдела, – пишет в 13-м выпуске научного альманаха «Вестник антропологии» Российской академии наук ответственный секре-

тарь этого журнала М. И. Герасимова. – Она автор нового направления в антропологических исследованиях нашего института – этнической дерматоглифики, различным аспектам которой посвятила большую часть своих публикаций на протяжении более чем 40 лет. В течение многих и многих полевых сезонов Генриетта Леонидовна собирала отпечатки кистей рук, которые составили основу уникальной коллекции по дерматоглифике народов СССР. Она, вместе со своими учениками и исследователями, собрала коллекцию отпечатков, по объему и разнообразию не имеющую аналогов ни в одном из музейных собраний нашей страны и других стран. В результате многолетних исследований Г. Л. Хить удалось показать высокую информативную ценность дерматоглифических материалов для решения вопросов как расо- и этногенетического плана, так и общебиологического значения. Сейчас я часто думаю с удивлением, что же ею двигало, почему она ничего не боялась пускаясь в такие тяжелые и рискованные поездки?! Ей было ИНТЕРЕСНО. Возможно, это если и недостаточное, то, во всяком случае, необходимое, обязательное качество настоящего исследователя. И оно присуще Генриетте Леонидовне в полной мере».

Генриетта Хить, где бы ни находилась, с какими бы трудностями ни сталкивалась, – а их было ох как много! – никогда не отчаивалась. И еще она всегда задавала себе вопрос: «Кто же мой отец?» Но как бы она ни старалась, как бы ни просила, мать не говорила ни слова, так и умерла, забрав эту тайну с собой, и слово, данное Хажбаре Алагирову – отцу ребенка, сдержала. Теперь оставалась одна-единственная женщина – мамина сестра, которая могла приоткрыть завесу тайны, и Дина сказала правду: «Я тоже не имела права раскрыть это, но Бог меня простит, твой отец – Хажбара из Малой Кабарды. Он в 30-е годы работал секретарем партячейки в одном из маленьких сел Терского района, а там тогда в младших классах преподавала русский язык и литературу твоя мама».

С тех пор прошло более 28 лет, но Генриетта никогда не забывает близких родственников, а также свой род, род Алагировых. Много раз на Северном Кавказе проводила симпозиумы, семинары, в 2004 году встречалась с сотрудниками Кабардино-Балкарского гуманитарного научно-исследовательского института. Потом, как позволяло время, провела несколько дней в селении В. Акбаш со своими родственниками. Как и раньше, Генриетта удивлялась, восхищалась, гордилась многовековой историей адыгского народа, его танцами, песнями; горами и бурными реками, воспетыми нашими поэтами Кешоковым и Кулиевым.

«Старейшины моего рода и многие другие люди неоднократно задают вопрос: «Не желаю ли я носить настоящую фамилию – Алагирова, – говорит Генриетта. – Ученые всего мира знают меня по имени и фамилии, которое ношу сейчас. Пусть так и будет до конца моих дней, но знайте – я и кровью, и сердцем, и душой – кабардинка из рода Алагировых, и оставляю завещание – по окончании земного существования похороните меня рядом с моим дорогим отцом – Хажбарой Алагировым».

Эдуард БИТИРОВ

АЛИЙ АТАБИЕВ: О СВОЕМ ВЫБОРЕ НЕ ЖАЛЕЮ

Современная Гуманитарная Академия – крупнейший ВУЗ России и Европы, занесенный в Книгу рекордов Гиннеса – передовые технологии обучения, 145 тысяч студентов, 250 тысяч выпускников, признание международных организаций, 950 центров доступа к академическим ресурсам. Со дня своего основания, в 1992 году, СГА стала одним из наиболее престижных ВУЗов страны. Сегодня у нас в гостях ректор Нальчикского филиала Академии Алий Атабиев.

В середине 90-х в нашей республике работало представительство СГА. Со временем возник ряд проблем, в связи с которыми офис в Нальчике был закрыт. Однако вскоре руководство Академии приняло решение открыть в Кабардино-Балкарии свой

филиал. Возглавить его предложили нашему гостю.

Алий Атабиев уже имел опыт руководящей работы. Какое-то время был заместителем начальника почтовой связи республики, позднее решил открыть собственное дело. Перспективы были самые радужные: договоры с крупными зарубежными концернами, инвестиции, серьезные бизнес-проекты... Одним словом, все складывалось как нельзя лучше, но, как известно, человек предполагает, а Бог располагает.

– Когда мне предложили возглавить филиал, я, разумеется, отказался. Не мог бросить на полпути начатое дело. Тогда мои столичные друзья изменили тактику, – объясняет Алий Атабиев. – Приезжаю я как-то к маме, и вдруг она говорит: ты не прав, что бросил работу и решил заняться бизнесом. Я стал объяснять, что это будет не просто купля-продажа, а серьезное производство, рабочие места и так далее. Мама выслушала меня с улыбкой, и говорит:

– Пообещай мне, что дашь хорошее образование всем моим внукам и правнукам.

Я честно отвечаю:

– Бизнес – штука непредсказуемая, и сказать заранее что-то определенное я не могу.

– Тогда соглашайся возглавить филиал.

После этих слов я сразу понял, откуда ветер дует. Дело в том, что один из моих московских знакомых был вхож в нашу семью и хорошо знал маму.

В качестве последнего аргумента мудрая женщина привела цитату из Корана, которая гласит: давать людям знания выше милостыни, поста и молитвы. Этот аргумент оказался решающим, и в марте 1997 года Алий Атабиев дал согласие стать ректором.

Новый ВУЗ практически сразу стал популярен. С каждым годом число студентов увеличивалось в несколько раз, помещений катастрофически не хватало. Изначально филиал СГА располагался в таксопарке, затем в административном корпусе автокомбината. Но вскоре и там стало тесно.

– Что интересно, где бы мы ни работали, из окон всегда было видно здание, в котором находимся сейчас, – улыбается ректор. – В то время здесь размещалось СКБ «Трансавтоматика». В свое время достаточно серьезное предприятие, которое со временем обанкротилось и было выставлено на торги. Незадолго до этого мы предлагали директору сдать помещения в аренду. Однако несмотря на сложную финансовую ситуацию он не пошел нам навстречу.

СГА нередко находила понимание и поддержку на самых разных уровнях. Наряду с этим молодому ВУЗу приходилось доказывать свою жизнеспособность и состоятельность.

– Было много проверок, экспертных комиссий. В частности, нас проверяла Полиция качества, которая впоследствии стала аттестационной комиссией. Кстати, это был ее самый первый рейд в истории России. В Нальчик приехали эксперты, профессора столичных ВУЗов. Дело происходило во время каникул, и все же нам удалось собрать студентов и успешно пройти тестирования. Ситуация была сложная, но мы справились. Это была хорошая школа для педагогического коллектива и для меня лично, – признается наш гость.

Разумеется, быть ректором ВУЗа дело непростое. Работа ответственная, нервная. Свободного времени практически нет. Тем не менее, Алий Атабиев не жалеет о принятом когда-то решении.

– Общаясь с выпускниками, слыша слова благодарности от их родителей, понимаю – мы работаем не напрасно. Конечно, займись я тогда предпринимательством – автомобиль мог быть дороже, дом выше, но разве это главное. Не могу сказать, что достиг всего и вся, тем не менее, я своей жизнью доволен. Мне нравится то, чем я занимаюсь. Кроме того, у нас прекрасный коллектив. Практически мы одна семья – вместе отмечаем свадьбы, дни рождения. Поддерживаем друг друга в трудных ситуациях. Нас связывают теплые, дружеские отношения, которые компенсируют все негативное.

Нередко приходится слышать, что в нашей стране слишком много ВУЗов, готовящих специалистов в области экономики и права. По мнению Атабиева, вопрос этот сложнее, чем может показаться на первый взгляд.

– В России дефицит компетентных экономистов и грамотных юри-

стов, – считает он. – Речь даже не о юридической грамотности населения, но, согласитесь, любой современный руководитель обязан разбираться в экономике и юриспруденции. Поэтому считаю, вузы нужно не закрывать, а открывать. Наша задача – поднять качество образования, а рынок сам отрегулирует и решит, насколько то или иное учебное заведение жизнеспособно. Конечно, наша экономическая система далека от зарубежных аналогов. Например, сейчас много говорят о том, что рабочие специальности непопулярны. Но ведь если на рынке труда появится спрос на эти профессии – молодые люди обязательно пойдут учиться.

Двери в кабинет ректора всегда открыты для посетителей. Любой вопрос он старается решить положительно, но его популярность среди студентов обусловлена не только этим. Алий Атабиев без труда находит общий язык с молодежью.

– Среда, конечно, влияет на мироощущение, – улыбается он. – Общаясь с молодыми людьми, сам становишься моложе. Я вместе со студентами пою, танцую – стараюсь участвовать во всех мероприятиях, проводимых в нашем ВУЗе, – улыбается он

Разговаривая со студентами на их языке, ректор, когда это нужно, умеет проявить строгость. И надо сказать, у своих подопечных он пользуется не только уважением, но и непрерываемым авторитетом.

– Всегда стараюсь найти золотую середину. С одной стороны, нужно соблюдать определенную дистанцию, и в то же время быть другом, старшим товарищем, – говорит гость нашей редакции.

По его мнению, молодежь в Кабардино-Балкарии прекрасная – умная, талантливая, и – что самое главное – безразличная к тому, что происходит вокруг.

– Молодые люди, как правило, энергичны, и мы должны направить эту энергию в нужное русло, – считает ректор.

Наш гость родился и вырос в многодетной семье. 5 братьев и 6 сестер – такое встретишь нечасто. 22 года назад ушел из жизни его отец. Биография этого человека может служить иллюстрацией истории нашей страны – репрессированные родственники, раскулачивание, ссылка. Тем не менее, за всю жизнь он не сказал ни о ком дурного слова, не держал обид и любил людей. По словам близкого знавшего его людей, в молодости Хаким Атабиев отличался недюжинной силой – как-то еще в Средней Азии поборол... циркового медведя. Мог запросто поднять всадника вместе с лошастью, но самое главное он был хорошим отцом. Его уроки дети запомнили на всю жизнь.

– После седьмого класса отец заставил меня работать, – вспоминает наш собеседник. – Каждый день я ездил из Кенже в Вольный Аул на консервный завод. Автобус набит битком, вовремя доехать сложно. Я ему говорил: «Папа, ну зачем мне ездить так далеко. В нашем селе своих заводов хватает», но отец ничего на это не отвечал. Бывало, подъезжаю к заводу, а отец уже там – приехал на машине по делам. «Неужели трудно было подвезти?» – спрашивал я. Честно говоря, я долго не понимал, в чем тут дело. Потом отец мне все объяснил: «Думаешь, мне твои деньги

нужны? – сказал он. – Я хочу, чтобы ты жизнь увидел. Ведь большинство людей живут именно так».

Самое высокое предназначение женщины – это материнство. Мама нашего гостя, Жаннетт Мустафаевна, родила и поставила на ноги 11 детей, все получили высшее образование. Два года назад она была признана «Лучшей мамой России».

– Конкурс проходил под патронажем супруги В. В. Путина, на базе Российского Социального Гуманитарного Университета. В финал вышли 13 семей – в том числе семья Запашных. Запомнились гости из Башкирии – все дети, невестки и зятя участницы – выпускники одного педагогического ВУЗа. Общий стаж обучения 247 лет. Или, скажем, семья из Якутии, мама – обладатель премии П. И. Чайковского, руководитель семейного театра. Одним словом, кандидатуры достойные и яркие, но, тем не менее, жюри выбрало нашу маму. Думаю, дело в том, что мои братья и сестры люди разных профессий. Сестра – профессиональный скульптор. Среди нас есть врач, инженер, историк, археолог. Три сестры живут в Италии и занимаются моделированием одежды – на конкурс они привезли свои собственные коллекции.

Жаннетт Атабиева человек глубоко верующий, всю жизнь она занимается изучением Корана. Будучи мусульманкой, с большим уважением относится к другим религиям – например, в день больших христианских праздников усиленно молится.

В этой семье никогда не делили людей по религиозным и национальным признакам. Достаточно сказать, что двое братьев ректора СГА женаты на кабардинках. Одна сестра замужем за итальянцем, другая за чеченцем.

– Самое главное в браке – это человеческая порядочность, взаимопонимание и общность интересов, – убежден Алий Атабиев.

Борис БОРИСОВ

ХИРУРГ ОТ БОГА

18 января ему исполнилось 75. Большую часть своей жизни он посвятил одной из самых гуманных и благородных профессий. Сегодня у нас в гостях главный нейрохирург Кабардино-Балкарии, доктор медицинских наук, профессор Борис Белимготов.

– Время – понятие емкое и многогранное. Кроме всего прочего, это еще и философская категория. Каждому отпущен свой срок. После человека на земле остается память, и какой она будет, зависит только от нас самих, – считает гость рубрики.

Его родители не имели отношения к медицине, и все же выбором профессии он в немалой степени обязан отцу. Хусен Белимготов – участник трех войн – повидал в жизни немало, но о военных медиках всегда говорил с особым чувством. Оно и понятно – на фронте эти люди выше любви и ненависти, выше добра и зла.

Окончив Дагестанский медицинский институт, Борис вернулся на родину. Именно здесь, в Кабардино-Балкарии, состоялась встреча, во многом определившая его судьбу.

– Аркадий Ремиз был главным хирургом в Минздраве КБАССР, – вспоминает профессор. – Он был настолько яркой и неординарной личностью, что даже я – молодой и неискушенный в житейских смутах человек, понимал – долго работать ему не дадут. К нам, молодым врачам, он относился с большой симпатией. Не жалея времени и сил, читал лекции, проводил семинары, помогал публиковаться в солидных медицинских журналах. Ежедневно Аркадий Маркович обзванивал районные больницы: предлагал свою помощь, интересовался состоянием текущих дел. Как-то раз, вместе с инспектором из Астрахани, он приехал в Терек, где я тогда работал. Осмотрел отделения, поинтересовался планами на будущее. Узнав, что собираюсь специализироваться в сердечнососудистой хирургии, сказал – я, конечно, попытаюсь вам помочь, но если не получится, не отчаивайтесь. Подумайте о профессии нейрохирурга. К тому времени я уже подал заявление с просьбой направить меня в ординатуру, и не придавал этим словам особого значения. Тем более что представления о нейрохирургии имел достаточно размытые. Помню, приехал в Нальчик и решил зайти в Минздрав. В приемной узнал, что мест в ординатуру по сердечнососудистой хирургии нет, и в ближайшее время не предвидится, но я могу подать заявление в клиническую ординатуру

по нейрохирургии. Сразу понял, без Аркадия Марковича тут не обошлось, – улыбается доктор.

Все складывалось, как нельзя лучше. Еще, аспирантом на кафедре Николая Бурденко Ремиз дружил с Вениамином Угрюмовым, который впоследствии возглавил Ленинградский медицинский институт имени Поленова – именно там предстояло учиться нашему земляку. В Северной столице его встретили радушно, как старого доброго знакомого. Подливая в чашки горячий чай, директор института вспоминал молодость, расспрашивал о своем приятеле Ремизе. Потом взял в руки направление Минздрава Кабардино-Балкарии и лишился дара речи. Документ был составлен вопиюще безграмотно и скорее напоминал частную записку, чем официальную рекомендацию. Профессор сделал несколько звонков и беспомощно развел руками. Пришлось слать в Нальчик запрос. Потянулись бесконечные дни ожидания. Два месяца Белимготов жил у земляков – аспирантов Первого медицинского института. «Наш нелегал», – шутили они.

Неизвестно, как долго могло все это продолжаться, если бы не вмешался Белимготов-старший. Узнав, в каком положении оказался сын, он не стал обращаться в Минздрав, а сразу пошел в обком партии. Буквально через несколько дней Борис получил все необходимые бумаги.

Учителем, в самом широком значении этого слова, для него стал Исаак Бабчин – светило советской медицины. Удивительный человек и блестящий нейрохирург.

– Он не только учил профессии, но и пытался воспитать нас порядочными людьми, четко разделяющими границу добра и зла. О себе говорил иронично: «В год открытия рентгеновских лучей в семье купца первой гильдии Савелия Бабчина родился горластый прожорливый мальчик, которого нарекли Исааком». Примерно в это же время профессору Бехтереву пришла мысль о хирургическом лечении заболеваний нервной системы. В 1897 году, выступая на открытии Клиники нервных и душевных болезней Санкт-Петербургской Императорской Академии, он сказал: «Нынешние невропатологи вынуждены обращаться за помощью к хирургам, но настанет время, когда они возьмут в руки нож и будут оперировать то, что принадлежит им по праву». По сути, это стало отправной точкой развития нейрохирургии. Наш учитель был студентом Бехтерева и рассказывал о нем интересные вещи. Экзамены, например, ученый, принимал в собственной гостиной. Имея частную практику, он мог позволить себе жить широко. После полудня, на рысаках, подъезжал к своему особняку на Каменном острове и приглашал студентов в дом. Сначала кормил всех обедом, потом раздавал вопросы и садился у камина. Исаак Савельевич клялся, что его учитель натуральным образом спал, но при этом слышал каждое слово. Как только замолкал последний оратор, Бехтерев открывал глаза и начинался «разбор полетов». Он плохо запоминал имена и фамилии, но, указывая на ошибки, бесподобно имитировал голоса.

По окончании ординатуры, Борис Белимготов решил стать аспирантом. На этот раз за направлением пришлось ехать в Минздрав РСФСР. Поезд Ленинград–Москва пришел рано, но в приемной заместителя министра уже выстроилась длинная очередь. То, что произошло в кабинете, может служить яркой иллюстрацией нравов чиновников советской эпохи. Впрочем, только ли советской?..

– Захожу, здороваюсь, в ответ – гробовая тишина. Объясняю цель визита, и слышу в ответ: «В порядке исключения мы направляем в аспирантуру только тех, у кого есть рекомендация кафедры». Протягиваю необходимую бумагу. Подготовился я серьезно, и, по мере того как вытаскивал очередной документ, замминистра все больше и больше выходил из себя. Потребовал задел в научной работе – пожалуйста. Вот тема, вот обзор литературы, вот обработанный клинический материал. «Необходим хотя бы частичный кандидатский минимум!» Предъявляю аттестат с отличными оценками. Мой собеседник переходит на крик: «Дайте мне бумагу из того учреждения, где вы собираетесь работать после окончания аспирантуры!» Я говорю: «Страна у нас большая, надеюсь, без работы не останусь». – «Вы там в своей Кабардино-Балкарии слишком много о себе возомнили! – кричит он. – У вас нет медицинского факультета, и не будет, пока я сижу в этом кресле!» Слушать дальше весь этот бред не было никакого желания. Я вежливо поблагодарил за потраченное время, попрощался и вышел, – с улыбкой вспоминает профессор.

К счастью, должность заместителя министра не дается пожизненно. Аспирантуру Борис Белимготов все-таки окончил. Стал кандидатом, а затем доктором наук. Более того – сегодня в Кабардино-Балкарии есть не только медицинский факультет, но и курс нейрохирургии.

Наш гость работает в жестком графике. День главного нейрохирурга республики расписан по минутам – операции, консультации, обходы, преподавательская работа. Лучшим лекарством от стресса он считает отдых на природе и чтение – его библиотеке может позавидовать любой, даже самый завязтый книголюб.

Хороший врач – это всегда психолог. Он прекрасно знает – словом можно не только ранить, но и убить. Не хочется оперировать клише, но выражение «хирург от Бога» – это как раз про нашего собеседника. На его счету сотни спасенных жизней, и дело тут не только в блестящем владении скальпелем. Борис Белимготов лечит пациента, а не болезнь. У него свои психологические приемы, главный из которых – умение обходить острые углы.

– Больной должен верить в свое выздоровление – это половина успеха, – объясняет он. – Как говорили своим пациентам доктора старой школы – если вы будете на моей стороне, мы сумеем победить болезнь. А с вами двумя мне не справиться.

Когда-то он был единственным нейрохирургом в республике. Теперь сам готовит молодых специалистов. Только в отделении нейрохирургии республиканской больницы – 5 кандидатов наук. Ученики профессора Белимготова проходят стажировку в российских и зарубежных клиниках, оперируют в Москве и Санкт-Петербурге. С начала 90-х в республике работают интернатура, ординатура и аспирантура по нейрохирургии. Практически нет такой операции на нервной системе, которую не освоили бы местные специалисты под руководством своего главного врача.

Много лет назад Исаак Бабчин сказал своему ученику: «Ты у меня алмаз, но чтобы стать бриллиантом, тебе нужно хотя бы пять лет поработать в Ленинграде». Борис возразил, объясняя, что на родине его ждут и там он тоже сумеет добиться успеха. «Блажен, кто верует...» – улыбнулся старый профессор. Тут, пожалуй, уместно вспомнить другую крылатую фразу и поставить на этом точку: «Каждому воздается по вере».

Задин МАРЕМОВ,
член попечительского совета интерната

Самое лучшее в России детское воспитательное учреждение

Коллектив работников школы-интерната № 5 сел. Нартан им. Мамиши Наурузова*, которым вот уже два десятка лет успешно руководит заслуженный работник просвещения КБР А. А. Алишанов, продолжает удивлять нас своими большими достижениями во всех сферах своей деятельности, вызывать восхищение у самых бескомпромиссных и придирчивых проверяющих и просто гостей из руководящих органов образования не только районного и республиканского, но и всероссийского масштаба.

Интернат принимает участие во всех конкурсах, соревнованиях, состязаниях, посвященных самым различным вопросам деятельности подобных учреждений, проводимых в масштабах республики и всей Российской Федерации, и всегда возвращается домой победителем. В активе коллектива имеется грамота за первое место, которое он занял несколько лет тому назад на международном конкурсе школ-интернатов и детских домов имени Католикова.

И вот очередная крупная победа, одержанная нартанцами в истекшем году – на Всероссийском конкурсе среди школ-интернатов и детских домов по вопросам социальной адаптации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. За первое место, занятое в этом ответственном конкурсе, в котором принимали участие десятки сиротских учреждений страны, нашей знаменитой школе-интернату выдана премия в 7 млн 600 тыс. рублей.

– Это огромная материальная поддержка нашим детям, – говорит с гордостью бессменный директор учреждения А. А. Алишанов, – завоеванная упорным трудом воспитателей, учителей, всех работников школы-интерната. На эти деньги мы приобрели современнейшее оборудование для налаживания эффективной работы специальных курсов по подготовке воспитанников к самостоятельной жизни.

И далее Алисултан Алишанович перечисляет целый десяток дорогостоящих, но таких необходимых учреждению предметов оборудования, купленных на эти деньги. Вот они: мини-трактор немецкого производства со всеми подвесными агрегатами; виртуальный тренажер для обучения людей искусству вождения автомобиля; комплект оборудования для обучения парикмахерскому делу, имеющий три рабочих места; полное оснащение кабинетов «Жизневедение», «Домоведение», «Швейное дело» для девочек; а для мальчиков – различные станки, верстаки и другое оборудование для учебных мастерских; комплект оборудования для обучения секретарскому

---

* *Мамиша Хатитович Наурузов* – бывший комиссар 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии, участник войны с лета 1942-го по апрель 1945 года, погиб под Берлином, награжден четырьмя боевыми орденами, многими медалями.

делу; творческая лаборатория по изобразительному искусству, веб-дизайну, графическому и ландшафтному дизайну, компьютерной верстке; творческая лаборатория по аудиомонтажу, музицированию и музыкальной аранжировке; комплект оборудования для подготовки пользователей ЭВМ и, наконец, микроавтобус для комфортабельной перевозки детей.

Без этой премии школа-интернат не смогла бы никогда приобрести на свои деньги даже малой части всего этого дорогого имущества, каждый предмет из которого стоит десятки тысяч рублей. И можно догадаться о том, какую большую дальнейшую работу развернет коллектив интерната для всестороннего воспитания детей, развития их творческих возможностей, приобщения их к самым различным жизненно необходимым специальностям, начиная от умения управлять тракторами и автомашинами до пользования компьютерами.

– Все это оборудование, – продолжают свой разговор Алисултан Алишанович, – приобретено как нельзя вовремя. Дело в том, что в начале ноября прошлого года приказом министра образования и науки КБР у нас создано структурное подразделение «Центр социальной (постинтернатской) адаптации выпускников сиротских учреждений» Кабардино-Балкарии, который уже успешно функционирует. И вот закупленное нами оборудование окажет нам неоценимую услугу в решении главной задачи центра – оказании эффективной помощи и поддержки выпускникам в их становлении в самостоятельной жизни. Центр имеет свой интернет-сайт и интернет-страницу на Всероссийском сайте.

И это еще не все. К сложным обязанностям коллектива прибавились

А. А. Алишанов с учащимися 1 класса на празднике «Прощание с Букварем»

еще и ответственные заботы, связанные с тем, что приказом министра образования и науки РФ школа-интернат официально признана Всероссийской базовой площадкой для обучения специалистов в области социализации детей-сирот и их успешной постинтернатской адаптации к жизни. А это значит, что за передовым опытом работы в Нартан будут приезжать коллеги из школ-интернатов со всех концов России.

И новая Всероссийская базовая площадка уже начала функционировать. С 17 по 22 декабря здесь прошли первые курсы для слушателей из Северо-Кавказского округа. А на Всероссийской конференции, состоявшейся в городе Нальчике 22 декабря 2011 года, был обобщен и получил высокую оценку опыт работы школы-интерната № 5.

Добавим к сказанному, что выездная комиссия министерства образования и науки РФ по определению профессионального уровня сиротских учреждений России, побывавшая в Нартане осенью прошлого года, единогласно признала школу-интернат № 5 лучшим подобным учреждением в Российской Федерации.

О том, какое большое значение придает и руководство нашей республики распространению передового опыта работы школы-интерната в Нартане, говорит и то, что на ее базе было проведено 7 декабря 2011 года выездное заседание парламента КБР по вопросам социальной защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

В воспитательной работе коллектива самое большое место, наряду с учебной, занимает спорт, для всестороннего развития которого здесь имеются замечательная база со стадионом, теннисной и игровой площадками, разнообразными спортоборудованиями, тренажерные залы с соответствующим оборудованием и инвентарем. Все это направлено не только на укрепление здоровья детей с малых лет, завоевание медалей и дипломов, но главным образом для занятия свободного времени воспитанников, отвлечения их увлекательными спортивными занятиями от вредных привычек: безделья, хулиганства, курения, еще хуже – наркомании, и т.д.

А спортивные достижения, победы, и не маленькие, на самых различных спартакиадах, турнирах, состязаниях являются естественным результатом того, что спортом здесь занимаются все воспитанники.

Вот некоторые из этих побед интернатовцев. По итогам районных предметных олимпиад призерами стали 20 воспитанников, в то время как в 11-м классе обучается всего одиннадцать человек, а в десятом – 15. Семеро из них в составе сборной района примут участие в республиканском этапе Всероссийской олимпиады школьников.

Ученик 9 класса Атажукин Андрей в октябре 2011 года принимал участие в финальной части чемпионата России по футболу среди профессиональных команд премьер-лиги в г. Сочи, где команда КБР заняла 9 место из 36 команд. 10 декабря 2011 года профессиональный клуб «Спартак-Нальчик» заключил контракт с Андреем, который включен в состав этой команды в качестве профессионального игрока с заработной платой в 10 тыс. рублей в месяц.

Третий год подряд команда школы-интерната занимает первое обще-

командное место в ежегодном турнире среди школ-интернатов КБР, проводимом фондом помощи детям-сиротам «Наследие». В истекшем году он состоялся 17 декабря, где ребята из интерната были опять первыми.

В ноябре 2011 года воспитанник Сидорин Николай занял 1 место в первенстве КБР среди ДЮСШ по настольному теннису, а Денисенко Виктор – 2 место в этом же турнире.

Воспитанники Сиротенко М., Достов В. и Катеруша Р. стали чемпионами первенства КБР среди ДЮСШ в составе футбольной команды «Эльбрус» в октябре 2011 года. В турнире «Загрузи себя футболом» в г. Ставрополе воспитанник Сиротенко Михаил был признан самым лучшим игроком турнира.

В течение 6 месяцев проходил турнир СКФО по футболу им. братьев Габуловых, на котором Достов В. и Сиротенко М. в составе команды КБР заняли 3 место.

Лучшим игроком турнира по футболу им. Александра Апшева в декабре 2011 года признан также воспитанник 7 «Б» класса Ерис Сергей.

Ребята из интерната занимают высокие места и в олимпиадах, конкурсах, играх, по различным видам искусства, учебе и т.д.

Так, в конкурсе рисунков «Литературные герои», который проходил 17 ноября 2011 года в городе Чегеме, ученик 7 класса Станислав Емцов занял второе место. А команда интерната под руководством учителя кабардинского языка Сабиевой Ф. Х. заняла второе место в республиканской интеллектуальной игре «Акъыл жан» (острый ум). Эти же ребята приняли участие в республиканском конкурсе чтецов «Шогенцуковские чтения» и заняли третье призовое место.

Можно и дальше перечислять успехи школы-интерната в воспитании и обучении детей-сирот, для которых созданы настоящие санаторные условия жизни, которые не знают никакой нужды ни в питании, ни в одежде, ни в любви и ласке со стороны воспитателей, учителей, руководителей – всех работников сиротского дома.

Воспоминание

Отгремела Великая Отечественная война 1941–1945 гг., начался послевоенный восстановительный период народного хозяйства, где и я, подростком, по мере сил принимал участие в каникулярные времена. Здесь же окончил десятилетку, в Урухской средней школе, поступил на учебу в Кабардинской Государственный пединститут, окончил его в 1954 году и начал трудовую деятельность в Малкинской семилетней школе в то время Нагорного района.

Проработал там два учебных года (первый год в семилетней, второй год в средней школах). Перевели меня, в мой родной Лескенский район по моей просьбе в 1956 году. Здесь меня назначают директором районного Дома пионеров, через год избирают вторым секретарем Лескенского РК ВЛКСМ, спустя год – первым секретарем РК ВЛКСМ того же района.

В комсомоле проработал, занимая классные места в соцсоревнованиях республики, федерации, получая от РК ВЛКСМ и центрального комитета различные вознаграждения: «Почетная грамота» ЦИ ВЛКСМ, республиканского комитета ВЛКСМ, в том числе премию – автомашина ГАЗ-69, – вспоминает Аслангери Зарамукович Водахов.

Переводом назначают директором Аргуданской средней школы бурно развивающегося в то время колхоза им. В. И. Ленина в сел. Аргудан, где работал председателем колхоза Камбулат Кицуевич Тарчоков – будущий Герой Социалистического Труда, – он обязал меня поднять школьное образование на уровень колхозного производства по воспитанию и обучению учащихся.

Думаю, работа коллектива учителей школы в те годы не отставала в своей деятельности от общего развития селения Аргудан. Я вынужденно ушел с работы, хотя не хотели отпускать, по причине одиночества матери, которая проживала в сел. Урух в отцовском дворе, после выхода замуж моих сестер.

Работал в родном селе секретарем парторганизации, главным агрономом, окончив заочно второй факультет – агрономию в КБГУ, затем директором школы-интерната в Старом Лескене, ныне Анзорей, в общей сложности семь лет. Затем, в 1970 году, решением райкома КПСС и Каббалкконсервобъединения меня назначают директором Нарткалинского консервного завода.

Принял завод, начал работать. Коллектив трудоспособный, спаянный, руководители производственных участков грамотные, деловые, до сих пор

Водахов
Аслангери Зарамукович

не встречал на своем трудовом пути более трудного производства, но с помощью моих заместителей и коллектива, своевременно одолели все эти производственные преграды. Через два года завод вышел в соревновании родственных предприятий Российской Федерации на первое место, и нам вручили «Переходящее Красное знамя».

Спустя четыре года, в 1974 году, меня переводят в «Флодоовощной совхоз «Урухский».

Сказать правду, я с нежеланием согласился на эту должность, мне было хорошо в г. Нарткале, тем более – одинокая мать моя, которая не хотела оставлять подворье моего отца в Урухе, согласившись, переехала в г. Нарткалу и жила со мной. Квартира хорошая, удобная. Мама привыкла к городской жизни, все соседи уважали ее, как свою бабушку. И когда с меня, как с коммуниста, райком КПСС потребовал возглавить хозяйство и вернуться обратно в Урух, мама заплакала, сказав: «Похороним в прошлом твоего отца, там, без всякой вины, думаешь, тебе поздоровится?..» После этих маминых слов во мне возникли противоречия, но при беседах со старшими, – а это моя привычка: обсуждать предстоящие задачи перед вступлением в должность руководителя, – они отзывались о моем отце как о примерном, доброжелательном и трудолюбивом человеке. Я перед собой поставил задачу: сделать все возможное для поднятия экономики и социального строительства на селе, защищая и поощряя честного трудового человека и помогая ему не споткнуться в многогранной современной жизни.

Думаю, если не все полностью, то в основном мне удалось выполнить намеченные планы по всем проблемным вопросам села. А что удалось практически?

1. Реконструировали всю структурную деятельность совхоза:

а) организовали производство овощей в совхозе на промышленной основе по опыту волгоградцев и тружеников Краснодарского края;

б) построили оросительную сеть с озерами-водохранилищами на площади 300 га под овощами;

в) для обучения механизаторских кадров опыту производства овощей на промышленной основе послали восьмерых механизаторов на десять дней (с главным инженером Агировым Хасанби Аскеровичем) в Волгоградскую область;

г) провели своевременно и качественно обрезку, обработку между-рядий и защиту ядохимикатами многолетних насаждений, уборку плодов;

д) организовали перевозку овощей по опыту волгоградцев и краснодарцев контейнерами на тележках и в лодочках, отказавшись от ящичной перевозки, на что расходует ежегодно невероятные средства. В течение двух-трех лет были решены эти проблемы. Довели производство овощей до 5000 тонн вместо 2000–2500; производство плодов до 2 000–2 300 тонн вместо 800–1200.

2. Для бесперебойной работы перерабатывающих цехов и узлов консервного завода:

а) строительство мазутохранилища на 1 000 тонн мазута на прирель-

совом складе ст. Эльхотова, за неимением которого в пик сезона бывали простои днями и неделями.

б) строительство водоочистных сооружений на реке Урух по опыту волгоградцев, что было проблемой все годы существования завода.

в) строительство складских помещений на 8 миллионов условных банок с транспортерными подачами из цеха в склад готовой продукции, и многое другое.

Социальное строительство на селе в 1974–1986 годах:

Сельская баня на 50 человек разового приема с восемью кабинетами и прачечной.

Сельская амбулатория в центре села с хорошей аптекой. Теперь односельчане перестали ездить по сел. Старый Лескен (Анзорей), Старый Урух (Хатуей), станица Змейска.

Детский сад-ясли на 140 мест. Теперь многие матери получили возможность участвовать в производстве.

Трехэтажное здание в центре села под контору руководства совхоза «Урухский» и Урухского сельского Совета.

Трехэтажное типовое школьное здание на 924 ученических места в нижней части села. С тех пор дети занимаются в одну смену, забыв трехсменные занятия в недалеком прошлом.

Построили по 13-ти переулкам села асфальтовую дорогу общей протяженностью 13 километров. С тех пор жители села забыли про непроходимую грязь на улицах, как для людей, так и для транспорта.

Все это не могло не способствовать культурному подъему, экономическому развитию всех отраслей народного хозяйства на территории, подчиненной Урухскому сельскому Совету (ныне Урухская сельская администрация).

История села не помнит такого подъема экономики, культуры и быта за все существование села, как до Октябрьской революции 1917 года, так и по сей день, что было сделано односельчанами по росту и развитию своего села за 1974–1986 годы.

*Материалы подготовила
Зоя Хачетлова*

В духе традиций – в ногу со временем

Муниципальное Общеобразовательное учреждение «Средняя Общеобразовательная школа № 2» с. Кахун прошла сложный путь со дня создания и до наших дней. Как и многие школы района, она создавалась в непростые для всей страны времена. Школа была построена жителями селения на собственные средства. Это были ее первые шаги.

Сегодняшний день школы наполнен активной жизнью, она успешно работает не только в режиме функционирования, но и в режиме развития. Творческий потенциал коллектива позволяет школе принимать участие в различных программах, экспериментах и конкурсах. Среди школ Урванского района МОУ «СОШ № 2» с. Кахун стала первым победителем конкурса образовательных учреждений, активно внедряющих инновационные образовательные программы.

В современном обществе самое главное – это личность с высоким развитым нравственным и духовным началом. Она воспитывается в процессе познания истории, культуры разных народов, традиций, а также культуры своего народа. МОУ «СОШ № 2» с. Кахун стала пилотным образовательным учреждением федеральной и республиканской экспериментальной площадкой и вошла в сеть культуротворческих национальных школ Северного Кавказа. Участие в федеральном эксперименте осуществлялось при поддержке Общественной палаты РФ, министерства образования и науки РФ и выразалось проектом «Модель поликультурного образовательного пространства национальной общеобразовательной средней школы сельского типа».

Школа приняла участие во всероссийском форуме «Модернизация образования», который проходил в г. Москве на базе института проблем образовательной политики «Эврика». В рамках Республиканского семинара сети культуротворческих школ по теме «Реализация модели культуротворческой школы в условиях КБР», г. Нальчик апрель 2008 года, состоялся выездной объединенный педсовет-семинар по инновационной программе «Начальная школа – XXI век» совместно с культуротворческими школами республики, а также семинар со старейшинами села, где поднимались вопросы воспитания детей в традициях национальной культуры адыгов, вопросы сохранения традиций, обычаев, исторического прошлого. Перед учащимися выступили старейшины села и председатель Совета старейшин Шихарбий Илевич Жемухов. С учетом предложений Совета селения Кахун, родителей, и на основе изучения результатов общественного мнения учащихся 6–11 классов, было принято решение о включении курса «История села» в рамках школьного компонента по книге жителя села С. М. Жемухова и А. И. Мусукаева «История села Кахун».

Творческой группой учителей был разработан план открытых мероприятий по данной теме. Во всех классах проводились классные часы, лекции, беседы по нетрадиционной методике (диспут «Национальная культура – что она в себе несет»), 10–11 классы, деловая игра «Националь-

ные традиции и обычаи – мудрость и возможность соблюдения их в современном мире», 8–9 классы, и т. д.).

Реализация модели национальной общеобразовательной средней школы сельского типа, имеющая культуротворческую направленность, была высоко оценена методистами РУО Урванского района, как результативная, раскрывающая наиболее ярко творческие способности учащихся, вызывающая у детей чувство любви к культуре и истории своего народа, к родной земле, дающая возможность возродить уникальные традиции адыгов.

Школа принимала участие в республиканском туре молодежного проекта «Куначество», что явилось значимым в жизни нашего образовательного учреждения. В качестве кунаков были представлены учащиеся нашей школы. Завершающим этапом в проекте «Куначество» стал культурно-этнографический вечер, который проходил 20 апреля 2010 года в школе. Почетными гостями были главы администраций Урванского, Баксанского и Чегемского районов, директора школ районов, ведущий специалист отдела по молодежной политике КБР, начальник отдела прогнозирования и предупреждения межнациональных конфликтов по КБР, родители и дети-кунаки.

Такие встречи актуальны в наше время и дают возможность реконструировать добрососедские, дружеские, межличностные отношения между молодыми людьми различной национальности, формируют толерантность и не оставляют места для национальной и религиозной вражды.

Школа способствует раскрытию и развитию творческого потенциала учащихся. С этой целью заключены договора с «Республиканским Центром научно-технического творчества учащихся», Республиканской юношеской автомобильной школой г. Нальчика, детским домом творчества Урванского района, музыкальной школой, детской юношеской спортивной школой.

По инициативе школы на ее базе организованы занятия республиканской юношеской автомобильной школы, где учащиеся имеют возможность получить документ, позволяющий им в дальнейшем получить права водителя.

Современное качественное доступное образование – залог развития общества и государства, и в нем главную роль играет учитель, уровень его профессиональной подготовки и квалификации. В школе работают учителя, ставшие победителями конкурса лучших учителей России, а также учителя с многолетним стажем работы с детьми, творческие, преданные своему делу педагоги: Шибзухова Х. Х., Емзагова Р. Х., Бекшокова Л. С., Вадахова М. М., Жамборова О. Г., Альботова А. Н., Карданова Т. Н., Карданова С. Ч., Чилова В. М. и др.

**Нагудова
Роза Хамзетовна** –
директор МОУ «СОШ № 2»
с. Кахан

Педагогами школы созданы авторские образовательные программы:
– «Адыгский этикет», автор Бекшокова Л. С. – учитель кабардинского языка и литературы;
– «История села Кахун», автор Шибзухова Х. Х. – учитель истории. Публикации учителя истории Шибзуховой Х. Х.:
– в журнале «Литературная Кабардино-Балкария»;
– газете «Маяк»;
– издана книга «Кахунцы на полях сражений Великой Отечественной войны».

Педагогический коллектив школы всегда возглавлялся высокопрофессиональными руководителями. У истоков создания коллектива школы стоял Шибзухов Х. С., сплотивший возле себя преданных своему делу педагогов. Его преемником стал выпускник школы Гетоков Х. Х., благодаря которому школа вошла в сеть культуротворческих школ. Ныне он начальник Управления образования Урванского района.

На сегодняшний день директором школы является Нагудова Роза Хамзетовна, которая отдала школе 37 лет педагогической деятельности в качестве учителя химии. Отличительной чертой Розы Хамзетовны всегда были требовательность, принципиальность и, обязательно, любовь к детям. Она стала достойным преемником лучших традиций школы. Под ее руководством школа идет в ногу со временем, впитывая все лучшее, новое в современной жизни. Благодаря ее деятельности в качестве руководителя образовательного учреждения, школа считается одной из лучших в районе.

Отличник народного образования, обладатель многочисленных грамот МОН КБР, РУО района. Человек, пользующийся заслуженным авторитетом в школе и селе. Много сил и энергии она отдает работе с коллегами, с родителями учащихся, с общественностью. Ее характерной чертой является обостренное чувство справедливости и стремление идти вместе со своим коллективом в ногу со временем.

Только творческий, преданный своему делу коллектив учителей сможет повлиять на становление ученического коллектива, формирование творческой личности со своими нравственными понятиями, нормами и требованиями национальной этики, общечеловеческой морали, которыми он будет руководствоваться в будущем.

*Материалы подготовила
Зоя Хачетлова*

Фатимат ШИБЗУХОВА,
учитель английского языка МОУ «СОШ № 4»
с.п. Исламей Баксанского района КБР

Лучше раньше, чем никогда

Когда начинать обучать ребенка иностранному языку?

В каком возрасте пора начинать осваивать иностранный язык? Рассуждать на эту тему можно бесконечно долго, особенно если родителям не хочется «грузиться» лишней проблемой. На самом деле ответ прост: лучше раньше, чем никогда.

До пяти лет дети обладают лингвистической гениальностью. Они способны запоминать 20-30 новых слов в день. Простая арифметика дает впечатляющий результат – 7-10 тысяч слов в год. Да мы и в родном русском столько не используем, а что говорить об иностранном. Способности к языкам, безусловно, либо есть, либо нет. Например, в среднем девочки лингвистически развиваются быстрее, чем мальчики. Они раньше начинают говорить, и словарный запас у них больше. Однако ни к чему преувеличивать значение способностей, если речь идет всего лишь об освоении языка как средства общения.

Для малыша выучить язык не проблема. Это у родителей проблема, как сделать так, чтобы он этого захотел. Другими словами – создать мотивацию. Идеальный вариант для любого возраста – погружение в языковую среду, поэтому, если родители знают язык и готовы дома на нем общаться, отдавать ребенка вообще никуда не надо. Ведь изучение языка начинается не с умения связывать свои мысли, а на эмоциональном уровне.

Как учили языкам гувернеры? Нянька-француженка могла объясняться только по-французски, немец-учитель – только по-немецки. Они не обучали языку своих воспитанников. Они жили с ними: читали, гуляли, болтали. Вы вполне можете делать то же самое.

Сейчас многие родители сами изучают иностранный язык, почему бы не заниматься этим вместе с детьми. Вам полезно, а для ребенка лучшей мотивации не придумаешь. Не балуем мы своих детей вниманием, поэтому для них посидеть на диване с мамой и папой, читающими книжку, это уже большая радость. Чтобы заинтересовать иностранным языком, а потом поддержать этот интерес, важно заниматься любым делом. Нравится ребенку петь – пойте, любит рисовать – рисуйте, но с комментариями на иностранном языке, не может оторваться от компьютера – загружайте не войнушки, а обучающие программы. Мульттики можно смотреть недублированные. А уж если очень хочется все же учиться, купите аудиокурс «Английский для трехлеток» или видеокурс «Английский для малышей» (может, он в школу любит играть). На все про все затраты минимальные.

Познание для ребенка настолько естественное занятие, что он практически не устает от него. При одном условии: если ему интересно. Не бойтесь нагрузок в начальной школе. В пятом классе, когда в обычной школе начинают изучать иностранный, даже самые способные дети осваивают новое на порядок тяжелее.

Марита НАХУШЕВА,
учитель физики МОУ «СОШ № 4»
с.п. Исламей Баксанского района КБР

Где, как и почему рождается «трудный» подросток

Не зря сегодня я начинаю свою статью словами Ф. И. Тютчева, обращаясь к самой злободневной теме на сегодняшний день. Почему наши дети, вчера еще бывшие такими милыми, нежными, предупредительными, вдруг становятся «трудными». И вдруг ли они ими становятся? Приложены ли все силы к тому, чтобы это предотвратить? Кто виноват в этом?

Как часто мы, характеризуя растущего человека, говорим «он хороший», «он плохой», или еще хуже – «он трудный». Один – послушный, исполнительный, уважительно относится к окружающим, а другой – озорной, непоседливый, дерзкий, резкий, а порою и грубоватый. Ярлыки «хороший» или «трудный» обеспечены каждому, кто не похож, кто не хочет мириться со злом и выходят из общепринятых рамок поведения. А потом мы перестаем замечать в «трудном» хорошее и прощаем «хорошему» его промахи. Но так ли труден трудный и так ли хорош хороший? С нами такого не бывало?

Хочется поделиться своими наблюдениями над детьми, стоящими на внутришкольном учете. Первый – неактичен, груб, склонен к грубости, оговаривается – это то, что мы видим в школе. А дома – находится на попечении бабушки, мать и отец на работе. Второй – ведет за собой класс – неформальный лидер, неглуп, неплохо учится, груб и нетерпелив в обращении со старшими. Дома – больная мать, пьющий отец, каждодневные занятия по хозяйству, кухня, плита и другое.

Третий, четвертый – склонны к конфликту, склокам, где бы ни появились, везде ищут повод для драк, учатся из рук вон плохо. Дома – убеждающий в их абсолютной правоте отец, мать, не имеющая права воспитывать своих детей так, как ей этого хочется.

Пятый – груб, не успевает по нескольким предметам, при любой возможности лжет и может украсть. Дома воспитывается у дяди, родители развелись, у отца другая семья и ему не до него. А мать, чтобы обеспечить сына, уехала на заработки. Как видим, это не выдуманные истории, а вполне реальные, универсальные, все они носят социальный характер, и везде присутствует семейный фактор.

Мы, взрослые, за своими заботами, проблемами и спешкой должны суметь вовремя протянуть им руку помощи.

В этой ситуации важно увидеть в ученике *личность*, перестать видеть в нем непохожего. Убеждена, что слова «трудный» и «плохой» не только не синонимы, но и стоят далеко друг от друга.

Они только растут, они ищут. У них страстное желание найти свое место в мире, заявить о себе, даже если хотите, эпатаж своего рода. И если мы не замечаем в человеке его индивидуальность, его стремление к самоутверждению, то он ищет другие пути показать это. Порой они бывают и очень странными.

Необходимо помочь им найти себя, заявить о себе, обрести уверенность стоящему на перепутье подростку, отказаться от однобокости оценок, увидеть в каждом хорошее, дать каждому шанс – вот та задача, с которой мы должны справиться, вот наша педагогическая философия.

ХАСАНИ

***

Я с печалью наблюдаю мир людей и грезы их,
 Но никак не распознаю силу духа в них самих.
 Что ж ты бегаешь безумно, отпрыск неба и земли,
 Будто ты рождаешь злобу, умножая строй слепых.

***

Много жизней приходило, и ушли в свой нужный срок.
 И никто еще не понял, почему растет виток.
 В том витке, в бурлящей жизни, в храме веры и чутья,
 Ты со знаком жизни топчешь свой космический росток.

***

Твой дворец с цветущим садом удивляет взор царей,
 Да и ты в саду волшебном, как Венера на заре.
 Дай мне спеть тебе, о фея, песню странствий и тоски,
 Что пленяет изумленьем тайны девичьих страстей.

***

В экспонаты эпох превращаются в красках миряне.
 Бог судья – что кому, когда жизнь проживалась в изьяне.
 Но везде человек, как овечка, заблудшая в стае,
 И не вырваться ей к духотворной светящей поляне.

***

Мир людей еще забава, жизни истинность – темна.
 А земля в пляде звездной – как планетная тюрьма.
 Непонятна наша сущность в этой звездной кутерьме,
 Где мистерия – веселость, а серьезность вся томна.

***

Чтоб не ляпнуть в рабском званье что-то лишнее царю,
 Я уступчивость в терпенье в назидание дарю.
 Поклонюсь царю, смущаясь, – он ведь тоже раб верхам
 И идет с тобою вместе в тесном божеском строю.

***

Однажды, о братья, поселится в душу волшебник,
 И мир нам откроет свой звездный манящий учебник.

Светильником станет наш разум, что жаждет ответа,
И в даль понесется мерцающий сердцем кочевник.

***

Твои глаза, что два сапфира, давно заметил Хакани.
И тот же образ феи дивной все повторяет Хасани.
Пленный дивной красотой, о лал востока, я пою
И повторяю с каждым разом, что ты цветок моей весны.

***

Иногда какой-то недруг скажет вам, что жизнь не та,
Что была когда-то в мире в стародавние лета.
Ты не верь его попыткам уклонить тебя с пути,
Ведь тот недруг – враг ближайший, не боящийся креста.

***

В строгом обществе приходит разобщение страстей,
А затем, в путях-дорожках, – обобщение идей.
В сложном круге те законы как колеса и стрела,
Что с годами, в поворотах, их зигзаги нам видней.

***

Я в кочевнических станах бедуинам песни пел,
И прекрасным бедуинкам сердце я открыть посмел.
Но закон гостеприимства мне мешал украсть из них,
А народ мой в брачных кражах был удал и сердцем смел.

***

И жизнь, и смерть с надеждой, как мост, надстройка – плаха,
Где, распрями ведомы, блуждают в недрах страха.
И на пути к причалу, где зов мольбою шепчет,
Беспамятство и память – подарок нам Аллаха.

***

В чешуе из звездной пыли скрыта в нас душа как страж.
Но мы видим в этом мире, будто все – земной мираж.
Потому, наверно, бремя – грусть печальная в душе,
Но хранит в той хрупкой жизни все, спасая свой тираж.

***

Так и сяк народ взрослеет, и в ошибках, и в трудах:
И с веками, скрупулезно воздвигаясь, не зачах.
Это значит, люд разумный, как небесное дитя,
Благородный и надежный на Божественных весах.

***

Меж молитвами в небо и в высоты Кремля
Люди ищут и спорят без ветрил и руля.
Все таинственно в душах, поступь жизни в ушах,
И безмолвье – как плаха, что страшит короля.

***

Давай с тобой, бийче, за сына чай попьем.
За то, что мы в аиле невесточку найдем.
Ведь сын, что ты родила, растет как богатур,
И мы давно с тобою от зла защиты ждем.

***

И я народ, и ты народ, мы все – народ народов.
Но из какой породы мы в цепочках генов?
Душа у всех искрится врозь в сообществах хранимых,
И путь земной – разъятый круг, где кровь – поддержка сводов.

***

Целуй султану руку и приложи ко лбу,
Чтоб дать смиренным взглядом на верности табу.
А верность, как лекарство от всех соблазнов злат,
Когда душа страшится, но тянется к тому.

***

Противоречия сообществ и вдохновения причин
Нас подвигают карусельно, создав общественный почин.
О времена, костры и тюрьмы, рассвет и сумрак всех эпох,
Знамена душ и образ красок как сущность принципов личин.

***

Мы все в обозе странствий, кочевники небес,
И с нас еще не сбита в пути земная спесь.
Плетем ковчег бессмертья в наивнейший узор,
Где размыкает время пространственный прогресс.

***

Штормовые капитаны – предводители времен,
По земле идут в прикрытье из заштопанных знамен.
Это, видно, знаки рока, знак судьбы, что на весах,
Где хула с хвалой коснутся, по заслугам, всех имен.

***

Хорошо, что ты не втиснул ум на кончик языка, –
Глупость, чтобы с уст сорваться, на подъем всегда легка.

Ведь слова, как вольный ветер, что по миру разгуляй,
Обзаваются хвостами, возвратясь издалека.

***

Не так легко познать себя, кто ты на самом деле.
Ты не ползешь и не летишь, но тайно в грозном теле.
Ты на звезду порой похож, порой на тварь земную,
И не пойму, зачем ты есть, не зная вечной цели.

***

Плывем по миру кораблем со всем земным народом,
Где всюду жизнь струит поток, несясь к разнопородам.
И ищем мы простую мысль, кто мы по воле Бога,
И из какого естества священны люди родом.

***

Бог ничто не обещает, Он прислал, дорогу дал;
Но в дороге дерзким взмахом ты с Отцом тягаться стал.
А вокруг, в просторах мира, все руинами глядят,
Будто ангел наш хранитель подчищать грехи устал.

***

Любовь ли справедлива, когда не все прощает,
Когда самолюбива, что строит – разрушает.
И смысл ее порою – разыгранная страсть,
А чувства лишь инстинктно блаженство украшает.

***

Мудрость из тьмы посланец, и разум, что к свету путь,
И люди потоками с неба на землю владыкой текут.
Какая же польза у неба от милости нашей, от зла,
Когда все земные пороки нас слепо в безмолвье влекут.

***

Не верь и не бойся, даже без всякой нужды не проси:
Ты гордость и разум, что с неба – как жизни и смерти весы.
Поток, чередя человечья, все, мучаясь, учатся жить
И смотрят на звезды, как дети, вокруг необъятной красоты.

Алан АЛАГИРОВ

Творческое начало заложено в генах

Известный искусствовед Жаухар Аппаева в свое время окончила физико-математический факультет Кабардино-Балкарского госуниверситета и десять лет преподавала в школе. Позже она увлеклась искусством, поступила на искусствоведческий факультет Уральского госуниверситета. Государственные выпускные экзамены сдала на «отлично», блестяще защитила и дипломную работу. Ж. Аппаевой вручили красный диплом. Она мечтала вернуться в республику и здесь, используя накопленные знания, вносить свой вклад в развитие культуры Кабардино-Балкарии. Но неожиданно у нее появилась возможность остаться в университете и сделать научную карьеру. Но после недолгих размышлений, как патриот республики, Аппаева возвращается домой.

Устроившись в музей изобразительных искусств, она старательно вникает во все детали своей работы. Ко всему, что приходится делать, молодой специалист ищет творческий подход. Экскурсии, которые она проводила, вдохновенные рассказы о творчестве художников вызывали неподдельный интерес у посетителей музея. Общество «Знание» республики вовлекает Ж. Аппаеву в свою просветительскую работу. Лекции, с которыми она выступает на предприятиях, в организациях и учреждениях, снискали ей популярность. Люди с большой охотой шли на встречу с лектором. Высокую оценку лекционной, просветительской деятельности Жаухар Аппаевой дали тогда члены комиссии Всероссийского общества «Знание», которые приезжали в КБАССР с проверкой работы Кабардино-Балкарского отделения своей организации. Так было.

Но, Жаухар не ограничивается только проведением экскурсий и чтением лекций. Она пишет научные статьи, активно сотрудничает с республиканскими СМИ. В местных газетах и журналах публикуются десятки ее материалов, которые знакомят читателей с культурной жизнью республики и, в частности, с изобразительным искусством нашего края.

Тогдашний главный редактор газеты «Кабардино-Балкарская правда» Тазал Машуков, недовольный работой отдела культуры, искал для этого отдела сотрудника, способного внести свежую струю в деятельность от-

дела. Свой выбор он остановил на Аппаевой. И не ошибся. Без малого десять лет Жаухар Мустафаевна возглавляла отдел культуры редакции. Сотни статей, очерков, репортажей, рецензий, затрагивающих различные сферы культуры, вышли из-под пера талантливого искусствоведа и журналиста. И по сей день работники культуры говорят о том, что десятилетие, когда отдел возглавляла Аппаева, было и остается лучшим в освещении газетой культурной жизни республики. Многие называют его золотым десятилетием культуры.

За годы напряженной творческой работы Жаухар Аппаева сумела подготовить и выпустить в свет девять книг. Среди них «Рисунок времени», «Изобразительное и декоративно-прикладное искусство Кабардино-Балкарии», «Грани таланта». На них были написаны рецензии профессоров, докторов наук Х. Тхагапсоева, Р. Хашхожевой, Б. Мальбахова. Статьи и научные труды искусствоведа Жаухар Аппаевой известны не только у нас в республике, но и за ее пределами. Ее книги и статьи привлекают внимание широкого круга читателей. Они вызвали интерес и у специалистов. Кандидат искусствоведения Елена Баторова из Москвы написала рецензию на одну из книг Жаухар «Изобразительное и декоративно-прикладное искусство Кабардино-Балкарии». Для автора это стало приятным сюрпризом, поскольку она готовит к печати вторую часть этого издания.

«В условиях глобализации одной из доминирующих тенденций современного мирового развития особенно остро встает проблема сохранения национальной идентичности, осмысления уникальности и самобытности разных народов, – пишет Е. Баторова. – В контексте историко-культурологического осмысления судеб культуры Кабардино-Балкарии книга известного искусствоведа Жаухар Аппаевой «Изобразительное и декоративно-прикладное искусство Кабардино-Балкарии» (Нальчик, 2007) представляет уникальную художественную летопись за последние 30 лет. Написана она на основе авторских материалов из российских и региональных журналов и газет. Это первая попытка искусствоведческого осмысления истоков и путей развития современного национального искусства, представляющего порой весьма сложную и противоречивую картину нового образа культуры – культуры «переходного периода» 80–90-х гг. и рубежа XX–XXI вв.

Каждая статья Жаухар Аппаевой воспринимается как исторически живой отрезок художественной истории Кабардино-Балкарии с его неповторимостью творческих ликов, своеобразием поисков и методов, во многом неразрывно связанных с актуальными проблемами многонационального российского искусства в целом. Автору важно было не только критически проанализировать особенности той или иной музейной выставки или творческой манеры того или иного автора, но и обозначить стоящие задачи и животрепещущие проблемы современного состояния художественной жизни республики.

Книги Ж. Аппаевой имеет большое значение для познания, осознания и сохранения уникальности национальной культуры, выявления

взаимосвязи традиционного и инновационного в декоративно-прикладном искусстве кабардинцев и балкарцев. Неоспорима важность публикаций подобных работ, представляющих большой интерес для дальнейших научных изысканий и популяризации знаний об искусстве Кабардино-Балкарии».

Ж. Аппаева опубликовала более ста статей и очерков в федеральных профессиональных журналах: «Юный художник», «ДИ», «Художник», «Народное творчество», «Мир музея», «Встреча, культурно-просветительная работа», «Библиотека», «Профсоюзы», «Страстной бульвар», «Мир женщины», «Балет». Эти периодические издания выходят под эгидой министерства культуры РФ, Академии художеств России. Я не припомню, чтобы кто-то из нашей пишущей братии когда-либо смог опубликовать такое количество своих материалов в центральных журналах. Подчеркиваю, не просто информацией, а именно полновесных статей и очерков о художниках, музыкантах, артистах, режиссерах, других представителях культуры КБР. А читающая аудитория у московских журналов обширна – от Калининграда до Владивостока. Многие журналы, давая высокую оценку ее материалам, приглашают к сотрудничеству, заказывают ей статьи и очерки. В тех журналах, где сложилась традиция отмечать лучшие материалы, опубликованные за год, ее статьи всегда называют в числе лучших. Нередко она получает из редакций федеральных журналов письма, подобные этому: «Текст отличный. Вы прекрасно владеете пером, русским языком и профессионально излагаете мысли и факты. Жду новых материалов».

Многочисленные статьи Ж. Аппаевой опубликованы в научных сборниках, изданных в Москве, Нальчике, Белгороде, Казани. А сама она не раз выступала с докладами на международных научных конференциях, организованных Российской академией художеств, Московским госуниверситетом, Академией наук Татарстана, ведущими искусствоведческими научно-исследовательскими институтами и музеями Москвы, Международной ассоциацией искусствоведов. Все это позволяет с полным основанием заявить о том, что творческий вклад Жаухар Аппевой в культурную жизнь республики достоин самой высокой оценки.

Малая драматургическая форма в кабардинской драматургии

(об одноактной пьесе С. Жилетежева «Советь и богатство»)

Одноактная пьеса – пьеса, все события которой укладываются в одно действие. Одноактные пьесы отличаются простотой экспозиции и простотой конфликта. Малая драматургическая форма обычно характеризуется обличительной направленностью пьесы.

Напряжение и конфликт одноактной пьесы разрешаются посредством живого диалога и стремительного действия.

Мастера одноактной пьесы, так же, как и авторы малых форм литературы, творчески исследуют сложные характеры современников, «подходя к ним с более широкой историко-философской лирикой», – отмечает литературовед Б. Бугров [2].

Новаторство одноактной пьесы на современном этапе свидетельствует о разнообразии способов типизации в освещении как прогрессивных явлений жизни, так и негативных.

В связи с пространственно-временной ограниченностью одноактной пьесы особенно остро встает проблема отбора изобразительно-выразительных средств в освещении характеров и конфликтов. Талант драматурга – создателя одноактной пьесы, наиболее ярко проявляется в умении рисовать характеры лаконичными и емкими деталями, словами-определениями.

В середине 50-х годов XX века именно к жанру одноактных пьес обратились многие начинающие драматурги, в том числе и кабардинские. Мотивированно это явление было вызвано так называемой в литературоведении «теорией бесконфликтности», которая на долгие годы остановила развитие драматургии в целом. К наиболее значимым пьесам тех лет можно отнести произведения таких кабардинских авторов, как Х. Каширгова «Жьымрэ шӀмрэ» («Старое и новое»); М. Шхагапсоева «Тыгур и шыуагъэ» («Ошибка Тугура»); З. Аксирова «ШейтӀан удж» («Танец шайтана»); М. Сонова «Кондицэм кьикӀыркьым» («Некондиционный») [6], «Иджыри двойкэ» («Опять двойка»), или же вариант «Фэращ псори зи ягъэр» («Вы во всем виноваты») [7], «БжъапцӀэ» («Грутень»), и «Хабззжьым и Ӏэужь» («Пережитки старого»); А. Шортанова «Мэрян» (Марьян»); пьесы М. Тубаева «Фаризэт и текӀузныгъэ» («Победа Фаризат»), «Гъуэгуанэ нэху» («Светлый путь») и «Насыпыр хьумэ» («Береги счастье»), «Апхуэдэуи кьохьу» («Случается так»), «Жьэрыплъэ» («Ротозей»); Х. Кармокова «Анэхэмрэ кьуэхэмрэ» («Матери и их сыновья») [8], Х. Шекихачева «Мальхэ» («Зять»); Л. Эркенова «Шыдахэмыжэ» (иносказательно «Конь красив, но не обладает беговыми качествами») и другие [5]. В ряду этих примеров стоит и вышедший в Нальчике в 1973 году сборник одноактных пьес на кабардинском и балкарском языках в виде

одной книги [9]. Среди перечисленных авторов немало тех, кто сам был актером. Интерес или обращение их к одноактным пьесам порой вызваны отсутствием профессиональных драматургов и самих пьес.

Сегодня в кабардинской драматургии одноактная пьеса все активнее утверждается как полноправный участник литературного художественного процесса, отвечающая самым высоким идейно-эстетическим критериям. Примером служат пьесы Бориса Утижева «Зиусхьэн Хьэжыбац!» («Господин Хаджибац!»), Барасби Тхамокова «Псэжхэр зэрызохьэ» («Наглецы суетятся»), Мурадина Думанова «Уэлий и парашют» («Парашют») и другие.

Одним из немногих авторов, пишущих пьесу в современной кабардинской литературе, выступает кинодраматург, киносценарист и прозаик С. Жилетежев [3:157, 158]. С. Жилетежев был еще начинающим литератором, делающим первые робкие шаги в литературе, и одной из самых первых его публикаций была одноактная пьеса «Комсомольско-молодежная свадьба», которая, в свою очередь, перекликается с пьесой М. Шхагапсоева «Свадьба в НТС» (1954), рукопись которой хранилась в фондах ЦГА КБР, л. 1.

Основной конфликт пьесы С. Жилетежева «Комсомольско-молодежная свадьба» построен на столкновении интересов отцов и детей, вернее, на борьбе с пережитками старого, возникновении и проникновении в жизнь современного общества новых традиций... [4]. После этого он не раз обратился к жанру драматургии. В частности, перевел на кабардино-черкесский язык «Двенадцатую ночь» В. Шекспира, «Женский стол в охотничьем зале» В. Мережко, и другие произведения разных авторов.

В последнее время из-под пера Саладина Жилетежева вышли также две многоактные пьесы, написанные им для постановок в театре: «Гугьэ лъапIэрэ гьузэ нэхурэ» («Дорогие мечты и добрые надежды») – о современности, – где основной конфликт построен на взаимоотношениях людей, потерявших нравственность, и теми, кто еще дорожит ею, и «Пащтыхь хужьым и лыкIуэ» (2011) («Посол белого царя»). Последняя пьеса, «Посол белого царя», посвящена главному герою этого произведения – выдающемуся государственному и общественному деятелю, сподвижнику Петра I Александру Бековичу Черкасскому, сыгравшему прогрессивную роль в русско-кабардинских взаимоотношениях и оставившему самые яркие страницы в истории России. Действия пьесы разворачиваются вокруг этого персонажа, у которого жизнь закончилась трагически.

В 2003 году была опубликована одноактная пьеса С. Жилетежева «Напэрэ кIапэрэ» («Совесь и богатство») [1:74–84] которая, на наш взгляд, относится к так называемой литературной пьесе. Основные персонажи этой пьесы – родные сестры Хани и Кулису по своему характеру являются антиподами. Их взгляды на жизнь тоже не совпадают. Для Кулису – главная цель в жизни – стяжательство: ей важно разбогатеть, у нее одно на уме – есть деньги – все остальное можно купить, так размышляет она. Она гордится своим сыном – богачом Эдыджом, и для нее вовсе не важно, каким образом сын накапливает свое состояние. А малограмотный Эдыдж (который едва доучился до 8 класса), воспользовавшись смутным време-

нем, воровал или обманным путем обирал людей. Так он сколотил целое состояние. Теперь он живет в роскоши, в то время как сосед-профессор считает копейки, еле сводя концы с концами. Кулису выставляет своего сына в качестве примера для подражания детям своей сестры, но у них другие идеалы и приоритеты в жизни: они основным богатством считают знания, хорошую специальность, по которой можно честно заработать себе на жизнь и быть полезным обществу. У Хани в семье главенствуют принципы правдивости и просвещения, у второй же – культ богатства. Именно преклонению перед достатком учит Кулису и детей своих, и внуков. «Никто тебе ничего не даст, – повторяет она, – надо самому взять свое, даже урвать, вырвать из рук» [1:75, 76]. Придя на день рождения Мурата, Кулису хвалится благополучием своего сына (Эдыджа): «Я лишь хочу вразумить тебя, чтобы ты жил не хуже Эдыджа» [1:76, 77]. Но у детей Мурата совсем иные ценности: они стремятся к знаниям, что вызывает насмешку Кулису: «И что дают вам все эти книжки?.. Мир принадлежит тем, у кого есть деньги, а без них на тебя никто и не взглянет» [1:70–80]. Образцом для подражания Кулису считает своего сына – ведь он богат и успешен, значит, он стоит выше всех. Неслучайны и ласкательные прозвища, что дает мать сыну: «Меч», «Кинжал». «Кинжал все рубит на лету, таков и мой сын» [1:80, 81]. Эдыдж с трудом окончил восьмилетку, зато сумел разбогатеть. Кулису сравнивает, как делают покупки ее сосед профессор и ее сын. Естественно, на фоне толстосума бедный профессор становится объектом насмешек.

Семья Хани – совсем другое дело. Установки обитателей этого дома четко выражены в тосте Али, старшего сына Мурата: «Мы на свою жизнь не жалуемся. Дай Бог здоровья нашему отцу, он воспитал нас честными людьми. Что может быть выше знания? Конечно, никому не помешают достаток, богатство в доме. Но самое большое богатство – это образование. И отец сил не жалел, чтобы мы выучились. И забывать об этом мы не имеем права. И для меня, честно говоря, дороже новая книга отца, чем двухэтажный дом Эдыджа [1:79, 80].

Образ мысли Эдыджа ничем не отличается от материнского. Он насмехается над двоюродным братом. Символичен подарок, который он преподнес с поддевкой имениннику – торт с изображением Мурата с книгой в руке и одежде циркача. Любопытно отметить, что именно такое изображение в торте человеческого лица мы отмечаем в фильме актера, режиссера и сценариста Л. Филатова «Город Зеро» (1988).

Эдыдж чрезвычайно горд своим благополучием и демонстрирует это даже походкой. Он признается, что превыше всего ценит богатство: «Ничто не сравнится с деньгами. Могу поклясться, что вернее денег нет ничего. Надежнее всего хранят человека не мать, не отец, не брат, не сестра, не друг, а именно деньги». По мнению Кулису и Эдыджа, в наше время покупается все, в том числе честь и совесть. Источник дохода Эдыджа, как показывает автор, – грабеж и спекуляция. Хани одобряет его грязные дела: «Вы должны гордиться, что в гостях у вас такой человек, как мой сын» [1:81]. Но дети Хани стыдятся этого родства.

В финале пьесы обиженные родственники покидают дом, семья Хани остается за праздничным столом, и продолжается торжество.

К созданию этой пьесы автора подтолкнула, без сомнения, переоценка ценностей в обществе. Жилетежева беспокоит падение престижа знаний и повальное преклонение перед материальными благами. Показать лишний раз, что среди нас немало Эдыджей, отдавших совесть на откуп деньгам, – в этом задача автора. Произведение написано скорее для прочтения, чем для сценической постановки. Слабым местом пьесы можно назвать сценическую речь. Нет оригинальности в речевой манере отдельных персонажей. Ни о чем не говорят нам и имена героев. Похоже, и сам автор понимает это, раз наделяет героев дополнительными прозвищами: «Меч», «Кинжал». Противопоставляя две абсолютно непохожие семьи, автор пьесы не скрывает, что его симпатии на стороне Хани и ее детей, но в то же время его тревожит мысль о том, что в нынешней ситуации верх в жизни берут, к сожалению, люди, подобные Эдыджу и его матери.

Как бы тяжело ни приходилось – дорогу в жизни найдет лишь тот, кто работает над богатством своей души. Писатель, встревоженный тяжелой ситуацией в жизни общества и очевидным падением авторитета знаний и культуры, выделил одну из очевидных примет нашего времени и сумел придать ей социальное звучание, обозначив контуры глобализации данной темы в рамках драматургического конфликта.

Литература

1. Жилетежев С. Совесть и богатство. – Ж. «Ошхамах», 2003. № 5. – С. 74–84.
2. Бугров Б. С. Русская советская драматургия (1960–1970-е годы). – М.: 1981. С. 5–7.
3. Абазов А. Ч. Кабардинские писатели. Жизнь и творчество. – Карачаевск, Нальчик: Изд-во Карачаево-Черкесского госуниверситета им. У. Д. Алиева, 2011.
4. Сборник одноактных пьес. На кабардино-черкесском языке. – Нальчик: Эльбрус, 1961.
5. Абазов А. Ч. Очерки истории кабардинской драматургии. Возникновение. Становление. Развитие. – Нальчик: Эльбрус, 1996.
6. Сохов М. Кондицэм кыкЫрккым.-Зы едзыгъуэху пьесэхэр. – Налшык, 1954.
7. Сонэ М. Иджыри двойкэ (Фэраш псори зи ягъэр). – Налшык, 1959.
8. Къэрмокъуэ Хь. Анэхэмрэ къуэхэмрэ. – Зы едзыгъуэ ху пьесэ. – Налшык, 1961.
9. Одноактные пьесы. На кабардинском и балкарском языках. – Нальчик, 1973.

Негромкие уроки

Имя этого человека навсегда вошло в историю Кабардино-Балкарии. В ее переломные годы в общественно-политической жизни он отдал все силы для сохранения в республике мира, согласия, единства. Его добрые дела остаются незабвенными в памяти старшего поколения, многие из которого жили и работали рядом с ним. Выпала честь и мне, журналисту-газетчику, встречаться с ним, беседовать по некоторым острым вопросам, ответы на которые в свое время волновали многих жителей республики. Но прежде чем поведать об одной из таких встреч с М. Ш. Мамхеговым, хочу очень коротко напомнить об основных ступенях его восхождения к вершинам власти, достигнув которых, он честно служил своему народу. И первый шаг к этому, на мой взгляд, он сделал в то время, когда возглавлял Кабардино-Балкарское республиканское объединение «Сельхозтехника». Здесь М. Мамхегов особенно проявил себя грамотным специалистом и руководителем. И, главное, он умел общаться с людьми и, при всей своей требовательности, относился к ним к ним с уважением.

Помню на одной из ферм, куда я попал в составе комиссии, возглавляемой Михаилом Шувичем, он спокойно и терпеливо выслушал все, о чем говорил заведующий МТФ. По рассказу заведующего создавалось впечатление, что все здесь хорошо. И члены комиссии, в общем-то, довольные положением дел на ферме, уже покидали ее. И вдруг М. Мамхегов подошел к пустым бидонам из-под молока. Бидоны стояли у входа на ферму. Все остановились. Михаил Шувич подозвал завфермой и негромко спросил, когда, мол, в последний раз он проверял, как обработаны бидоны. Тот поспешил к одному из них, откинул крышку, заглянул внутрь и отрапортовал: чистый. М. Мамхегов, не говоря ни слова, сунул руку в бидон, провел ею внутри у самой горловины бидона, извлек оттуда увесистый слепок застаревших осадков от молока. И, обращаясь к заведующему МТФ, спросил: что это? Тот растерялся, смутился и пролепетал в ответ что-то невнятное.

Михаил Шувич лишь покачал головой и сказал: «Все, что ты тут нам красиво рассказывал, сведено на нет вот этой самой антисанитарией». Страхнув с пальцев грязные осадки, внимательно посмотрел на заведующего, спросил: «Ты все понял?», и, повернувшись, не спеша пошел к машине. Я оглянулся. Заведующий фермой стоял обескураженный, видимо, осознавая урок, преподнесенный ему М. Мамхеговым.

Такие, я бы сказал, негромкие уроки взывали к совести людей, заставляли их более ответственно относиться к работе. Их помнят, думаю, многие из тех, кому приходилось общаться с Михаилом Шувичем в те годы, когда он был первым секретарем Терского райкома партии, вторым секретарем обкома КПСС, Председателем Верховного Совета и Совета Министров КБР, депутатом Верховного Совета РФ и Парламента КБР. При его непосредственном участии и настойчивости в республике были построены многие жизненно важные объекты и сооружения. Его вклад в социально-экономическое развитие республики отмечен многими государственными наградами. Ему присвоено звание Почетный гражданин города Нальчика.

В разные годы жизнь Михаила Шувича складывалась по-разному, но свой долг перед народом родной республики он искренне исполнял до последних дней своей жизни.

Жанна АПЕКОВА,
кандидат филологических наук
Елена ДЕГТЯРЕВА

Особенности концепта «ложь» в русской, кабардинской и английской паремиологических картинах мира

Бинарная оппозиция правда/ложь относится к универсальным категориям человеческой жизни, конструирующим ее основу. Лингво-культурологический анализ паремий русского, кабардинского и английского языков позволили установить место правды и лжи в системе ценностей и антиценностей, углубить представление о культурно значимых смыслах, связанных с этими понятиями. Данная статья посвящена исследованию концепта «ложь», отраженного в наивно-лингвистической картине мира трех неродственных народов. Ложь – это разновидность несоответствия истине, действительной реальности, и люди, исходя из каких-либо интересов, могут намеренно исказить информацию.

Мы позволили себе предположить, что в русской, кабардинской и английской паремиологических картинах мира содержится в значительной степени одинаковое знание о лжи. Сходство обусловлено как общечеловеческими законами бытия, так и социально-историческими закономерностями развития народов. В то же время в паремиологических фондах анализируемых языков существуют языковые конструкции, закрепляющие опыт, присущий только одному народу. «Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они самоочевидны; напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит – в основном языковой системой, хранящейся в нашем сознании. . . Сходные явления позволяют создать сходную картину вселенной только при сходстве или, по крайней мере, соотносительности языковых систем» (Алферов, с. 74)

Лживый человек обладает следующими качествами:

- 1) бесстыдство: *Лыгнул, да и не покраснел; Он лжет и не краснеет;*
- 2) лицемерие (наличие в паремиях контекстуальных и языковых антонимов подчеркивает двойственность природы лицемеров): *В глаза ласкает, а за глаза лает; На языке медок, под языком ледок; Глазами плачет, а сердцем смеется; Ласковый взгляд, да на сердце яд; Листом стелется, да укусить целится* и др
- 3) хитрость: *Был бы прост, да привязан лисий хвост; Где нельзя перескочить, там можно перелезть.*
- 4) корысть: *В душу вьется, а в карман лезет.*

Лжец в кабардинских паремиях характеризуется либо негативно, либо

насмешливо. Так, отмечается, что он обладает следующими признаками: *И псалъэ дыкъуакъуэц* – Его слова двоятся; *И бзэгу къидзац* – Его язык высунут; *Щхъэ-щытху псори пцъыуныц* – Все хвастуны – вруны; *Пцъы уныным есар укъытэжкъым* – Кто привык врать, тот уже не стесняется; *Пцъы зыуны есар укъытэ илэжкъым* – Кто привык врать, тот стыда не имеет. Таким образом, лжец в кабардинских паремиях отличается отсутствием совести и чувства меры, хвастовством, болтливостью, он не может жить без вранья и один день: *Пцъы имы-упсмэ, и щхыр и дзэжэ дыхэркъым* – Если не соврет, то съеденное им не усвоится.

Англичане считают, что при всеобщности лжи жизнь обманщика не назовешь легкой: **Liers should have good memory** – Лжецам нужна хорошая память (чтобы себя не выдать). Ср. Лживому надо памятно быть. Пошли бог лжецу хорошую память. Ври, да помни; *Liar is not believed when he speaks the truth.* – Лжецу не верят, даже когда он правду говорит. Ср. Раз солгал – навек лгуном стал. Кто вчера солгал, тому и завтра не поверят. Лживый хоть правду скажет, никто не поверит. Соврешь – не померешь, да вперед не поверят. **A guilty conscience needs no accuser.** – Нечистой совести обвинитель не нужен. Ср. Нечистая совесть спать не дает. Совесть без зубов, а грызет. Совесть не волк, а ест поедом. Краденый поросенок в ушах визжит. Грех несет в себе и наказание.

Англичане считают лживость свойством людей определенного рода занятий: *Sailors and travelers never tell the truth.* – Моряки и путешественники никогда не говорят правду.

Самое большое число паремий посвящено такому проявлению лжи, как **лицемерие**. *Velvet paws hide sharp claws* – Бархатные лапки скрывают острые когти; *Many kiss the hand they wish to cut off* – Многие целуют руку, которую желали бы отрубить; *All that glisters is not gold* – Не все золото, что блестит; *The cat shuts its eyes when stealing cream* – Ворую сметану, кошка закрывает глаза. Смысл: людям свойственно закрывать глаза на свои прегрешения; *The devil lurks behind the cross* – За распятием сатана прячется. Ср. Около святых черти водятся; *The devil rebuking sin* – Черт, осуждающий грех. Ср. Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала; *The pot calls the kettle black* – Горшок называет котелок черным (хотя сам не белее). Ср. Горшок над котлом смеется, а оба черны; **A honey tongue, a heart of gall.** – Медовый язык, а сердце из желчи. Ср. На языке мед, а под языком лед. Глядит овцой, а пахнет волком; **All are not saints that go to church.** – Ср. Не всяк праведник, кто в церковь ходит. Всяк крестится, да не всяк молится.

Паремии, рассмотренные в данном аспекте, позволили выделить 3 логемы:

1) ложь наносит вред обществу и человеку (*Один вор всему миру разоренье. Кто правды не скажет, тот многих свяжет. Молодому лгать вредно, а старому – непотребно*);

2) солгав один раз, становишься лжецом. Паремии предостерегают: *Вранье не споро: попутает скоро.* О том, что солгать нетрудно, но затем останешься в памяти людей лжецом, много однотипных паремий, это, на

наш взгляд, говорит о том, что важнее было не допустить человека до лжи, чем потом исправлять ситуацию (*Соврешь – не помрешь, да впредь не поверят*);

3) ложь выходит наружу, а лжецы получают по заслугам. В паремиях неоднократно повторяется мысль о том, что лгать легко, но за это ждет неизбежная расплата (*Ложью свет пройдеши, да назад не вернешься. Тому худа не отбыть, кто привык неправдой жить*). Русские пословицы полагают следствиями лжи «вред, грех, стыд и утрату доверенности общественной», поэтому *Кто правды не скажет, тот многих свяжет*. И. М. Снегирев отмечает по этому поводу, что «всякая умышленная ложь есть обида не только для обманутых, но и оскорбление для всего человечества» [Снегирев 1997: 320].

Итак, паремиологический материал со значением «ложь» в трех языках показывает:

1) ложь универсальна, она постоянно присутствует в жизни человека (в английском варианте – правда легко превращается в ложь);

2) лгун отличается отсутствием совести, лицемерием, хитростью и корыстью;

3) ложь выходит наружу, а лжецы получают по заслугам;

4) ложь наносит вред обществу и человеку;

5) ложь ассоциируется с грехом, она слаба, недолговечна, в русских паремиях приравнена к воровству;

6) иногда допускается ложь в обыденной жизни (в кабардинских паремиях допускается обман более хитрого и сильного);

7) у русских и кабардинцев – необходимо противостоять неправде;

8) у русских и англичан – ложь часто встречается среди определенных групп.

Можно сделать вывод, что ложь в паремиологическом фонде и русского, и кабардинского, и английского народов является универсальным образом сознания, характеризуется абстрактностью своей семантики. Она рассматривается как один из пороков человека, как грех. При общем негативном отношении ко лжи, которая приносит вред обществу и человеку, в русских и английских паремиях есть довольно многочисленные группы, которые не только отмечают наличие лжи в обыденной жизни людей, но и соотносят ее с некоторыми профессиями. В русских и английских паремиях встречаются конструкции о том, что с ложью легче и выгоднее жить. В кабардинских паремиях лгунов ассоциируют с хвастунами, а в русских – с ворами, плутами, мошенниками. В русском языке огромное количество поговорок о разнообразных типах лжецов, в кабардинском – тоже, но количество их несоизмеримо. Отношение к лжецам и в русских, и в кабардинских паремиях ироничное, в английских – опасливое.

Зарема САБАНЧИЕВА

Традиции и новаторство в преподавании русского языка и литературы в современной школе

Время политических, экономических и социальных перемен не может не отразиться на развитии науки и культуры. Это относится и к русскому языку и к методике его преподавания и изучения. Обычно говорят о новаторах-практиках. Между тем традиционность и новаторство свойственны и научной мысли, причем новым для сегодняшнего дня является как действительно новое, так и ранее отвергнутое научной традицией. В российской лингвистической и методической традиции есть много, что становится актуальным именно сейчас и требует к себе пристального внимания.

Мы, учителя, часто уповаем на открытие некоего универсального метода преподавания русского языка и литературы, который позволит решить все педагогические проблемы. Мне кажется, искать такой метод – все равно, что искать философский камень. Каждый методический прием, учебная ситуация должны быть осмыслены учителем с точки зрения воспитательного воздействия на личность школьника. Учитель должен четко знать, к каким нравственным аксиомам он ведет своего ученика. Нет, не лишать его – молодого, неопытного – свободы нравственного выбора: делать выбор и отвечать за него будет сам ученик. Задача учителя русского языка и литературы в современных условиях в том, чтобы показать, как этот выбор делала великая русская литература, отечественная культура и ее деятели. И действовать мы должны посредством Слова.

Изучение языка и речевой деятельности привело к выявлению четырех «основ методики преподавания языка», вернее четырех методических концепций преподавания и изучения языка: практического языкознания, лингводидактики, лингвопсихологии и лингвопедагогики. Практическое языкознание – это описание языка в учебных целях; лингводидактика – это теория обучения языкам; лингвопсихология – это теория речевой деятельности; лингвопедагогика – это теория воспитания при преподавании языка.

Основатель методики русского языка Ф. И. Буслаев писал: «Ученый, излагая науку, увлекается только ею одной, не обращая внимание на личность читателя или слушателя, он предлагает свою науку единственно тому, кто поймет его. Напротив того, педагог должен развивать, образовывать, упражнять способности учащихся: наука его тогда имеет свою цену, когда прилична тем лицам, коим преподается».

Сказанное дало основание сформулировать две основные методические теории в преподавании русского языка.

Первая теория главным предметом изучения считает язык, его систему, представленную как набор морфологических, синтаксических, и фонетических ярусов. Здесь на первое место выдвигается грамматика;

языковые единицы – морфема, форма слова, словосочетание, предложение. Коммуникативность понимается как обучение на синтаксической основе, как выражение логических категорий и понятий. В современных учебниках методики русского языка теория представлена как методика преподавания грамматики, орфографии, пунктуации; а теория словарной работы отнесена к методике развития речи, как и методика работы над связной речью.

Вторая теория предметом изучения считает говорящего человека, языковую личность, его речевые и мыслительные способности порождать и воспринимать речевые высказывания. На первую роль выдвигается речевая деятельность, которая мыслится как система активных (говорение, письмо) и пассивных (чтение) видов речевой деятельности. Единицей обучения становятся речевые образцы и текст. Сторонники грамматико-переводной методики называют такой метод аграмматическим, так как изучение грамматической темы перестает быть главным, уроки строятся как ситуативно-тематические; грамматические явления изучаются как лексико-грамматические комментарии к тексту или диалогу; грамматические темы рассеяны по всему курсу обучения.

Учебная беседа и учебный текст – это методические понятия. Для преподавателя беседа – это всего лишь прием обучения, хотя беседа учащихся может напоминать естественный разговор на ситуативную тему. Коммуникативная методика обращает особое внимание на языковую форму. Поэтому без знания грамматики, ее правил никакого владения языком не может быть; знание хотя бы словарного минимума не может возникнуть без содержательного общения.

Важное значение в методике преподавания русского языка и литературы в современной школе приобрел культуроведческий подход в обучении – это аспект усвоения и активизации в процессе обучения языку национально-специфических фактов и явлений русской культуры, которая включает в себя совокупность исторических, географических, обиходных знаний, знания о духовных и материальных ценностях, как национально-культурной общности. Соизучение языка и культуры русского народа решило важную задачу формирования навыков адекватного общения, полноценной коммуникации. Культуроведческий аспект преподавания русского языка имеет три цели:

1. **воспитательная** – происходит формирование двуязычной личности, знание культуры русского народа;
2. **образовательная** – познание культуры родного народа в сопоставлении с русской культурой;
3. **коммуникативная** – формирование коммуникативной компетенции.

Обучение русскому языку и литературе в Кабардино-Балкарии происходит в условиях неблизкородственного двуязычия, поэтому в работе надо учитывать природные свойства языковой системы родного языка, принципиально новые подходы к изучению слова, словосочетания, предложения. Нельзя хорошо владеть языком, если не знаешь культуру этого народа. Также при обучении языку должен быть нетрадиционный коммуникатив-

ный подход к проблеме формирования, развития и совершенствования речи на русском языке при природном мышлении обучаемых на родном языке. Нет речи без мышления. Речь формируется на русском языке, а мышление остается на родном. Нельзя язык переводить буквально, надо учитывать колорит мышления.

Таким образом, анализ текста нельзя ограничить рассмотрением грамматических форм и связей, необходим и глубокий анализ смысла, семантики слов, которые могут иметь и национально-языковое своеобразие.

Приведем пример. Учитель в классе задает вопрос: «Кофе – какого рода?» Может быть два ответа: мое и мой. Первый ответ опирается на окончание – Е: это окончание существительных среднего рода (поле, море и т.п.); они склоняются по мягкому варианту второго склонения. Однако несклоняемое существительное кофе в современном русском литературном языке имеет мужской род: жареный кофе, молотый кофе, утренний кофе и т.п. Почему? Для этого нужно проследить семантику этого слова. В прошлом существительное кофе имело другую форму – кофей (кофий) и склонялось как существительное мужского рода. Например, у Пушкина: «Проезжий не спрашивал себе ни чаю, ни кофию».

В рамках единой теории практикуются разные истолкования, разные методические приемы лингвистического анализа текста.

В методической теории и учительской практике бытует четыре подхода к изучению состава слова – морфемный, корневой, словообразовательный и формообразовательный.

Морфемный разбор слова может идти слева направо, причем морфема характеризуется исключительно по месту морфемы в слове: приставка – то, что перед корнем, окончание – то, что после корня. В некоторых (простейших) случаях такой анализ является правильным: ПРИ-ХОЖ-У, ПРИ-ГОРОД-У. (-У- окончание глагола, выражающее значение лица, времени, числа, наклонения. И -У- окончание существительного, выражающее значение падежа, рода, числа). Морфемный анализ, проводимый без учета значения и функции морфем, недостаточен, может приводить к неполным и неправильным решениям.

Преподавание русской литературы в настоящее время подвергается серьезному пересмотру. Пересматриваются методические принципы преподавания литературы, что привело к отказу от весьма спорной теории «двух культур в каждой национальной культуре», а также к выявлению не только критической направленности русской литературы, но и к утверждению ее высокого духовно-нравственного пафоса. Происходит выявление национально-особенного как в родной, так и в русской литературе, которое важно не само по себе, а для того, чтобы в сравнении обнаружить типологическую общность, свойственную обеим литературам, и посредством этой общности переключить учащихся в другую (неродную) для них культуру. Таким образом, литературное образование в нашей республике основывается на изучении двух литератур: родной и русской. Оба предмета изучаются параллельно. Приобретенный в процессе изучения родной литературы духовный опыт и эстетический кругозор учащихся

расширяются и обогащаются благодаря знакомству с лучшими произведениями русской литературной классики.

Школьный учитель, какие бы творческие манеры и наклонности он ни проповедовал, каким бы эрудитом ни был и что бы ни преподавал: математику или физику, химию или черчение, по сути и в основе – Воспитатель. Анализ литературного произведения должен вырастить в этическую проблему, а не в обзор всего, что было до и после книги. Эти «до» и «после» хотя и важны, хотя и объясняют литературой саму книгу, но решающего значения для урока не имеют. Все это так. Тем не менее, теорию лучше употреблять небольшими порциями. Не за научно-теоретической базой и литературным процессом идут на урок ребята, а за тем, без чего жить нельзя. Сейчас, сегодня. Идут, чтобы знать, к чему вернуться через много-много лет. Уж, наверное, не «к единству сюжетного и композиционного...», а, скажем, к стихотворению Пушкина «Я помню чудное мгновенье...», чтобы услышать в нем «непрочитанный ранее гимн Вдохновению». А после по-новому открыть для себя Маяковского, Есенина...

Что и как анализировать, не нарушая целостности художественного произведения и сложных творческих связей с классом, – проблема, которую каждый учитель решает индивидуально.

Я твердо убеждена, что уроки русского языка и литературы должны стать прежде всего уроками труда души. Именно эти уроки создают четкую систему нравственных ценностей. Уроки литературы не должны существовать только как повод для беседы учителя с учениками, а уроки русского языка не должны сводиться только к изучению и отработке орфографических и пунктуационных правил. Если русская литература станет частью духовного бытия наших учеников, то тогда учитель поработал не даром. Вопрос о том, будут ли наши дети личностями, будут ли знать русскую литературу, почувствуют ли они притягательную силу родного языка, стоит сейчас очень остро. И решение его зависит от нас, учителей русского языка и литературы – учителей словесности.

Литература

1. *Буслаев Ф. И.* О преподавании отечественного языка. 2-е изд. М., 1967. С. 1
2. *Кодухов В. И.* Введение в языкознание. М., 1987. С. 207.
3. *Костомаров В. И., Митрофанов О. Д.* Методическое руководство для преподавателей русского языка. 2-е изд. М., 1978. С. 7, 8.
4. *Черкезова М. В.* Литературное образование: традиции и реальность. Журн. «Литература в школе». 2004. № 2. С. 23–25.
5. *Мамхегова Р. А.* К проблеме интенсивного обучения русскому языку с учетом языковой ситуации в республике. Нальчик: КБГУ, 2002.

Книжные новинки

Автор-составитель – Александр Сарахов, старший советник юстиции, почетный работник прокуратуры РФ, член Союза писателей РФ, председатель ветеранской организации прокуратуры КБР

Конституция РФ 12 декабря 1993 года – важнейший этап на пути становления России как демократического правового государства.

Законность – это принцип деятельности государственного аппарата. Диктатура закона – необходимое условие развития демократии, ее всемерного расширения.

Знать историю прокуратуры необходимо не только в познавательных, но и в практических целях. Пройдя по тропам закона,

органы прокуратуры Кабардино-Балкарии вышли на большой простор, где открыты широкие возможности для исполнения возложенных задач.

Материалы для книги накапливались из многочисленных источников в течение многих лет. На страницах этой книги рассказывается об истории возникновения и становления прокуратуры в Кабардино-Балкарии. Через образы людей, посвятивших свою жизнь борьбе за укрепление законности, читатель узнает об этапах развития органов прокуратуры как части единой системы надзорного органа Российского государства. Пройденный путь не всегда был гладким. Были и сложные времена.

Много внимания уделено участникам Великой Отечественной войны 1941/1945 годов. Они, возвратившись с фронта, снова вступили на другой, незримый фронт, чтобы вести борьбу с преступностью и добиваться укрепления правопорядка. К сожалению, не все они дожили до сегодняшнего дня.

В этой книге рассказывается и о ветеранах прокуратуры, чей опыт бесценен для сегодняшних сотрудников, об интересных событиях и фактах.

Сегодня мы можем гордиться многими сотрудниками прокуратуры, которые проявляют профессионализм, искреннюю преданность служебному долгу.

Прокурором может быть только человек-профессионал с чистыми руками, горячим сердцем и холодной головой.

Как сохранить позвоночник здоровым

■ 1. **ВОЗЬМИТЕ** себе за правило делать очень простое упражнение: встаньте спиной к вертикальной поверхности, например к стене. Обязательно касайтесь ее одновременно затылком, немного опущенными плечами, лопатками, ягодицами и пятками. Постоите около минуты, запомните положение тела и, сохранив его, отойдите от стены. Это и есть правильная осанка. Несколько раз в день поправляйте свою осанку. Пусть ваши мышцы «запомнят» ее.

■ 2. **НЕ КЛАДИТЕ НОГУ НА НОГУ!** Это вызывает боль в нижней части позвоночника, нарушает кровообращение и может даже привести к заболеваниям в области малого таза и половых органов. И не садитесь резко, со всего маха на стул! Этим вы каждый раз наносите удар по позвонкам, отчего повреждаются хрящевые поверхности и диски.

■ 3. **ЕСЛИ ВАМ** приходится долго стоять (например, в очереди или в транспорте), не забывайте менять позу каждые 10 минут. Опирайтесь нужно по очереди на каждую ногу, чтобы на них попеременно приходилась масса тела. Ходите на месте. Время от времени полезно вытянуть руки вверх, прогнуться назад и сделать глубокий вдох. Вы сразу же почувствуете, как уменьшилось чувство усталости, и ощутите прилив энергии.

■ 4. **ПОДНИМАТЬ ТЯЖЕСТИ** надо двумя руками, спина при этом должна быть прямая, не наклоненная ни в одну сторону.

■ 5. **БОЛЬ В СПИНЕ И ПЛОХОЕ НАСТРОЕНИЕ ТЕСНО СВЯЗАНЫ!** Не уходите в свои проблемы, обиды, переживания. При плохом психическом состоянии изменяется тонус кровеносных сосудов, что, в свою очередь, может ухудшить кровоснабжение в уже затронутых недугом нервных окончаниях. Что и приводит к болевым ощущениям не только в области спины. Боль может отдавать, например, в руку или ногу.

Защити себя от страхов

■ **НЕ ГОНИТЕ** от себя страх и тревогу, лучше посмотрите им прямо в лицо. Положив рядом ручку и лист бумаги, задайте себе вопрос, что вас беспокоит (пугает). Запишите первые 5–10 ответов – те, что сразу пришли в голову. Поняв причину тревоги; (страха), вы сможете ей противостоять.

Тревожась по любому поводу, не давая себе передохнуть ни днем ни ночью, некоторые люди тратят на переживания уйму времени и сил, а потом чувствуют себя разбитыми. Причем тревоги и страхи эти чаще всего придуманные. Кто-то боится смерти, старости, потери близких. Чтобы приручить свои страхи, в том числе и страх смерти, нужно запомнить простую истину: убегая от страхов и боясь даже думать о том, что пугает, вы только раззадориваете свой страх. Лучше действовать по-другому.

■ **ЕСЛИ ПРИВЫКЛИ** тревожиться всегда и за всех (детей, родственников), не боритесь с собой. Вместо того чтобы постоянно думать и накручивать себя, прямо сейчас позвоните или проведите того, о ком волнуетесь. Если это невозможно, представьте себе не страшные ситуации, а что-нибудь хорошее.

■ **НАЗНАЧЬТЕ** для тревоги или страха специальный час и ежедневно посвящайте его мыслям об этом. Удивительно, но уже в первые минуты все тревоги и страхи куда-то улечучиваются, вам еще придется потрудиться, чтобы тревожиться целых 60 минут.

■ **НАСТРАИВАЙТЕ** себя на хорошее, что бы ни случилось. Выход всегда есть, ищите. А для начала скажите себе: «Ну случилась кочка на дороге, это не повод опускать руки». И выход найдется.

Сон – важно!

Наше самочувствие, настроение и взаимоотношения с близкими людьми во многом зависят от того, как мы спали.

■ **8 часов сна** – чувствуем себя молодыми, бодрыми и уверенными в своих силах, у нас хорошее настроение и свежий вид.

■ **7 часов** – нами овладевает уныние, приходится делать усилие, чтобы сконцентрировать внимание, слабеет кратковременная память, замедляются реакции.

■ **6 часов** – реагируем на все с излишней раздражительностью, нам не удается быстро принять решение, накапливается лишний вес, снижается иммунитет, пропадает изящество и ловкость в движениях.

■ **5 часов** – нас охватывает депрессия, реакции затормаживаются вдвое, увеличивается вероятность сердечного или желудочного приступа, мы чувствуем себя так, будто приняли изрядную дозу алкоголя.

■ **4 часа** – наша вспыльчивость переходит разумные границы, мы ощущаем себя потерянными, опустошенными и выглядим лет на десять старше своего возраста, все валится из рук.

Материал подготовила О. Малюга

В номере:

Иван Тертычный. Из тумана – в туман.	2
Телевидение – моя профессия	
Аслан Мамхегов. <i>Очерк</i>	3
Саладин Жилетежев. Мой друг Славик. <i>Очерк</i>	18
Фатима Ксанаева. <i>Интервью</i>	20
Фатима Дударова. Необычная династия. <i>Очерк</i>	24
Танзиле Зумакуловой вручили орден Почета в Кремле. <i>Информ.</i>	28
Елена Куянцева. «Женская суть» лирических стихотворений Т. Зумакуловой. <i>Статья</i>	29
Магомед Кучинаев. Третий батальон. <i>Главы из повести</i>	30
Наши юбиляры. Алексей Кушхаунов	59
Алексей Кушхаунов. Нарочно не придумано. <i>Рассказы</i>	60
Саладин Жилетежев. Испытание мужеством. <i>Главы из повести</i>	66
Ахмед Мизов. В землянке на краю аула... <i>Главы из повести</i>	82
Алим Алафаев. <i>Стихи</i>	97
Аминат Атабиева. О, женщина. <i>Рассказы</i>	104
Галина Горбачева. <i>Стихи</i>	114
Батал Шулумба. Маленький принц. <i>Рассказ</i>	116
Елена Губашиева. Писатель и время: из истории кабардинской советской литературной критики. <i>Статья</i>	119
Памятные даты: Отаров К. С., Балкарова Ф. Г., Журтов Б. К.	122
Хусейн Занкишиев. Я шел по дорогам жизни. <i>Отрывок из повести</i>	125
«Победить или лечь костьюм...» <i>Очерк</i>	129
Борис Евгенов. <i>Стихи</i>	134
Геннадий Коммодов. Если оживить страницы истории... <i>Очерк</i>	135
Владимир Кудав. Дарящий свет. <i>Очерк</i>	146
Султан Пишибиев. Возвращение домой. <i>Очерк</i>	152
Жамал Аттаев. Миссия дружбы и добра. <i>Очерк</i>	155
Мусаби Шхануков. Солдат Отечественной. <i>Очерк</i>	158
Жамбулат Сокуров. Я счастлива... Нашла отца. <i>Очерк</i>	161
Эдуард Битиров. Алий Атабиев: о своем выборе не жалею. <i>Очерк</i>	166
Борис Борисов. Хирург от Бога. <i>Очерк</i>	170
Задин Маремов. Самое лучшее в России детское воспитательное учреждение. <i>Очерк</i>	173
Зоя Хачетлова. Воспоминание. В духе традиции – в ногу со временем. <i>Очерки</i>	179
Фатимат Шибзухова. Лучше раньше, чем никогда. <i>Статья</i>	183
Марита Нахушева. Где, как и почему рождается «трудный» подросток. <i>Статья</i>	184
Хасани. <i>Стихи</i>	185
Алан Алагиров. Творческое начало заложено в генах. <i>Очерк</i>	189
Альбек Абазов. Малая драматургическая форма в кабардинской драматургии. <i>Статья</i>	192
Арнольд Баскаев. Негромкие уроки. <i>Статья</i>	166
Жанна Апекова, Елена Дестярева. Особенности концепта «ложь» в русской, кабардинской и английской паремиологических картинах мира. <i>Статья</i>	197
Зарема Сабанчиева. Традиции и новаторство в преподавании русского языка и литературы в современной школе. <i>Статья</i>	200
Книжные новинки. Тропую закона	204
Красота. Здоровье. Жизнь	205

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации
Управление Роскомнадзора по КБР
ПИ № ТУ 07-00037 от 12.10.11 г.
Подписной индекс 78452

Компьютерная верстка: *О. Ф. Малюга*

Подписано в печать 20.03.12. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 13.

Тираж 2 150 экз. Заказ № 71. Свободная цена

Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.

Тел.: главный редактор – 47-74-02,
редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,
e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано ООО «Тетраграф».
КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 33.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публикаций может не совпадать с точкой зрения редакции. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4, размер шрифта – 14, междустрочный интервал – 1,5), с приложением копии на электронном носителе и личных данных (копии: ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, сберкнижка «Сбербанка РФ», номер контактного телефона), а также – при одобрении редакцией произведения – составляется двухсторонний договор и акт приема-передачи.
